

Адмирал флота Смирнов

ЧЕЛОВЕК И ФЛОТОВОДЕЦ

Адмирал флота Смирнов

ЧЕЛОВЕК И ФЛОТОВОДЕЦ

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2017

**БИБЛИОТЕКА
КЛУБА
АДМИРАЛОВ**

ЧАСТЬ 1

Рассказ о необыкновенном человеке из народа

Александра Красногородская,
журналист, заместитель главного редактора «Известий»

Истоки

О Николае Ивановиче Смирнове я узнала из рассказов его сына — Сергея Николаевича. Сильнейшим впечатлением стало и посещение мемориального кабинета адмирала флота, восстановленного детьми и внуками. Можно сказать, с него все и началось. Кабинет этот фактически собран из подлинных вещей Николая Ивановича. Ощущение такое, что каких-то пять-десять минут назад он работал за этим письменным столом, перетянутым зеленым сукном. Сам включил настольную лампу и сейчас просто вышел ненадолго...

Николай Смирнов — ровесник Октябрьской революции. В 2017-м ему исполнилось бы 100 лет. Выросший при советской власти, защищавший страну в период Великой Отечественной войны, коммунист, в основу жизни положивший служение Родине на всех уровнях — от лейтенанта до адмирала флота. На пике могущества СССР — командующий Тихоокеанским флотом и первый заместитель главкома ВМФ.

В основу повествования легли воспоминания членов семьи Николая Ивановича, отзывы сослуживцев, друзей и товарищей. Часть информации взята из открытых источников.

Традиционно для биографий первая глава начинается глаголом «родился» — а произошло это в деревне Робцово¹. По сведениям на 1907 год² деревня Рябцово числилась

¹ Название деревни изменялось — Рубцово, Рябцово, Робцово — как на картах, так и в официальных источниках.

² Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года), издание Костромского губернского земства, Кострома, 1908 г.

в Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии и насчитывала: дворов — 20, душ — 121.

Деревня Рубцово в старину называлась Бурцева — по имени первого поселенца Бурца (такое мужское имя было широко распространено на Руси в XVI–XVII веках). Известна деревня с 1616 года, тогда в ней стояло три двора, и была она в составе Парфеньевской околородной волости. В переписи 1628 года деревня названа Рубцово (а Бурцево тож), и новое название связано с тем, что земли деревни граничили с землей помещика Ладыженского и здесь проходил рубец (межа). Деревня Рубцово в 1625 году вошла в состав матвеевской вотчины князей Репниных и более 230 лет находилась в их роду. В царствование Екатерины II владелец матвеевской вотчины князь С.И. Репнин наделал много долгов и заложил ее в казну «на Ея величество» для продажи другому владельцу. Когда возбудили дело о продаже имения другому лицу, Репнин собрал последние деньги и выплатил часть долга, умоляя императрицу родовую (дедову) матвеевскую вотчину не продавать. Имение осталось за ним. Последним владельцем деревни Рубцово была Варвара Николаевна Репнина.¹

В начале XX века в деревне господствовал патриархально-общинный уклад — сообща обрабатывали трехполосицу², чинили дорогу, строили дома новым семьям,

¹ Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская (псевдоним Лизверская), жила в 1808–1891 годах — русская писательница и мемуаристка из рода Волконских. Варвара Николаевна дружила с Гоголем, принимала горячее участие в судьбе Шевченко, который посвятил ей поэму «Тризна».

² Так местные жители называли используемый ими способ обработки земли для выращивания злаков. Участок делился на три полосы, одна из которых была засеяна (каждый год менялась), а две остальных — отдыхали.

отмечали праздники. Социализма было, пожалуй, больше, чем при советской власти. Уважение к старшим было законом.

Могли ли жители Робцово в далеком 1917-м представить себе, что в семье инженера Ивана Смирнова появился на свет будущий адмирал? Чтобы вот так вот — от земли и от сохи да с большими золотыми звездами на плечах, что босоножий Колька превратится в уважаемого на всех континентах флотоводца и войдет в историю отечественного ВМФ.

Семья Смирновых по старорежимным меркам считалась таким сельским средним классом. Дед Николая Ивановича по отцовской линии — Михаил Ефимович Смирнов — служил объездчиком лесов. До революции на эту должность назначались отставные военные младших офицерских чинов. В обязанности объездчику вменялся

Дед и отец Н.И. Смирнова. Справа — Иван Михайлович, рядом Михаил Ефремович, слева — Николай Михайлович, брат Ивана Михайловича

контроль за работой лесников, вырубкой, охотничьими делами. Поэтому за семьей прижилась и вторая фамилия — Обьездчиковы, то есть обьездчиковы дети.

Иван Михайлович Смирнов родом был из того же Робцово (1888 г.р.). Сама деревня, изначально принадлежащая Репниным, в конце 19-го века была передана в безвозмездное владение крестьянам, вместе с землей. Старики считали, что название «Робцово» деревня получила, от проживающего тут сильно трудолюбивого и справного, народа — «роботящего». Мужиков, круглый год проводивших в деревне, было немного: их охотно нанимали окрестные мануфактуры.

В 1905-м Иван Михайлович женился на будущей матери нашего героя — Прасковье Сергеевне Варновской. Прасковья выросла в обычной крестьянской семье в соседней деревне Возгирево — в 10 км от Робцово. Сейчас, к сожалению, оба населенных пункта сохранились лишь только упоминаниями в исторических хрониках. В XXI веке этих деревень не стало: старики ушли в мир иной, молодые разъехались в города.

Но вернемся в начало прошлого столетия, в бкаящую губернию, в Робцово, куда Иван Михайлович привез молодую жену. Местные мужчины зимой дома не засиживались, уезжали на заработки в Санкт-Петербург. Иван Михайлович тоже начал частенько уезжать. Известно, что в свое время он не смог поступить в институт, хотя это не помешало ему самостоятельно выучить инженерное дело и заниматься проектированием. Дети вспоминали, как Иван Михайлович «брал работу на дом» — приносил ватманы и синьку. И уже там, на широком обеденном столе, делал чертежи и проводил расчеты.

Хотелось бы заострить внимание читателя на фактах, которые мы еще встретим и в судьбе Николая Ивановича:

Санкт-Петербург, высшее образование, самостоятельное изучение предмета. Тихое и живописное Робцово десятилетиями выживало за счет слабого пола, все крестьянское хозяйство, — большинство мужчин зимой уезжали на заработки в Петербург, и весь нехитрый и тяжкий быт ложился на плечи женщин. И Прасковья Сергеевна быстро стала хозяйкой в семье Смирновых. Как рассказывали старшие дети Ивана Михайловича, отец очень приобщился к столичной жизни и, возвращаясь в родную деревню, привычкам не изменял. Также выходил «в люди» в дорогом костюме, на базар шествовал с тросточкой — таким питерским франтом. Семья жила в достатке, Иван Михайлович привозил из Петрограда хорошие деньги.

Иван Михайлович Смирнов

Несмотря на частое отсутствие главы семейства, дисциплина в доме была безупречной, авторитет отца — превыше всего. Случаи, когда дети за столом могли схлопотать ложкой по лбу за плохое поведение, были нередкими: Иван Михайлович и Прасковья Сергеевна отличались строгим нравом.

Родительский дом

В период с 1915 по 1918 год, Иван Михайлович и Михаил Ефремович строили новый дом для молодой и растущей на глазах семьи. Это был добротный двор-крепость: в нем можно было и жить, и ухаживать за скотиной. Соседи дивились. Впрочем, каким еще мог быть дом строительного инженера? Целый комплекс, состоящий из жилых, подсобных и хозяйственных помещений, соединенных между собой крытыми переходами. Не ступая на улицу, получалось пройти к коровам, лошади, курам и овцам.

Огромная бревенчатая изба-пятистенка с подсобными помещениями и подвалом! Снаружи строение обшили тесом и покрасили в красный цвет — в то время в Робцово все дома выкрашивались в яркие цвета — окна обрамляли резные белые наличники, крышу крыли дранкой. Поверху тянулся белый гребень, на котором установили флюгер. Под самой крышей, в центре, находилось главное смирновское украшение — резной — и тоже белый! — балкон. Дом выглядел мощным, величественным. С большими окнами, расположенными так высоко от земли, что даже взрослый не мог дотянуться. А вот на уровне пояса располагались вдобавок маленькие резные окошки — световые проемы подвала. Вокруг дома раскинулась вы-

сокая завалинка. У крыльца Иван Михайлович положил большой плоский камень.

Дом делился на две части — жилую и поветь. Внизу располагался огромный подвал с высотой потолка более двух метров. Часть подвала, находящаяся под жилой зоной, использовалась для хранения свежих и квашеных овощей, под поветью находились «скотные» отсеки. Пол там устилали толстые бревна, по которым зимой легко поднимали телегу: чтобы удобнее разгружать. Внутри стены дома также обшили дранкой, но еще и оштукатурили. Отапливались помещения русской печкой и двумя встроенными, отделанными художественными изразцами комнатными печками.

Пол положили дощатый, выкрашенный специальной светло-коричневой краской, только в горнице. В остальных же комнатах он оставался белым — его натирали речным песком. Пол застилали самоткаными половиками и дорожками. Освещали дом керосинки: в каждой комнате находились подвесные или настольные лампы, и только в горнице стояла десятилинейная большая лампа под абажуром.

Окна прикрывал дорогой петербургский тюль, в зале на стене висели маятниковые часы с гирями. Отдельная гордость Смирновых — книжные шкафы. Их было очень много, отец обожал читать и приучал к благороднейшему занятию своих детей.

В дом приобретали мебель для любого предназначения: сундуки, платяные и посудные шкафы, скамейки. Отдельный книжный сундук поставили на чердаке, который служил постоянным местом сушки белья. В этом доме и прошло детство Николая Ивановича.

Поскольку отец часто уезжал, воспитывали будущего адмирала флота мать, бабушка, старший брат. И родная земля. Ежедневный крестьянский труд: от первых пету-

хов и до седьмого пота. Костромской мужик работающий, здесь же не золотая Украина, не богатые черноземом Дон и Кубань. Веками тутошние кормились на своем суглинке, выжимая максимум из болотистой почвы. Потому и далекая «власть капиталистов», и даже засилье перекупщиков не были совсем уж в тягость этой деревне. Но советскую власть принимали с огромной радостью, как избавительницу. Слишком тяжело дались селянам три года империалистической войны. Детство Николая пришлось на голодные, но светлые годы, озаренные большими надеждами.

Много лет спустя, в середине 1980-х годов, адмирал флота смог побывать на своей малой родине. К этому времени в деревне осталось всего несколько домов, в одном из которых жила с мужем троюродная сестра Николая Ивановича, в остальные только на лето, как на дачи, приезжали потомки рубцовских крестьян, причем все проживали в Ленинграде. Отцовский дом уже в то время не сохранился, но место его можно было найти. В настоящее время деревня полностью вымерла, и даже найти ее бывшее место трудно¹.

Семья и школа

Первенцем в семье Ивана и Прасковьи Смирновых стал Миша — он был назван в честь деда. Впоследствии Михаил выучится в Петрограде, уедет на работу по лесной части в Карелию, затем уже во время Великой Отечественной попадет на фронт, будет комиссован по

¹ Интересно, что деревня Рубцово, тем не менее, показана на картах Яндекс — видимо, за основу брались старые карты.

ранению, после победы проживет недолго — скажутся последствия того боевого ранения.

Второй в семье родилась Ольга... Затем Любовь, Николай, Валентина, Софья.

Николай появился на свет в год величайших событий, о чем ему в дальнейшем не раз напоминали сокурсники, сослуживцы, товарищи и начальники. Сам же мальчик, студент, офицер и флотоводец, всегда считал это обстоятельство определяющим. По молодости постоянно спрашивал себя: сможет ли не посрамить?.. Уже когда учился в сельской школе, надеялся послужить советской Родине, если доведется. Правда, о флотской доле и мечтать тогда не смел. Где оно, Робцово, а где море-океан?

Будущий адмирал, а пока обычный костромской парнишка, мало выделялся среди сверстников. Непоседливый, озорной, любил лошадей и охотно сбегал в ночное. Впрочем, в отличие от товарищей-сорванцов благодаря отцу рано пристрастился к чтению. Отец такие увлечения поощрял и одобрительно улыбался в усы:

— Интересно тебе?

— Да, пап, только понятно не все. Зато картинки очень красивые, — отвечал Коля.

— Ну, читай, учись, ученым станешь, в Петроград поедешь...

В 1929 году Коля Смирнов со скромным узелком за спиной, с учебником и тетрадкой уехал учиться в Северную столицу, к тому моменту уже названную именем Ильича. В Робцово старших школьных классов не было, а отец очень уж хотел, чтобы младший сын получил высшее образование. Здравствуй, Ленинград!

Большой город никого не принимает в широкие объятия — ни самоуверенных карьеристов, ни скромных школьников. Если и приобнимет, то зачастую лишь затем, чтобы задушить могучими руками. Питер конца

1920-х годов. Только представьте атмосферу победившей колыбели революции. Коля хорошо помнил переживания отца и матери во время большевистской продразверстки, а когда он уезжал в Северную столицу, на деревню уже спускались сумерки грядущей коллективизации...

И вот он в самом сердце пролетарской революции, дышит балтийским воздухом, ходит по брусчатке, впитывает в себя потрясающую красоту этого величественного фасада петровской империи, канувшей в историю. Не было в России лучшего места, чтобы проникнуться любовью к архитектуре...

Переезд в Ленинград стал знаковым, поворотным этапом в судьбе будущего адмирала. Жил в комнате, которую предоставили Ивану Михайловичу в годы работы на Волховстрое. Жил — сильно сказано. Учился в старшей школе, но выживал буквально впроголодь. Его тогдашний рацион, вспоминает дочь Наталья Николаевна: «Квас и черный хлеб, постоянно хотелось есть. Рассказывал, что брюки все время зашивал и старался ни к кому не поворачиваться спиной».

Школа, где учился будущий адмирал, находилась в одном из двух домов Анненшуле (две школы на улице Кирочная, дом 8). Интересно, что в этих учебных заведениях в разное время учились также: путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай, историк В.В. Струве, юрист А.Ф. Кони, педагог П.Ф. Лесгафт, артисты В.И. Честноков и Е.М. Грановская, генерал-полковник Б.П. Иванов, Герой Советского Союза гвардии капитан Е.И. Красуцкий, конструктор судов на воздушной подушке Б.И. Кончаев, балерина Г.С. Уланова, поэт И.А. Бродский.

Особенно тепло Николай Иванович всегда отзывался о семье Махровских, полюбивших смышленного деревенского юношу. Как вспоминает сын Смирнова — Сергей Николаевич, «Махровские были олицетворением на-

стоящей питерской интеллигенции». Будущий адмирал учился в одном классе с Александрой, которую в семье Махровских звали Дина. В этой семье Николай был частым и желанным гостем. Истинная интеллигентность семьи Махровских проявлялась в том, принимали простого костромского парнишку настолько естественно, что он не стеснялся из-за огромной разницы в воспитании, а напротив, тянулся ко всему прекрасному, приобщался к культуре.

Папа Дины — Виктор Геннадьевич — родился в Саратове, был сыном священника. А значит, трагические события первой четверти прошлого века коснулись и этой семьи. В 1919 году отца Виктора Геннадьевича расстреляли в числе группы заложников. Это был ответ «красного террора» на ранение Ленина, последствия которого ощутила на себе вся страна. Еще до революции Виктор Геннадьевич Махровский окончил математический факультет Императорского Казанского университета, а впоследствии перебрался в Ленинград. Стал одним из создателей 12-метровой измерительной машины ВНИИМ — ее разработка позволила максимально точно измерять детали, предназначенные для судостроения и машиностроения.

В феврале 1917 года Виктор Геннадьевич обвенчался с Александрой Ивановной Тимофеевой, в том же году, в декабре, у них родилась дочь Сашенька, которая станет близким другом Николая Ивановича. Именно в семье Махровских будущий адмирал получит неоценимые уроки нравственности и культуры, приобретет основные качества человечности и внутренней порядочности.

Атмосфера в той семье витала удивительная. Николай Иванович вспоминал, что посещение Махровских становилось для него чем-то вроде праздника. В уютной квартире с массивной старинной мебелью и величественным абажуром над широким столом, с фамильным обеденным

серебром и живописью на стенах Коля Смирнов впитывал другую жизнь. Становился таким же выдержанным, учтывым. На первых порах это было элементарное подражание, которое затем вошло в привычку. В привычку быть общительным, но уважать собеседника, какая бы пропась — социальная или образовательная — ни разделяла.

Добрые отношения со взрослыми членами семьи, дружеские с одноклассницей Александрой — Диной. Неудивительно, что после окончания школы они вместе решают поступать в один вуз — градостроительный. Оба планируют стать архитекторами. Но в любой жизненной истории всегда находится место случаю. Возможно, через пару десятилетий мы бы слышали об известном архитекторе Николае Смирнове. Так, Александра Махровская стала известным ленинградским зодчим и ученым.

Однако в конце 1930-х в институт прибыла специальная военная комиссия: стартовал призыв в РККА по комсомольскому набору. Учитывая сложное международное положение, правительство решило к 1939 году увеличить личный состав Красной армии чуть ли не втрое.

В просторном кабинете декана члены комиссии проверяют ведомости и списки.

— Кузнецова давай, берем в авиаторы, — говорил заместитель начальника группы.

— Записали.

— Кузнецов — хороший парень, ответственный, — соглашался ректор, выдыхая: только бы не потребовали лучшего...

— Вот Смирнов, хорошая успеваемость, комсомолец, факультет архитектуры. На флот.

— Нет! Смирнова не надо! Он наша надежда! — пытается отстаивать ректор.

— А нам такие и нужны! — отрезает член комиссии. Делать нечего, с властью не поспоришь...

Николай Смирнов — курсант Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе

Так Николай Иванович, отучившийся полтора курса в архитектурном, в грозном 1937-м ступил на морскую стезю. Тогда это был еще рабоче-крестьянский Красный флот, который уже через год станет Военно-морским — ВМФ.

На Тихом океане

Решение зачислить Смирнова именно на флот, как и многих его ровесников-ленинградцев, имело и практические основания. В 1937-м открываются военно-морские училища в Баку и Севастополе, и балтийское, бывшее до сей поры единственным в Стране Советов, жадно требует новых курсантов. На два года Николай вновь попадает за парту. Правда, учат здесь совсем не тому, к чему он успел привыкнуть. Но вот наконец лето 1939-го. Буду-

щий адмирал получает корочку об окончании Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе, первое звание и распределение. В одну из самых отдаленных и стратегически важных точек Советского Союза — в Приморье, на Тихоокеанский флот.

Этот период жизни сам Николай Иванович вспоминал с особым чувством — говорил, что служба на Дальнем Востоке сыграла неоценимую роль как в его дальнейшем карьерном пути, так и в личном плане.

...Молодой лейтенант в легендарном флотском городе. Их там сотни. Каждый год — свежее пополнение с крошечными кубиками в петлицах. Неустроенная жизнь, неизвестное будущее. Наверное, лейтенант Смирнов не сильно отличался от сверстников «сталинского призыва». Или все-таки отличался?

В 1930-х страна совершила гигантский рывок во всех отраслях. Стремительно сокращалось отставание от великих капиталистических держав. Прежде всего — что касается укрепления обороноспособности. Армия и флот получали массу технических новинок, не проходило и месяца, чтобы испытатели не установили какой-нибудь новый рекорд в различных родах и видах войск.

Разумеется, самой востребованной кастой становились офицеры (или как тогда говорили «командиры»). Всесторонне подготовленные, образованные, воспитанные уже при социалистическом режиме люди. Юные кадры — восприимчивая, голодная до славы поросль — объективно, полнее и охотнее воспринимали технические новинки. Но даже среди этой растущей когорты Николай Смирнов заметно выделялся.

Подводный флот для советского государства имел важнейшее значение — особенно на Тихом океане. 1939 год, когда Николай оказался во Владивостоке, — это пик противостояния с милитаристской Японией. Масштабное

столкновение здесь видится неизбежным. В то время как на западных рубежах, напротив, кажется, угроза миновала: состоялось подписание пакта о ненападении с Германией, удалось существенно отодвинуть границу, вернув исконно русские территории на Украине и в Белоруссии.

А тут... Равные бои с японцами на озере Хасан сменились жуковскими клещами на реке Халхин-Гол в Монголии. Успех решительный, но все понимают, что недостаточный. Ведь еще свежи в памяти неудачи войны 1905–1907 годов, проигранной из-за поражений на море при в целом равенстве в сухопутных сражениях. Укрепление именно подводного флота представляется в условиях цейтнота приоритетным — дизельная серийная подлодка ведь делается за несколько месяцев, а крупные надводные корабли создаются годами. Вот почему назначение на Тихий океан — это перевод на самый ответственный на тот момент участок государственной обороны.

Начинал, однако, Николай Иванович не на субмарине. А на сторожевом корабле «Красный вымпел»¹. Это удивительное судно, заложенное как яхта в Санкт-Петербурге еще в 1910-м, в 1930-х переоборудовали в СКР. В 1958-м оно было превращено в плавучий музей, в 2014-м после ремонта сотрудники Музея боевой славы ТОФ экспозицию обновили. Именно здесь командиром зенитной батареи заступил на флотскую службу будущий первый заместитель главкома ВМФ.

Впрочем, уже в декабре на три года вторым домом Смирнова станет подлодка Щ-125 (в 1949 года переименована в С-125). На ней Николай Иванович служил штурманом и

¹ Сторожевой корабль «Красный вымпел» был одним из первых кораблей, зачисленных в состав Морских сил Дальнего Востока, которые были воссозданы в советское время в 1932 году. В 1935 году Морские силы Дальнего Востока были переименованы в Тихоокеанский флот (ТОФ).

Адмирал флота Н.И. Смирнов на сторожевом корабле «Красный вымпел», откуда видна мемориальная гвардейская краснознаменная подводная лодка С-56, установленная на Корабельной набережной во Владивостоке¹

помощником командира, на ней совершил первые свои длительные морские походы. Судьба корабля года Щ-125 (С-125), на которой когда-то лейтенант Смирнов впервые вышел в Охотское море, сложилась так, что была исключена из списков плавсредств ВМФ и разделана на металл в 1971 году, когда адмирал Смирнов командовал ТОФ.

...Еще осенью 1939-го молодой подводник познакомился с Риммой Орловой. Дело было у Валентины Симаковой. В квартире ее родителей собиралась молодежь на дружеские посиделки — вместе после работы или учебы пили чай, разговаривали. Нередко заходили недавно переведен-

¹ Лодка С-57 была превращена в музей по инициативе и при непосредственном участии адмирала Смирнова. Об этом подробно рассказано в воспоминаниях Б.А. Никитина, во второй части книги.

ные в Приморье командиры, которые спешили освоиться в новом для себя городе, завести полезные знакомства. Здесь Николай Иванович впервые увидел Римму, живущую в соседнем доме. Не хочется сыпать банальностями, но все и правда напоминало сказку: их взгляды встретились и они сразу же полюбили друг друга... Спустя некоторое время Николай стал за девушкой ухаживать. Красиво, интеллигентно, со вкусом — сказалось долгое общение с Махровскими. Родители девушки тепло приняли юного подводника. Особенно мама — она души в нем не чаяла, хотя всегда была очень требовательной к поклонникам дочери.

Видеться, правда, удавалось нечасто. Морская служба предполагает краткие отпуска на берегу. А там — под водой — каждая минута сродни героизму. Любая обыденность может обернуться смертельной нештатной ситуацией, стать по-настоящему роковой. Довоенные дизельные подлодки — это гордость Страны Советов, ее щит и надежда. Но зимой в них страшно холодно, летом — жарко. И в любое время года — темно, тесно, еле дышится. Лишь только несколько десятилетий спустя на больших атомных подводных лодках станет комфортнее: атомный реактор обеспечит кондиционирование, отопление, место для отдыха...

А потом началась война, стало не до ухаживаний...

Война на Черном море

Подобно очень многим фронтовикам, Николай Иванович о самой войне, о том, как гибли товарищи, рассказывать не любил. Если дети просили, обычно отвечал сдержанно, передавая свои — 25-летнего офицера — воспоминания.

Знать, что враг рядом с Москвой, зажал в кольцо родной Ленинград, где друзья, школа, институт, училище, а быть в это время привязанным по службе к Владивостоку, на другом конце света, — об этом думать было просто невыносимо... Молодой подводник стремился в бой с немецко-фашистскими захватчиками, хотел внести свой реальный вклад в дело грядущей победы, — а в ней никто не сомневался!

Повлиять на решение о переводе на западный театр военных действий обычный моряк, разумеется, не мог. Как ни странно, помог молодой возраст, невысокое воинское звание и, как следствие, служба на не самой мощной подлодке.

Весной 1942-го молодой военнослужащий окончил специальный учебный класс для офицерского состава и получил необходимые знания, чтобы перевестись из старпома с «Щуки» командиром на М-6. Литера в обозначении субмарины данного типа означает «малютка». Эти подлодки производились специально для ТОФ: небольшой размер позволял легко перевозить их по железной дороге на Дальний Восток. Через полгода Смирнов получил в управление другую «М» под номером 115. Подлодки этих серий были чрезвычайно удобны для охраны прибрежных территорий, а в наступательной войне умели эффективно атаковать противника на мелководье, на выходе с базы и даже подплывать к вражеским портам; торпедировать стоящие на рейде суда, а затем прятаться в расщелинах и небольших бухточках.

Во второй половине войны Государственный комитет обороны, намереваясь начать активные боевые действия у Балканского побережья, принял решение усилить Черноморский флот этими самыми «малютками». 12 мая 1944 года подлодку М-115 подняли на стенку завода № 202 во Владивостоке, погрузили на железнодорожный транспортер и отправили на ЧФ. Через месяц «посылка»,

которую сопровождал и сам командир, и команда, прибыла в Потти, где была зачислена в состав Черноморского флота, войдя в 4-й дивизион 2-й бригады подводных лодок. В представлении к благодарности сказано: «По прибытии корабля на Черное море экипаж под командованием старшего лейтенанта Смирнова быстро и высококвалифицированно произвел монтаж и ремонт ПЛ». Вскоре Николай Иванович принял боевое крещение. Одним из первых командиров он освоил метод бесперископных торпедных атак. Бесперископная атака, поясним, — это стрельба торпедами, основанная исключительно на данных гидроакустики. Проводилась такая атака для обеспечения скрытности — ведь раскрывшая свое местоположение подлодка резко теряла шансы вернуться домой. Однако долго повоевать не пришлось. На Балтике морская мощь фашистского рейха держалась вплоть до июня 1945-го. За один уничтоженный транспорт там можно было стать «личным врагом фюрера», как того добился легендарный подводник Маринеско.

На Черном море ситуация была иная. Италия, обладавшая в период войны достаточно серьезным флотом, капитулировала еще в сентябре 1943 года. Поэтому в 1944 году наши моряки зачищали Черное море в основном от сравнительно слабых в военно-техническом оснащении союзников Германии — Болгарии и Румынии, — немцев же больше волновали события на Балтике. Севастополь был освобожден 9 мая 1944 года, а осенью 1944-го боевые действия на черноморском театре практически прекратились.

В конце войны, весной 1945 года, Римма приехала из Владивостока к своему жениху на новое место службы. Справили свадьбу 20 марта 1945 года, скромно — кругом послевоенная разруха, да и жить было просто негде, но в конце концов молодая семья поселилась в Балаклаве. Вскоре, в 1946 году, родилась Наталья...

Молодая семья Смирновых с дочкой Наташей

В начале 1945-го все силы ЧФ были стянуты для обеспечения безопасности Ливадии, где в феврале проходила Ялтинская конференция. Здесь впервые пересеклись пути-дороги Смирнова с будущим знаменитым главкомом советского ВМФ. Контр-адмирал Горшков на тот момент командовал черноморской надводной эскадрой. Будучи на семь лет старше Николая Ивановича, он успел много повоевать, оборонял Северный Кавказ, освобождал Крым, Белград, Будапешт — был там, куда смогла добраться дунайская флотилия. На карьерной лестнице Сергей Георгиевич всегда будет на несколько ступеней выше. Но отношения между моряками и соратниками сразу сложились товарищеские, хотя и отдавали менторскими нотками со стороны более старшего...

В ноябре 1945 года Смирнов назначается командиром подводной лодки С-31. Эта субмарина считалась настоя-

щей гордостью ЧФ. Спущенная на воду в 1940-м, во время войны она совершила более двадцати боевых походов и была награждена орденом Красного Знамени. Экипаж достался Смирнову героический. Впрочем, и он сам уже не был необстрелянным юнцом, впервые приехавшим во Владивосток. Уважение бывалых подводников Николай завоевал сразу же: они отмечали, что командир, которому не исполнилось и тридцати, особое внимание уделял улучшению условий службы как внутри подлодки, так и на берегу. Хлопотал о своих парнях при первой удобной возможности перед начальством.

О том времени вспоминает вице-адмирал И.И. Тынянкин:

«В 1945-46 годах, будучи командиром ПЛ «С-31» (1 СК ДПЛ ЧФ), Н.И. Смирнов в ходе боевой подготовки настойчиво обосновывал перспективы бесперископных методов торпедных атак ПЛ. Для меня, молодого тогда лейтенанта — командира БЧ I-IV ПЛ «С-33», эта учеба многое открыла нового в возможности шумопеленгования для координатной оценки фоноцелевой обстановки и боевого использования торпедного оружия. Опыт этот способствовал развитию научного подхода к созданию будущих информационных средств для флота».

В январе 1947-го Смирнов становится начальником штаба дивизиона подводных лодок. Это время для Черноморского флота характеризовалось двумя аспектами: с одной стороны, продолжение масштабных восстановительных работ на берегу, отстройка после освобождения от немецко-фашистской оккупации мест базирования советского флота и разминирование прилегающей акватории. А с другой стороны, отработка планов отражения

агрессии потенциального противника. Началась холодная война, в любой момент готовая вылиться в горячую — ядерную. Опыта конфликта в новых условиях не имелось ни у кого — ни маршалы, ни безумные курсанты не представляли, как это может происходить в реальности. Лучшие умы бросались, чтобы подготовить наши морские силы, свести к минимуму издержки ядерного столкновения для Краснознаменного флота. Так Смирнов, уже показавший себя деятельным и смелым практиком, получил возможность блеснуть своими прекрасными природными данными стратега и штабиста.

В конце 1940-х — начале 1950-х карьера Николая Смирнова развивается стремительно. Он постигает всю командирскую вертикаль в рамках ЧФ, что в будущем пригодится ему на должности комфлота и даже в высшем руководстве ВМФ:

с января 1947-го — начальник штаба дивизиона подводных лодок,

с ноября 1949-го — командир дивизиона подводных лодок,

с декабря 1950-го — начальник отдела подводных лодок в управлении боевой подготовки штаба ЧФ,

с января 1953-го — командир бригады подводных лодок,

с января 1956-го — командир дивизии подводных лодок,

с июня 1956-го — командующий подводными силами ЧФ...

Известно, что Горшков, назначенный командовать Черноморским флотом в 1951 году, еще во время Великой Отечественной приглянулся Жукову. Знал Георгий Константинович и подводника Смирнова. Будучи в конце 1940-х командующим Одесским военным округом, он неоднократно наведывался с инспекциями в Крым, лично

журил (но чаще хвалил!) Николая Ивановича. Ценил его настолько высоко, что даже однажды (это произошло уже в середине 1950-х) отказал командующему подводными силами ЧФ в положенном по штату заместителе: «Молодой, справишься».

В то же время с легендарным адмиралом Кузнецовым у Жукова отношения не складывались еще с войны. Став министром обороны (а ВМФ официально в 1948-м подчинили военному министру), Жуков довольно быстро «съел» флотоводца. В 1955-м Кузнецов был отправлен в отставку. Вместо него заступил Горшков. Сам маршал Победы долго не продержался, попал из-за своего сложного характера и хрущевской ревности в опалу. А вот Горшков устоял. Со Смирновым же они связи никогда не теряли — об этом рассказывали сослуживцы Николая Ивановича.

83 метра

Удивительное стечение обстоятельств. В 1955-м взорвался и затонул линкор «Новороссийск». Трагедия на севастопольском рейде произошла через три месяца после перевода Горшкова в Москву. Если бы катастрофа случилась раньше, вряд ли бы состоялось и это назначение. Так или иначе, спасением моряков занимался наш герой. Ужасающее ощущение бессилия и невозможности помочь товарищам, оказавшимся в каютах и трюмах затонувшего корабля, — эту боль Николай Иванович пронесет сквозь всю оставшуюся жизнь.

ЧП — постоянный спутник флота в любой исторический период. Морская стихия коварна, моряк всегда незванный гость. Трагедия «Новороссийска» описана со всех сторон,

гуляет множество версий случившегося. Менее известно о другом чрезвычайном происшествии на Черном море, когда настоящей беды удалось избежать во многом благодаря Николаю Смирнову.

...22 августа 1957 года подлодка М-351 в нескольких милях от Балаклавы отрабатывала срочное погружение. В какой-то момент из-за неисправной сигнализации закрытия забортных отверстий в один из отсеков ворвалось порядка сорока тонн воды. Подводники задраили люки, где успели. Но потяжелевшая лодка начала стремительно тонуть с большим креном на корму. Вскоре «малютка» почти вертикально воткнулась в грунт на глубине 83 м. Команда перешла в носовые отсеки, ставшие «верхними», самостоятельно справилась с пожаром, возникшим из-за замыкания, но перспективы казались не радужными: запасов провизии и воздуха хватит менее чем на двое суток.

Через несколько часов спасательное судно «Бештау» нашло затонувшую субмарину по выпущенному аварийно-сигнальному бую. В район аварии стягивались боевые корабли, буксиры, катера. Прибыли командующий Черноморским флотом адмирал Владимир Касатонов, командующий подводными силами капитан I ранга Николай Смирнов, водолазы, механики, техники. Первый спустя какое-то время поспешил на доклад к Жукову, а руководство спасательной операцией взял на себя Николай Иванович. Следующие трое суток он в буквальном смысле не сомкнул глаз.

Первым делом на шлюпке Смирнов подошел к сигнальному бую, откуда связался по телефону с подлодкой, запросив информацию о ситуации и состоянии личного состава. Спрашивал: на сколько хватит воздуха? Лишь в последнюю очередь поинтересовался причинами аварии. Выслушав подводников, Смирнов одобрил их действия,

сообщил им, что объявлена боевая тревога по всему флоту, что и Горшков, и сам Жуков — оба в курсе происшествия, что парней обязательно вытащат! Георгий Константинович, кстати говоря, действительно отдыхал тогда на южном берегу Крыма. Глава Минобороны приказал бросить на спасение лодки все имеющиеся в ВМФ силы.

Однако затонувшая субмарина застыла в неудобном, наисложнейшем для работы водолазов положении. Между тем наверху бушевал шторм. Ветер и волны отбрасывали «Бештау» от подлодки. Обычная операция — закрепить трос в районе шестого отсека «малютки» у самого дна — отняла много времени. Смирнов распорядился дать в отсеки лодки живительный воздух и произвести вентиляцию отсеков — тогда у подводников появятся силы и смерть от удушья отступит. А уж после этой фазы подумать, как выдернуть лодку из грунта.

Ошибаться спасателям было нельзя. И сам Смирнов, и многие вокруг хорошо помнили катастрофу «Новороссийска», случившуюся двумя годами ранее. На лодку через торпедный аппарат удалось доставить предметы первой необходимости. Теплое белье, медикаменты, патроны регенерации воздуха, спирт для обтирания. В «посылке» было даже крымское вино и письма от родных, ждавших на берегу.

Вскоре лодку «наживили» буксиры: шланги и кабели, уходящие вниз, прикрепили к баркасу, на котором остались Смирнов и некоторые другие командиры. В 16 часов 22 минуты 25 августа буксиры начали тянуть... Сначала положение лодки улучшилось. По отсекам М-351 прокапывалось ликование, казалось, вот-вот субмарину вырвут из черноморского ила. Но угол дифферента неожиданно застыл на отметке в 37 градусов. Еще один рывок двумя буксирами в 17 часов 35 минут все только усугубил — толстый канат лопнул. Почти суточная работа водолазов

пошла насмарку. На какие-то минуты спасателей охватило уныние. В лодке — и того хуже. После обрыва троса у экипажа началась депрессия. Внизу понимали: подготовка новых рывков может занять еще день или больше... И только Смирнов не терял оптимизма. Как мог старался утешить подводников, оставаясь на связи с командиром М-351 Ростиславом Белозеровым.

Первое оцепенение прошло, спасатели начали готовиться ко второму заходу операции. Одновременно трое смельчаков из команды спустились в корму и попытались «завести» помпы. Случилось чудо — насос заработал. Вода стала убывать, лодка облегчалась, к полуночи в трюме седьмого отсека оставалось порядка десяти тонн воды. Наконец, подводники услышали голос Николая Смирнова:

— Стальной трос повторно заведен — буксиры приготовились к рывку.

26 августа в 0 часов 42 минуты дернули подлодку вновь. По счастью, утих и шторм. ...Подобно огромному киту вынырнувшая из водной толщи «малютка» пронзила морскую поверхность буквально в нескольких метрах от баркаса, в котором находились Смирнов и другие офицеры. Еще чуть-чуть и она страшным ударом разнесла бы баркас... Так закончилась уникальная спасательная операция под Балаклавой. Несмотря на ряд первоначальных неудач, совместными грамотными действиями спасателей и подводников удалось избежать трагедии.

Спустя многие годы, находясь в отставке, капитан I ранга Ростислав Белозеров в книге «Почему я не стал адмиралом» раскрыл подробности этой истории, горячо поблагодарил водолазов и вообще всех причастных. Досталось несколько добрых слов и Николаю Ивановичу Смирнову, руководившему операцией и бравшему на себя ответственность за любое принимаемое в те дни решение.

Выход в Мировой океан

18 февраля 1958-го Николай Иванович получил погоны контр-адмирала. Семья, в которой росли уже двое детей, начала потихоньку паковать чемоданы: отличника боевой и политической подготовки, члена КПСС, фронтовика рекомендовали к поступлению в академию. В следующем году состоялся переезд в Москву. Смирнов вновь сел за парту. Именно учеба в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР открывала путь на самый верх советской армейской и флотской иерархии.

В ноябре 1959-го новоиспеченный выпускник, получивший золотую медаль за отличную учебу, отправился на Балтийский флот командовать подводными силами.

Золотая медаль Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР

Это решение считалось временным — Смирнов уже перерос подобную должность. Другое дело, что краснознаменный БФ остро нуждался в умелых руководителях на всех уровнях. В том же 1957-м, когда Смирнову удалось

спасти «малютку» близ Балаклавы, похожая история на Балтике закончилась трагически — при аварии и пожаре на М-256 погибло более половины экипажа.

Семья перебралась в Ленинград вместе с Николаем Ивановичем. И вновь ненадолго. Уже в следующем июне Смирнов опять оказался на Черном море, где в 1960 году возглавил штаб ЧФ. Это была работа совершенно иного уровня ответственности. Период штабной работы затянулся на несколько лет: в это время Николай Иванович, по свидетельствам сослуживцев, ведет активную переписку с учеными кругами Москвы. Его интересуют аспекты борьбы подводных кораблей за живучесть и во-

Вице-адмирал Смирнов — начальник оперативного управления Главного штаба ВМФ, заместитель начальника Главного штаба ВМФ

просы акустики: «Как сделать наши подлодки менее заметными?».

Другой важнейшей задачей для себя видит облегчение подводной службы. Как я уже писала, до появления АПЛ, крайне тяжелой в бытовом, а значит, и в психологическом плане. Атомные субмарины в СССР начали вводить в строй с конца 1950-х, но действовали по наитию, многие проблемы фиксировались и решались (или, увы, маскировались) на этапе строительства. Смирнов уже тогда, в 1960-х годах, старался повлиять на процесс, насколько позволяли его возможности и связи в столице. Настырность и активность офицера не прошли даром. Весной 1964-го Николай Иванович получил вызов в Москву. Горшков, в те годы в общении с подчиненными старавшийся копировать манеры Жукова, был нарочито четок:

— Ты мне нужен здесь, в Москве. Нужен на должности начальника оперативного управления. В ранге заместителя начштаба. Потом подумаем, куда тебя дальше передвинуть. Да, и поздравляю с присвоением звания вице-адмирала.

В июне Смирнов приступил к обязанностям в Главном штабе ВМФ. Это был один из судьбоносных моментов в истории советских военно-морских сил. Через считанные месяцы отправят в отставку Хрущева. А Леонид Ильич Брежнев, хорошо знавший Горшкова со времен обороны черноморского побережья Кавказа, выдаст тому полный карт-бланш на реформы во флоте.

В последующие пять лет редкий документ по военно-морскому ведомству не проходил через руки Николая Ивановича. Со свойственной ему тщательностью, умением вникать даже в самые сложные детали Смирнов относился к подавляющему большинству предложений. Редактировал их лично, прежде чем передать начальнику Главного штаба ВМФ Н.Д. Сергееву (он также заступил на должность в 1964-м), от которого они затем от-

Сентябрь 1966 года. Слева от Л.И. Брежнева, первого секретаря ЦК КПСС, адмирал флота С.Г. Горшков, справа — вице-адмирал Н.И. Смирнов

правлялись на стол к Горшкову. Порой добавлял целые абзацы и дополнительные положения — свое видение и понимание. С Николаем Дмитриевичем Сергеевым сложились не только служебные, но и дружеские отношения на долгие годы. Даже после ухода в группу генеральных инспекторов сидели в одном кабинете, вдвоем.

Хорошо иллюстрирует ответственность штабной работы следующий эпизод из истории. К моменту начала «шестидневной войны» в Средиземном море была сосредоточена большая группировка американских военно-морских сил — шестой флот США. Советская эскадра также присутствовала в этом районе, заметно уступая по численности и военной мощи; командование всеми силами ВМФ в Средиземном море было возложено на первого заместителя командующего Черноморским флотом контр-адмирала

*Два адмирала флота в Кремлевском дворце съездов.
Николай Дмитриевич Сергеев любил и умел пошутить*

Виктора Сергеевича Сысоева¹. 5 июня 1967 года части израильских войск вторглись на территорию Египта, Сирии и Иордании. В статье Александра Розина «Советский ВМФ в сдерживании и прекращении «шестидневной войны» в 1967 г.» приводится следующий факт.

¹ Впоследствии адмирал, командующий Черноморским флотом в 1968–1974 годах.

«Непосредственный участник этих событий В.С. Сысоев об этом вспоминал так: «В это время я был в Средиземном море, и все корабли, находившиеся там, были переданы в мое подчинение. Обстановка усложнялась с каждым часом. Со мной вышел на связь начальник оперативного управления ВМФ адмирал Смирнов. Когда я спустился с мостика в рубку, Николай Иванович задал мне такой вопрос: «Виктор Сергеевич, можете ли вы мне доложить, участвует ли американская авиация в ударах по Египту?» Я ответил, что на такой вопрос без проработки ответить невозможно. Тогда адмирал Смирнов передал мне следующее: «Через 30 минут я должен получить от вас ответ на поставленный вопрос. При этом ответ должен быть совершенно достоверным».

В дальнейшем стало известно, что президент Никсон (здесь адмирал ошибся — президент тогда был Джонсон) в своем разговоре с Брежневым (здесь адмирал ошибся — разговор шел с Косыгиным) сказал буквально следующее: «Спросите своего адмирала, и он вам скажет, что авиация США в войне на стороне Израиля участия не принимает». Я понимал, что от моего ответа зависит дальнейшее развитие событий. Времени было катастрофически мало. Поэтому я принял решение пригласить к микрофонам всех подчиненных мне командиров соединений и кораблей и потребовал от них соответствующих донесений, при этом разрешил работать микрофоном без соблюдения секретности, открытым текстом. Через 30 минут я имел все необходимые мне сведения и передал Смирнову свой вывод о том, что авиация США в ударах по объектам Египта не участвует». Своевременный доклад моряков о неучастии в войне США предотвратил возможное столкновение США и

СССР, дав дополнительный козырь сторонникам политического разрешения конфликта в советском руководстве».

Военно-политическое руководство СССР прекрасно понимало, что полноценный выход в Мировой океан, постоянное присутствие у берегов Персидского залива, Индии, Америки осуществлять свободно возможно только с дальневосточных баз. Параллельно накалялись отношения с Мао Цзэдуном, что делало тихоокеанский театр ключевым... В первые недели марта 1969-го разворачивается крупнейший советско-китайский конфликт на острове Даманский. В то же время Тихоокеанский флот требует повышения боеспособности, ему нужен новый, энергичный командующий. В этой ситуации в Москве принимается решение отправить в Приморье вице-адмирала Смирнова, способного офицера и отличного штабиста, чья молодость прошла именно там — между Вилючинском и Фокино.

Следует отметить, что до назначения Смирнова командующим ТОФ у партийных органов и флотских начальников отношения не складывались, и, к сожалению, от этого страдал авторитет комфлота — Н.Н. Амелько, в общем-то уважаемого адмирала. И вот ему на смену пришел Н.И. Смирнов, который с этой проблемой сумел справиться.

В этой связи очень показателен отрывок из воспоминаний капитана II ранга Александра Иосифовича Островского «Служили мы Отечеству», опубликованных в интернете:

«Когда формировался экипаж рпкСН¹ проекта 667а в феврале 1969 г., командиром был назначен капитан II ранга С.В. Агавелов. Все знали этого честного и по-

¹ Ракетный подводный крейсер стратегического назначения.

рядочного человека, настоящего коммуниста, одного из самых грамотных командиров атомных подводных лодок, который не на словах, а на деле готовил экипаж для выполнения любой поставленной командованием флота задачи. На первом же собрании офицерского состава экипажа он четко определил взаимоотношения экипажа и командования — всегда докладывать вышестоящему командованию правду и только правду.

За два последующие года экипаж прошел обучение, принял подводную лодку от промышленности, сдал на отлично курсовые задачи № 1, 2, 3 и прибыл на постоянное место своего базирования на Камчатку в состав 8 дипл 15 эскпл.

Через несколько дней после прибытия командование дивизии приказало командиру пл принять кубрик на береговой базе, сделать ремонт и переселить туда л/с, подготовить рпкСН и казарму к смотру. Ждали министра обороны СССР маршала Советского Союза А.А. Гречко. После смотра быть готовыми к выходу в море с М. О. на борту и показать все возможности атомной ракетной подводной лодки 2-го поколения проекта 667а.

Для подготовки к смотру, проверки экипажа и участия в приеме М. О. СССР из Владивостока к нам прибыли командующий ТОФ адмирал Н.И. Смирнов и ЧВС¹ — начальник политуправления ТОФ адмирал М.Н. Захаров. Когда уже все было готово к смотру, они прибыли в казарму и познакомились с обстановкой. Командующему флотом понравился порядок и состояние кубрика. Адмирал Н.И. Смирнов со Святославом Владимировичем был знаком еще по совместной службе на ЧФ, поэтому в разговоре обращался к нему

¹ Член военного совета (ТОФ).

по имени. Построили экипаж. Неожиданно ЧВС обратился к адмиралу Н.И. Смирнову и спросил: «Когда будем снимать командира за пьянство и когда экипаж будет готов к выполнению свойственных задач?» Такое заявление было неожиданным для всего экипажа. Командир покраснел, но промолчал. Надо учесть, что мама у него была по национальности армянка, и сам он был «горячих кровей». Командующий остановил распоясавшегося ЧВСа и предложил продолжить беседу на плавбазе в штабе дивизии. Уходя, он поблагодарил весь экипаж за большую работу, которая была проделана им, начиная от обучения, приемки подводных лодок от промышленности, сдачи курсовых задач до подготовки кубрика к встрече министра обороны СССР.

Когда ЧВС и комфлота вышли из помещения на лестничную площадку, капитан I ранга Агавелов не сдержался и в резкой форме «послал» ЧВСа очень далеко. А командующему флотом он сказал: «Если я не достоин, пусть снимают, но позорить себя перед экипажем никому не позволю». Адмирал Смирнов успокоил его: «Слава, не волнуйся все нормально. Пойдем в штаб и все решим». Как показали дальнейшие события, именно так надо было «противостоять» адмиралу Захарову, чтобы защитить свое достоинство. Спустя полчаса, экипаж был собран в ленинской комнате, и заместитель командира по политической части капитан II ранга М.С. Фроловский, обращаясь ко всему экипажу, попросил извинения за хамство ЧВСа адмирала М.Н. Захарова».

Что удивительно, первым делом в новой должности Смирнов включается в государственную политическую миссию — входит в состав делегации, возглавляемой

маршалом Гречко, и 10 марта летит в Пакистан. Задача прямая: убедить Исламабад отказаться от партнерства с Пекином. Переговоры были многоплановые, и на некоторых встречах в отсутствие Гречко солировал Смирнов. Пока глава минобороны СССР встречался с президентом, Николай Иванович отправился с ознакомительной поездкой в главный военный порт страны — Карачи. Там он сделал ряд интересных заявлений, речь шла ни много ни мало о возможном военно-морском сотрудничестве. К сожалению, с каждым днем такая перспектива становилась все менее реальной: пакистанцы имели непреодолимые противоречия с Индией — а та, в свою очередь, принципиально враждовала с Китаем...

Возвращение во Владивосток, знакомый с начала морской службы, началось с наведения нового порядка на флоте, способствовавшего более эффективному выполнению стоящих перед ним задач. Под его руководством ТОФ в течение пяти лет осваивал новые корабли и ракетное оружие, новую корабельную авиацию, становился в полном смысле ядерным.

С начала 1970-х дальние походы тихоокеанцев стали обыденным явлением, в Индийском океане появилась постоянно действующая эскадра. У берегов Аляски, Канады и Калифорнии, сменяя друг друга, курсировали оперативные эскадры Тихоокеанского или Северного флотов. Несение боевой службы соединениями надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок, как и боевое патрулирование силами подводных ракетноносцев, можно считать наивысшей формой советской мощи. Не говоря уже о том, что на самый пик вышла боевая подготовка и техническая оснащенность отечественного ВМФ. Ведь Советский Союз в отличие от США не имел в других странах постоянных баз для поддержки своих кораблей, уходящих в длительное плавание.

Роль Смирнова в создании подобных возможностей хорошо отражают воспоминания его сослуживцев на Тихоокеанском флоте, опубликованные во второй части книги.

Командование Тихоокеанским флотом продлилось в течение пяти лет. В 1970 году Смирнов получает звание адмирала. А 5 ноября 1973 года одновременно сразу двум командующим стратегически важными флотами присваивается звание адмирала флота — Георгию Михайловичу Егорову, командующему краснознаменным Северным флотом, и командующему краснознаменным Тихоокеанским флотом Смирнову Николаю Ивановичу. До этого звание адмирала флота¹ присваивалось шести выдающимся флотским офицерам:

Н. Г. Кузнецову (1944 г., Адмирал Флота Советского Союза с 1945 г.),

И. С. Исакову (1945 г., Адмирал Флота Советского Союза с 1965 г.),

С.Г. Горшкову (1962, Адмирал Флота Советского Союза с 1967 г.),

В.А. Касатонову (1965 г.),

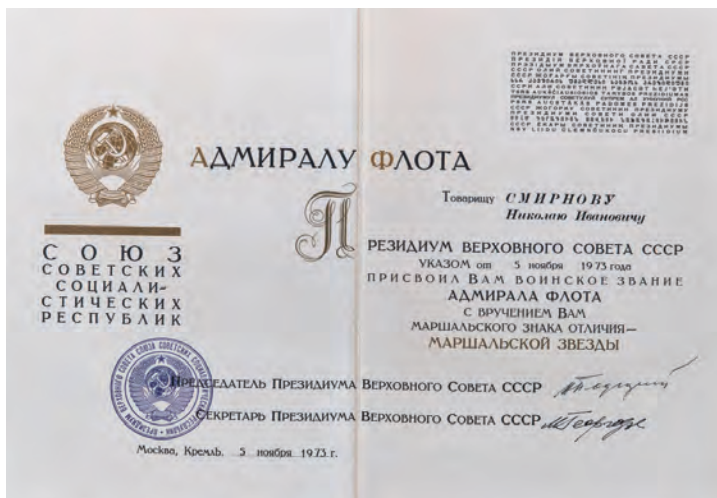
Н.Д. Сергееву (1970 г.),

С.М. Лобову (1970 г.)

Всего в советские времена звание адмиралов флота присваивалось 12 раз. Среди командующих ТОФ, за всю историю этого флота, Н. И. Смирнов был единственным офицером столь высокого — маршальского звания.

И это было предвестником новых перемен в судьбе Николая Ивановича.

¹ С 1962 года советские адмиралы флота носили знаки различия, аналогичные погонам маршалов родов войск, а на галстук при парадной форме носилась Маршальская Звезда «малого» образца.

Грамота адмирала флота

Случай в квадрате

Так называемая доктрина Горшкова, задуманная с некоторыми особенностями еще Кузнецовым, воплощалась в жизнь плеядой выдающихся советских адмиралов, таких как адмирал флота В.А. Касатонов, адмирал флота Н.Д. Сергеев, в работу которой с 1974 года включился и адмирал флота Н.И. Смирнов. Доктрина предусматривала ключевую роль ВМФ в обороноспособности страны на дальних подступах. Россия более не позиционировалась как великая сухопутная держава, которой исходя из геополитических реалий не надобно иметь мощные военно-морские силы. Ожили мечты Петра Великого: русский советский флот отныне мог из любой точки Мирового океана грозить вероятному противнику, поддерживать союзников, защищать отечественные торгово-экономические интересы.

Когда Николая Ивановича в 1969-м в дружеской обстановке провожали на Дальний Восток, первый заместитель главкома ВМФ Владимир Афанасьевич Касатонов успокаивал его сестру:

— Не расстраивайтесь, Ольга Ивановна, мы его вернем скоро.

Смирнов вернулся в Москву ровно через пять лет на место самого Касатонова, однокашника Горшкова (они учились на одном курсе в Ленинградской академии имени Фрунзе). Отныне и до конца 1980-х Николай Иванович превращается в одного из главных участников строительства советского Военно-морского флота, руководит организацией боевой и оперативной подготовки. Без его

*Руководство ВМФ после возложение венков на Могилу
Неизвестного Солдата. Слева направо: адмирал флота
Н.Д. Сергеев, адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков,
адмирал флота Н.И. Смирнов, адмирал В.Н. Чернавин*

голоса не принимается сколь-нибудь важного решения по формированию программ развития ВМФ и совершенствования системы базирования.

Впрочем, остановимся вновь на поведении Смирнова в ходе нештатных ситуаций. Ибо таковые как нельзя лучше проявляют главные черты характера человека, облеченного властными полномочиями. Николай Черкашин, журналист, маринист, подводник, в своих книгах рассказывает несколько реальных историй, дающих представление о том, каким руководителем был Смирнов, — чутким к своим подчиненным, старавшимся помочь им в критической ситуации.

Однажды в 1977-м на просторах Индийского океана старлей Геннадий Нероба получил с земли сводку: «Ваша жена находится в тяжелом состоянии». И больше никаких объяснений. Парень из Житомира чуть с ума не сошел. Нечего было и думать об уточнении ситуации по радио — шла холодная война. К счастью, на «Даурии», где боевую часть связи возглавлял Нероба, временно находился походный штаб 8-й оперативной эскадры Индийского океана во главе с контр-адмиралом Ясаковым. Содержание шифровки, пришедшей из Москвы, командиру эскадры, конечно же, доложили, и теперь адмирал раздумывал, как поступить. Как прорвалась эта весточка из Донузлава, где служил Нероба, через штаб ЧФ в столицу — на узел связи оперативного дежурного по всему огромному флоту СССР, а оттуда — в Индийский океан, совершенно непонятно и сегодня. Но дело было в другом. Ясаков здраво рассудил: от убитого горем офицера толку будет мало и запросил Москву, может ли он отпустить Неробу домой. Связник в Москве ответил, что этот вопрос уполномочен решить только главком или его первый заместитель. Оперативный дежурный вышел на Николая Ивановича Смирнова, и тот дал добро

на возвращение старшего лейтенанта с боевой службы... Надо при этом понимать, что у офицера не было (и не могло быть) загранпаспорта и его неофициальное перемещение за границу было чревато международным скандалом — ответственность в случае чего лежала бы на адмирале, разрешившим операцию по возвращению офицера на Родину.

Корабль зашел в Персидский залив, где парня подобрало иракское судно. С большими приключениями — через Басру и Багдад с помощью Саддама Хусейна и наших советников — моряк добрался до Родины и... успел спасти жену. Она была совсем плоха после перенесенной операции, требовалась редкая кровь в большом количестве. Геннадий нашел донора, любимая поправилась и даже родила ему детей. Не хочется и думать, чем бы все закончилось, наложи Смирнов резолюцию «Не положено».

Куда только не бросала Смирнова судьба, но везде он оставался человеком с большой буквы. Генерал-майор Виктор Манойлов, вспоминает:

«В целях изыскания перспективных мест базирования на Северном и Тихоокеанском флотах Главкомандующий ВМФ Горшков в конце 1970-х годов назначил под председательством первого заместителя Главкомандующего ВМФ адмирала флота Н.И. Смирнова комиссию, среди членов которой были начальник ГИУ ВМФ Путята и я.

Цель — обследовать те места, где еще нет ничего построенного, но где при определенных условиях можно организовать базирование. Практически мы побывали там, где люди не жили. Первопроходцами нас, конечно, назвать нельзя, так как по всем этим местам уже были морские и топографические карты,

но это не мешало нам чувствовать себя первыми, кто дал военно-инженерную оценку обследованных мест. Транспорт был у нас самый разнообразный: противолодочный корабль, гидрографическое судно, буксир, катер, весельная шлюпка, самолет, вертолет, вездеход, автомобиль. На Севере обследовали побережье от западной границы страны до Новой земли, на Востоке — от Владивостока вдоль Сахалина, Курильских островов и Камчатки до Чукотки... Во время переходов на корабле я довольно продолжительное время был со Смирновым. Мне и раньше доводилось бывать у него с докладами, участвовать в совещаниях, на которых он был руководителем. Большинство из них были связаны с наукой, с перспективой развития военной техники и вооружения. В работе совещаний принимали участие известные ученые, крупные конструкторы и руководители промышленности. Смирнов великолепно, я не преувеличиваю — действительно великолепно, формулировал задачу, свободно ориентировался в том, куда ведут линии ученые, прекрасно владел специальной терминологией и добивался принятия согласованных решений. Говорил Смирнов всегда спокойно, грамотно, на чистом русском языке без всяких «прибамбасов».

В нашем походе по северным и восточным морям Смирнов вел себя просто и естественно, была атмосфера, максимально способствующая выполнению задачи комиссии и созданию, как тогда любили говорить, нормального морального климата в коллективе. После ужина не уходил к себе, а оставался в кают-компании, принимая участие в разговоре на свободные темы. Когда качка усиливалась, то в кают-компании обычно оставались немногие, в том числе Смирнов, Путьята и я. Скатерть на столе была мокрая,

чтобы не скользила посуда при качке, на ней стаканы с крепким чаем и тарелочки с сухим печеньем. В прошлую войну Смирнов воевал на море, Путята — на суше, им было что вспомнить. В это время я был «молчаливым собеседником». После похода Смирнов пошутил, что Путяту и меня надо переаттестовать из генералов в адмиралы, так как оба мы качку «держали по-флотски».

Необъявленный визит

Во второй половине 1970-х советские газеты захлестнула волна публикаций о неопознанных летающих объектах. Игнорировать этот феномен на самом высшем уровне уже не представлялось возможным. В свою очередь, в досье разведуправления ВМФ также накопилось огромное количество соответствующих донесений с кораблей, бороздящих океанские просторы на боевом дежурстве. Кроме того, базу свидетельств дополняли данные о зарубежных историях с «тарелками». Становился актуальным вопрос о разработке правил наблюдения НЛО на море с целью классификации необычных явлений и выработки рекомендаций, правил, порядка действий для военных моряков при встрече с «летающими дисками».

Однако в то время надо было обладать решительностью и смелостью, чтобы официально поддерживать и развивать новые неординарные направления исследований, часть которых могла оказаться неудачной. Вспомним из истории науки более ранних советских времен — генетика была объявлена «продажной девкой империализма», кибернетика — «буржуазной лженаукой».

Об исследованиях по теме НЛО пишут в своей книге Владимир Ажажа и Евгений Литвиненко¹, в прошлом офицеры подводники, вспоминая, как на флоте стали заниматься этим направлением.

«Было решено организовать систематический сбор информации о появлении НЛО над акваториями и в морских глубинах. В 1976 году по заказу Главного штаба ВМФ этим занялась океанографическая комиссия Академии наук СССР, поддержавшая инициативу автора этой книги возглавить научно-исследовательскую работу (НИР) «Гидросферный аспект проблемы НЛО». Был создан временный научный коллектив, без финансирования и, как говорят, без отрыва от производства, то есть на научно-общественных началах, через год, летом 1977 года, был завершен первый этап этой работы. Разведуправлению ВМФ были переданы отчет о НИР, содержащий обзор и анализ ситуации, а также практический документ — «Инструкция по наблюдению НЛО с кораблей и судов».

...7 октября 1977 года в Москве у меня в квартире раздался телефонный звонок, и меня пригласили приехать к первому заместителю главкома ВМФ адмиралу Н.И. Смирнову. Он тут же снова соединился по телефону с оперативным дежурным по Северному флоту. Дежурный во второй раз докладывал: рано утром находящаяся в 200 милях от берега в Баренцевом море плавучая база подводных лодок «Волга» подверглась облету девяти неопознанных объектов размером примерно с вертолет, которые являли собой как бы металлические диски. Они на уровне мачт учинили настоящий хоровод и 18 минут маневрировали. Командир

¹ Подводные НЛО / В.Г. Ажажа, Е.П. Литвинов — М. Вече, 2015

плавбазы, капитан III ранга Таранкин безуспешно пытался связаться по радио с главной базой — Североморском, но прохождения связи не было ни на прием, ни на передачу. Тогда по внутрикорабельной громкоговорящей связи Таранкин дал совершенно необычную команду: «Всему личному составу. Всем. Запомните, зарисовывайте, фотографируйте, чтобы, когда мы вернемся в базу, никто не сказал, что ваш командир спятил с ума». Такая была неординарная команда. Как только НЛО улетели, возобновилась радиосвязь, пошла радиограмма в Североморск, через час прилетел самолет-разведчик, но инцидент был уже исчерпан, разведывать было нечего.

И вот тогда при мне Н.И. Смирнов дал по телефону команду заместителю начальника Главного штаба ВМФ вице-адмиралу Петру Навойцеву внедрить эту инструкцию по флотам и флотилиям сначала на разведывательных и гидрографических судах, а затем и на всех кораблях и частях ВМФ.

...Следует отметить, что в официальных документах не было принято употребление аббревиатуры *НЛО*. Вместо нее использовался термин *аномальное явление*, поскольку это словосочетание больше соответствовало природе наблюдаемых эффектов, чем *неопознанный летающий объект*. Для уменьшения общественного резонанса от легализации работ по НЛО принято решение сделать эти исследования закрытыми.

...Для анализа поступающей информации в ГШ ВМФ была создана специальная аналитическая группа, которую возглавил первый замглавкома, адмирал Н.И. Смирнов, куда вошли опытные специалисты различных направлений. Она должна была всю поступающую информацию «переварить» и от-

фильтровать. Работа носила конфиденциальный характер. Результаты еженедельно докладывались Н.И. Смирнову».

О практической тяге Николая Ивановича ко всему новому, необычному, смелому с точки зрения традиционной науки будут говорить многие сослуживцы и знакомые. Было ли это хорошо? Безусловно, да. Особенно, если мы говорим о признании такого явления, как НЛО. Шла холодная война, противостояние ядерных держав могло перерасти в открытый военный конфликт в любом уголке планеты, в том числе из-за неспособности вовремя идентифицировать тот или иной летающий объект.

Другое дело, что с легкой руки перестроечных охотников до сенсаций и желтой прессы подобные инициативы высшего советского командования в конце 1980-х — середине 1990-х подвергались осмеянию и обструкции. Зачастую обильную пищу для них давали завистники да неудавшиеся карьеристы в погонах.

Так, Николаю Ивановичу некие борзописцы приписывали гипертрофированное влияние на Горшкова, которое-де шло стране во вред. Якобы Смирнов, будучи подводником, отговорил главкома строить авианосцы. А еще подсовывал тому на подпись тупиковые направления вроде разработки «броненосного ракетного крейсера» водоизмещением 100 тыс. тонн — своеобразное возрождение печально известного японского суперлинкора «Ямато». Оставим подобные инсинуации на совести «разоблачителей». А вот что действительно не вызывает сомнений, так это участие Смирнова в подготовке материалов теоретических трудов Горшкова, изданных в 1979 году под названием «Морская мощь государства». А еще опережавшие время идеи Смирнова

по снижению шумности отечественных атомных подводных лодок, которые были поддержаны Горшковым. И многие другие разработки науки для флота, которые он непосредственно курировал и докладывал о результатах главному.

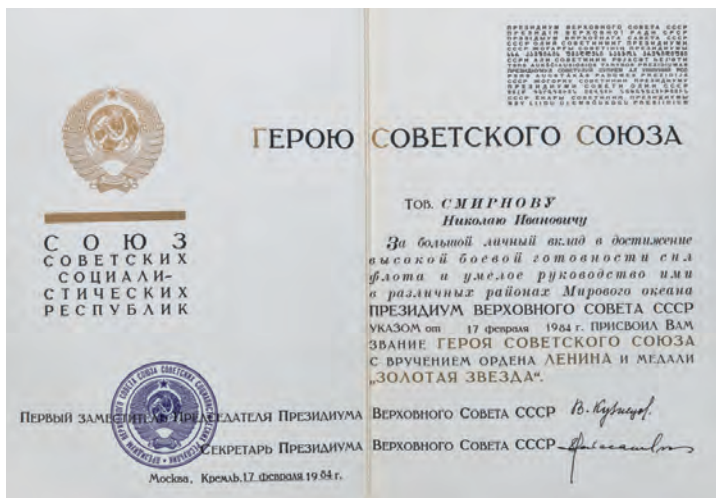
Герой Советского Союза

Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 февраля 1984 года Н.И. Смирнов был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и Золотой звезды. В официальном представлении причина определена одновременно и точно, и расплывчато:

«За большой личный вклад в достижение высокой боевой готовности сил флота и умелое руководство ими в различных районах Мирового океана».

За что конкретно? Спектр направлений и задач, которыми занимался Николай Иванович, огромен. Однако и тут особняком стоят две спасательные операции 1972–1974 годов, проведенные силами Тихоокеанского флота в Бенгальском заливе и Красном море. Последняя совершенно точно имела поистине глобальное значение.

В ходе войны за независимость причалы и акватория важнейшего для Республики Бангладеш порта Читтагонг оказались заминированы, а фарватеры перекрыты затопленными судами. Доставка продовольствия оказалась заблокированной, над новообразованной страной, которая могла бы стать нашим ценным союзником, нависла угроза голода. Президент обратился к советским властям с просьбой очистить подходы к гаваням и протралить минные поля. Москву не надо было просить

Грамота Героя Советского Союза

дважды: постоянное присутствие в Индийском океане становилось для СССР одним из ключевых приоритетов. И вот командование Тихоокеанского флота получило приказ: подготовить эскадру и специалистов для подъема затонувших посудин и для разминирования Бенгальского залива.

В Читтагонг отправилась группа экспертов, в состав которой вошли минеры ВМФ, сотрудники 40-го Государственного института аварийно-спасательного и глубоководного водолазного дела, а также представители гражданской организации «Совсудоподъем» Министерства морского флота СССР.

Работы, начавшиеся 2 апреля 1972-го, надо сказать, проводились в крайне неблагоприятных климатических условиях. Сложностей добавляли активное гражданское судоходство, мутная вода, илистое дно, где плотно засе-

ли остатки кораблей, а также малые глубины, отсутствие карт, неизвестная классификация мин, размещенных в указанной акватории. И тем не менее организованная Смирновым операция вопреки сомнениям международных экспертов завершилась раньше намеченных сроков. Спустя два года порт вернулся к нормальной деятельности.

Куда более важным стало разминирование Суэцкого канала после окончания израильско-египетской «войны Судного дня». Проблема заключалась в том, что происходило оно на глазах у военно-морских сил США и Израиля. Малейшая неточность могла привести к конфликту между ядерными державами.

Планирование действий началось с тщательного анализа минной обстановки. Затем Тихоокеанский флот выделил дивизион траления (девять тральщиков и два укладчика шнуровых зарядов) и отряд судов обеспечения (пять единиц — танкер, морской буксир, плавучая мастерская, гидрографический и десантный катера). 2 июля 1974 года в советских газетах было опубликовано сообщение правительства Арабской Республики Египет к СССР с просьбой о разминировании Суэцкого залива. Советская сторона согласилась безвозмездно удовлетворить эту просьбу. Однако к тому моменту фактически операция шла уже более месяца, в Суэцкий залив шли две эскадры — Тихоокеанского и Черноморского флотов. Переход обоих отрядов находился под пристальным вниманием западных информагентств, которые порой искажали факты и цели советской миссии. Так, одно из агентств утверждало, что советская эскадра под видом разминирования будет искать сверхсекретную русскую ракету, потерянную египтянами. Тем не менее задача была выполнена в поставленные сроки, движение восстановлено...

Важность этой операции сложно переоценить: Суэцкий канал ведь и по сей день имеет ключевое значение для международной торговли, обеспечивая около 10% мирового грузооборота.

Надо сказать, Николай Иванович считался одним из лучших знатоков Ближнего и Среднего Востока, имел там отличные контакты и важнейшие вопросы зачастую вылетал решать лично. Так, в начале 1980-х на очередном витке военного сотрудничества с Дамаском Смирнов подобрал в Сирии место между Латакией и Тартусом для создания советской военно-морской базы. Там же планировалось и строительство аэродрома для дальней авиации. Однако проект реализовать не удалось. Президент США Рональд Рейган объявил СССР «империей зла», началась новая война в Ливане, куда вторглись войска западной международной коалиции. В такой ситуации Москва просто не решилась идти на эскалацию в данном регионе.

Последние годы

Одно перечисление наград занимает добрую половину автобиографии, собственноручно написанной Николаем Ивановичем во время работы в группе генеральных инспекторов Минобороны. 13 орденов, более 20 медалей. Среди них — монгольские, вьетнамские, румынские, болгарские, чехословацкие.

Изучая источники 1970–1980-х, не устаешь удивляться тому, что, будучи, по сути, главным проводником идей и задач военно-морского руководства, в претворение которых Смирнов вкладывал всю силу своего характера, опыт и знания, он при этом находился как бы в тени

Гречко, Устинова, Горшкова. Редкое важное событие в жизни советского флота обходилось без прямого участия министра обороны и главкома ВМФ, но за многими стояла непосредственная и кропотливая деятельность Николая Ивановича, в особенности в последние годы службы Горшкова в качестве главкома ВМФ, когда эта работа ему давалась уже нелегко из-за возраста, несмотря на завидное здоровье. Сергей Георгиевич ушел с этого поста в 1985 году и вскоре умер, в 1988 году.

Очень грамотный, прекрасно разбирающийся в отечественной истории, знающий флотские традиции и морское искусство, интеллектуал и эрудит, практик и теоретик. Должен ли был Смирнов возглавить ВМФ после отставки Горшкова? На этот вопрос я отвечаю так: да! Но не в условиях государства, уверенно катившегося к развалу. Будь страна на пике своего роста — да! Но странно было бы ждать такого кадрового решения от архитекторов и прорабов перестройки, ведь «перестраивалось» (то есть уничтожалось) все то, что Смирнов считал делом своей жизни...

Последние годы жизни, с 1988 года, Николай Иванович разрывался между занятостью в группе генеральных инспекторов Минобороны (дело не столько хлопотное, сколько связанное с многочисленными разъездами) и семьей, обязанностями дедушки.

По представлению профильного министра в данную группу зачислялись лица из числа высшего военного и морского руководства с большим практическим опытом. Работа включала в себя инспекцию войсковых соединений и флотилий, чтение лекций, председательство в экзаменационных комиссиях в академиях и училищах МО и ВМФ.

В армейских разговорах группу как только не именовали. То «райской», то «золотой», вкладывая в эти опре-

деления известную долю иронии. Действительно, ее членам выплачивался приличный оклад, предоставлялись машина и дача. С одной стороны, ветераны чрезмерно не загружались. Можно было присутствовать на рабочем месте три дня в неделю. Впрочем, тут все зависело от конкретных людей и их характера. Николай Иванович сам активно искал сферу приложения собственной энергии и сил. Как вспоминают родственники, в этот период командировок стало едва ли не больше в сравнении со временем работы в руководстве ВМФ. В СССР деятельность группы генеральных инспекторов особенно широко не освещалась. Но совершенно ясно, что Смирнов продолжал пользоваться большим авторитетом и не чурался использовать круг обширных знакомств и связей, наработанный во время службы. Разумеется, не для создания привилегий себе и своей семье. Осталась масса свидетельств того, с кем общался, как, кому и когда помогал, используя практически каждую возможность. Например, переписывался с пионерской дружиной на своей малой родине, в селе Матвеево Парфеньевского района Костромской области, которая после его кончины носила его имя.

Оказавшись в группе советников, Николай Иванович воплотил свое давнее желание — вплотную занялся кинематографом. Еще в 1960-х годах он уже выступал в качестве военного консультанта. Один из таких фильмов — «Оптимистическая трагедия», по мотивам одноименной пьесы Всеволода Вишневского, производства студии «Мосфильм». В фильме, наряду с известными актерами, в съемках принимали участие матросы Черноморского флота. Другой фильм — «Их знали только в лицо», киностудии Довженко. Картина посвящена подвигу советских разведчиков, действующих в оккупированной фашистами Одессе. В 1967-м на фестивале в

Табличка на здании Матвеевской школы

Тбилиси ленту признали «приключенческим фильмом года». Но лишь теперь Смирнов, большой любитель кинематографа и любящий снимать на кинокамеру, смог полностью окунуться в вымышленный, но такой красочный и нужный мир. Самой заметной работой Смирнова в кино в качестве консультанта стал «Крик дельфина» — фантастический художественный фильм режиссера Алексея Салтыкова, снятый на киностудии «Мосфильм» в 1986 году по одной из книг Николая Черкашина, документальные свидетельства которого я цитировала выше. Премьера состоялась в апреле 1987 года. В съемках принимали участие моряки двух флотов — Северного и Черноморского. Съемки велись на реальной подводной лодке Б-318.

«Золотая» группа была упразднена указом президента Ельцина № 13 от 11 января 1992 года. В отставку ушли свыше пятидесяти маршалов, генералов и адми-

ралов¹. Николай Иванович в этот момент был серьезно болен — оставалось жить полгода... В эти месяцы семья флотоводца сполна испытала весь ужас анархии, в которую погружалась страна. Николай Иванович переживал не столько собственное и своих близких унижение, сколько распад великой державы, ставший реальностью, развал армии и Военно-морского флота.

Авторитет адмирала был по-прежнему высок, и Смирнову продолжали звонить и писать неравнодушные к происходящему люди — из Находки и Севастополя, с Камчатки и с берегов Баренцева моря... Позиция Николая Ивановича просто и коротко была изложена в его последней статье, публикуемой полностью в конце этой книги: флот России нужен, очень нужен, необходим. Это было своего рода напутствием будущим поколениям.

Осознавать крушение самого дорогого дела всей жизни было очень больно. Возможно, большее раковой опухоли, потому адмирал так буднично воспринял страшный диагноз и слишком поспешно отважился на хирургическое вмешательство:

— Решено: буду делать операцию!

Была ли в ней такая уж срочная необходимость? Сын адмирала Сергей Николаевич до сих пор в этом сомневается. Смирнова похоронили на Новодевичьем кладбище в первые дни лета 1992-го. Было много скорбящих, командующие всех флотов, почетный караул.

¹ Справедливость по отношению к заслуженным ветеранам армии и флота с маршальским званием была восстановлена в 2008 году — было создано Управление генеральных инспекторов Министерства обороны Российской Федерации — орган при Министерстве обороны Российской Федерации, ставший преемником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, существовавшей с 1958 года и упразднённой в 1992 году.

Римма Михайловна, супруга Николая Ивановича, недолго прожила после его ухода, скончалась в 1995 году и похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с могилой мужа.

В честь адмирала Смирнова были названы улицы в городе Парфеньево — на его родине и во Владивостоке.

ЧАСТЬ 2

**Воспоминания товарищей,
сослуживцев и родных
адмирала флота Смирнова**

«Главная черта — забота о людях»

Константин Михайлович Харчев.

Будучи первым секретарем Владивостокского горкома КПСС и секретарем по идеологии Приморского крайкома, плотно работал с Н.И. Смирновым, в 1969–1974 годах занимавшим пост командующего Тихоокеанским флотом. Впоследствии был послом, а в годы перестройки — председателем совета по делам религий при правительстве СССР.

— В 1969-м меня, 35-летнего молодого человека, избрали первым секретарем горкома. Это был нонсенс, тем более в столице Приморья, где располагался штаб ТОФ, а также главные учреждения торгового и рыбного флотов, окружное командование погранвойск и ПВО. Я не сразу разобрался, как выстроить работу, — не хватало опыта. Ранее трудился секретарем крайкома комсомола, начинал с первичной организации. Но сравнивать некорректно: тут иная мера ответственности. Заботы иногда практически раздавливали.

В один из очередных сложных дней — летом или ранней осенью — сижу в кабинете, дел невпроворот. Заходит секретарша: «К вам адмирал». Сначала даже не понял. Обычно приходят коллеги из партийных структур, районных комитетов... Я говорю: «Что же вы его держите в приемной?». Встал и вышел навстречу. Не успел дойти до двери, гляжу — вваливается громадина в форме, в фуражке, при полном параде. Прикладывает руку к козырьку: «Товарищ первый секретарь Владивостокского городского комитета!..» Я так и сел. Я ведь и сам выпускник мо-

реходки, моряк, офицер запаса. То есть к адмиральским погонам отношусь с большим пиететом. И вдруг воочию вижу настоящего флотоводца, который вдобавок докладывает, что прибыл специально ко мне для знакомства. Вот мое первое впечатление от встречи со Смирновым: я растерялся. Из-за того, что человек, облеченный властью, пришел к «зеленому» секретарю горкома, чтобы установить личные контакты. На нем весь Тихоокеанский флот — гигантская машина, сумасшедшая ответственность, куда там партийному функционеру! А он пришел просто представиться. Так не было «заведено» или «положено». Сработали чисто человеческое врожденное чувство и служебная ответственность.

Надо сказать, Николай Иванович тоже приступил к обязанностям недавно. Его предшественника я даже не видел, поэтому и удивился. Тогда военная каста и партийцы строили карьеру параллельно, особо не пересекались. А в Приморье у городских и военных властей вообще были напряженные отношения. Владивосток не особенно-то признавал гражданские органы управления. Город, основанный как крепость, во время войны превратился в реальный дальневосточный форпост. Главные территории, коммуникации, опорные пункты находились в собственности ВМФ, пограничников и других армейских. Гражданская власть тесно взаимодействовала с военной, но именно последняя считалась главенствующей. Во многих вопросах, если не сказать в большинстве, мы зависели от флота. И когда приходит тот, кто от тебя меньше всего зависит, чтобы доложить и пожать руку, это говорит о его высочайшем человеческом и служебном понимании своего долга.

Добавлю, что разделял нас и возраст. Смирнов с 1917 года, а я с 1934-го. Получается, он пришел к пацану, имея ордена, чины, войну за плечами. Это врожденное чувство порядочности, отсутствие чванства. Бюрократи-

ческие связи установить — по логике надлежало, наоборот, мне к нему прийти. Ведь вся набережная, все бухты находились в ведении ТОФ. Если мы хотели построить даже один дом, должны были согласовывать. Более того, будучи первым секретарем горкома, я не имел права войти на некоторые территории, считающиеся режимными. Но в то же время город разрастался, остро требовались новые площади для застройки, прокладки коммуникаций. И на таком вот фоне этокое губительное, негласное, чуть ли не противостояние между гражданскими и военными, натянутость в отношениях...

Итак, наше знакомство, немало меня удивившее, состоялось. Мы перекинулись приветственными фразами, и Николай Иванович сразу перешел к делу: «Давайте договоримся, все, что нужно для города, делать сообща». Не откладывая в долгий ящик, приступили к разбору конкретных проблем. Первым вопросом шла эспланада — пирсы, береговая линия. Большая часть там состояла из секретных объектов. Мы просидели часа полтора. Когда разошлись, я был влюблен в Николая Ивановича, как мальчишка в умудренного учителя, раз и навсегда. Все последующие годы относился к нему восторженно, никогда не ставил себя с ним вровень. И до сих пор, что касается человеческих взаимоотношений, он для меня — подлинный образец.

Совместная деятельность складывалась по простой схеме: дружеские контакты подключались там, где буксовали чисто рабочие. Он был военно-морским чиновником, рулил мощным флотским механизмом. Но и я со своей стороны отвечал за вверенный мне участок. Вот почему мы постоянно спорили, иногда в результате дискуссий даже не сходились во мнении. Смирнов отстаивал интересы флота, я же руководствовался городскими нуждами. Однако мы всегда находили компромисс.

С руководством Приморского края и города Владивостока на празднике. Справа от адмирала — К.М. Харчев, первый секретарь Владивостокского горкома партии, слева — В.П. Ломакин, первый секретарь Приморского крайкома партии

Одна из первых задач, решенных нашим тандемом, — установка пушки на Тигровой сопке по ленинградскому примеру. Вопрос продвигался со скрипом. В крайкоме к этой идее относились поверхностно, видели в ней какую-то игру: дескать, молодой первый секретарь хочет о себе таким образом заявить. У меня вообще была склонность к идеологической работе: увековечение традиций, установка памятников, воспитание молодежи. Это же был символ морской мощи страны и прославленного города-крепости. И здесь я нашел полное понимание и поддержку в лице Николая Ивановича. ТОФ должен был снарядить это орудие, установить, обслуживать и хранить боезапас.

А что такое — артиллерийский склад в центре города? Хотя и не боевые заряды, а холостые, но все равно ответственность ложилась на флот. Именно Николай Иванович посоветовал мне обратиться напрямую к министру обороны СССР: «Выйди на Гречко по ВЧ. Если получишь разрешение, остальное — наша забота, сделаем в лучшем виде. Мне нужно только пожелание». Далеко не сразу мне удалось связаться с Андреем Антоновичем. Кое-как изложил ему свою просьбу, он долго не мог понять смысла: «Зачем вам пушка, вы по кому стрелять собираетесь?». Объяснил, что речь идет о морской традиции, просил выписать соответствующую резолюцию командующему ТОФ... Ответ пришел спустя месяц в письменной форме. Гречко сообщал, что команда дана. Правда, официального распоряжения так и не последовало. Поступило лишь негласное поручение министра через адъютанта. Впрочем, Николай Иванович, несмотря на отсутствие бумажек, сказал: «Сделаем!». И слово сдержал.

Первый выстрел был неудачным: в трех домах вылетели стекла. Звук должен уходить в другую сторону — что-то мы не рассчитали. В тот же день остеклили три дома, 16 квартир. Больше эксцессов не случилось. Вечером раздался звонок: «Ну как там?». Я говорю: «Порядок». Смирнов звонил из командировки, очень волновался, как все пройдет.

Хотелось бы, чтобы в Приморье всегда помнили, кто стал одним из создателей традиции. Если пушка стреляет, значит, в каждом залпе слышится имя «Смирнов». Потом, увы, похоронили многое из того, что он сделал во Владивостоке, но пушка осталась, хотя ее переставили. Сопку же застроили в 1990-х, в эру, когда деньги стали важнее чести. Орудие стреляет теперь с крепостной батареи «Безымянная».

То, что Николай Иванович был хороший мужик, подтвердят все, кто его знал. Душа-человек среди друзей. Но

устойчивый и принципиальный на службе. Никогда сразу не вспыхивал, как, например, я. Любой компании придавал основательность, любому обсуждению — рассудительность.

Моряки на берегу — это проблема в любую эпоху, сплошные ЧП. Кого-то избили, напильсь, между собой подрались из-за женщин. Матросы и сейчас дерутся, и тогда дрались. Милиция тоже не церемонится, а потом первые говорят одно, вторые — противоположное. Сумасшедшая нагрузка для ответственных лиц и органов. Мы с Николаем Ивановичем сразу оговорили совершенно четкие правила: считать подобное — вопросами исключительно дисциплинарными. Как писал Новиков-Прибой, если матрос лежит головой к кораблю — не брать: довести до шлюпки и сдать товарищам. Мы договорились не возбуждать уголовные дела по возможности: если моряк банально пьян, провожать и передавать дежурным. Пусть его товарищи судят. Это мудро, и репутация флота не страдает.

Настоящим камнем преткновения в наших отношениях оставались упомянутые земельные участки. Вся береговая полоса управлялась флотским начальством. Чтобы наладить, скажем, паромную переправу, требовалось идти к главкому ВМФ. Тогда им был великий Горшков — мудрейший мужик, тоже глыба. Последний частенько бывал во Владивостоке, вместе встречали и провожали, втроем и в баню ходили. Горшков очень любил попариться, как, кстати, и Николай Иванович. Горшков был по этой части чемпион, температура зашкаливала. Надевали со Смирновым войлочные шляпы и принимались веником его охаживать. От высокого гостя ведь все зависело. Тут вообще надо сказать, что Смирнов, кого бы ни посылали в наши края судьба, умел не переходить грань, отличающую гостеприимство от подхалимажа. Он везде и со все-

ми выглядел человеком независимым. Многие за это Николая Ивановича недолюбливали. Сейчас-то все горазды говорить обратное. А тогда не любили как раз за то, что не подхалимничал и сам не терпел интриганов...

Во Владивостоке отношение местного населения к военно-морским высшим чинам до появления Смирнова было не очень радужным. В 1964-м случился настоящий анекдот: адмирал Захаров, помощник комфлота по политической части, выступая в Доме офицеров, договорился до того, что Хрущев — есть главный руководитель-вдохновитель отечественного ВМФ, флотоводец, стоящий выше Нахимова и, быть может, даже Ушакова. В момент того доклада Захарову принесли телеграмму о смещении Никиты Сергеевича. Такой вот вышел комичный казус, легший пятном на весь флот. Разумеется, тень падала и на предыдущего командующего, адмирала Амелько, которому было непросто найти общий язык с политорганами.

Один только штрих, чтобы сравнить стиль адмирала Смирнова с Захаровым. Этот же зал, другой политсостав, примерно 1972 год — у руля страны давно Брежнев. Лозунг на балконе — «У нас есть чем защищать, у нас есть, кому защищать». Выступает Смирнов: «Все мы правильно делаем. У нас есть руководитель, отдающий приказы, кому, чем и когда защищать. Лозунг правильный. Но там нет одного: кого защищать. Мы должны прежде всего работать с жителями, ежеминутно помнить, что именно они пойдут с нами на врага и будут скреплять наш тыл. Поэтому главный упор в политической работе необходимо делать на население». Никогда Смирнов не кричал: «Да здравствует!». Не помню в его выступлениях даже намек на шапкозакидательство или безмерных славословий в адрес Политбюро. О важнейшей роли руководящей и направляющей вспоминал немного, без пафоса и выкрутасов. Прежде всего интересовался прак-

тическими аспектами той или иной проблемы, смотрел как состыкуется в ней военная и гражданская стороны. И, конечно, в этом отношении под командующего подстраивались подчиненные. С приходом Смирнова и политическая обстановка на Тихом океане оздоровилась. Уже тогда он был политиком, явно переросшим свою должность, а не обычным служакой — «эта лодка сюда, эта лодка туда».

В 1971 году я пошел на повышение — стал секретарем крайкома партии. И опять нам предстояло совместно находить решения злободневных вопросов. Помню, какую-то аварию на заводе подводных лодок «Звезда» в Большом Камне, гибель людей... Надо отдать ему должное — знал я многих генералов, но не видел ни одного военачальника, кто ставил бы во главу угла человека и человеческое. Смирнов же прямо говорил: «Будем заниматься расследованием, но вначале обеспечим семьи». Тогда пострадавшим не выплачивали компенсаций из казны краевого комитета или крайисполкома. Не существовало и соответствующих постановлений — эту обязанность командующий взваливал на себя самолично, для чего привлекались материальные ресурсы флота. Отношение к людям — главная черта Николая Ивановича. Крайне редкая среди высшего военного комсостава.

Отрадно было узнать, что одну из улиц Владивостока недавно назвали его именем, но остались в городе и памятники, появившиеся благодаря самому Смирнову. Кроме той пушки, о которой речь шла раньше, он еще увековечил память легендарной подводной лодки С-56. Воплощение этой идеи стоило громадных денег. Субмарину, которая отличилась в боях во время Великой Отечественной войны, надо было перегнать в порт, отремонтировать на гражданском заводе. Отдадим ему должное: если бы не он, данного «живого» монумента славы не появилось бы.

Похожим образом возникла в Приморье пионерская флотилия. Город капитанов и пограничников, мальчишки грезят морским делом. Смирнов передал нам два катера, составившие костяк флотилии. Дети управляли ими под руководством опытных моряков... Николай Иванович ушел с поста командующего ТОФ в 1974-м, я покинул крайком спустя четыре года. Что стало потом с нашим детищем, не знаю. Если теперь флотилии нет, следовало бы возродить и присвоить имя Николая Ивановича. Прекрасная, пожалуй, идея, отвечающая правильной на сегодня тенденции: возрождению патриотического воспитания молодежи.

Смирнов мог бы во многом стать примером нынешнему поколению. В быту все годы нашего знакомства он оставался принципиальным бесребреником. Конечно, получал неплохо, пользовался квартирой и дачей. Правда, недвижимость тогда была с номерками. Своего — ровным счетом ничего. Вышние должностные лица жили на государственной площади. Да, в больших и удобных квартирах. Но эти метры не принадлежали никому. Мебель и ту разрешалось передвигать с одобрения коменданта здания. Вбить гвоздь в стенку — тоже.

Николай Иванович всегда жестко пресекал любые попытки поживиться за счет флота. Был случай, который мы разбирали на бюро крайкома партии — девять человек, среди них Смирнов и я. Этакая краевая высшая инстанция. Тогда же прежде всего был партийный суд и только потом следовал гражданский. Помню, разбиралось дело командующего ПВО округа, в партийном отношении подчинявшегося, разумеется, нашему крайкому. А провинился он тем, как использовал вертолеты. Сажал автоматчиков, летели над тайгой и стреляли излюблей. Охотились, так сказать. Казалось бы, залепить строгий выговор. Нет? Когда разбирали проштрафившихся военных, при-

нимали вердикт Смирнова. В данной ситуации он ни на секунду не засомневался: «Из партии исключить, просить о снятии с должности». Не являясь членом КПСС, такой пост уже нельзя за собой сохранить. Вот оно — отношение и понимание Николая Ивановича. Сам, безусловно, был кристально чист и честен. Никогда не забуду дачу адмирала с ветхим забором... Смирнов разогнал всех, кто слишком интересовался личными выгодами, хапать решительно не позволял.

Как говорится, хочешь узнать человека, дай ему власть. Николай Иванович эту поговорку с правильной стороны оправдал в полной мере.

«Перед лицом опасности был спокоен»

Виктор Кузьмич Кузубов,

*капитан I ранга в отставке. В 1970–1974 годах служил
старшим адъютантом под началом Н.И. Смирнова
на Тихоокеанском флоте.*

— Попал я на Тихий океан в сентябре 1970 года в звании старшего лейтенанта. Познакомился со Смирновым, когда меня вызвали к нему на собеседование. Направление дал командир Сухановской военно-морской базы, контр-адмирал Сидорчук: «Сейчас тебе выпишут проездные документы и завтра из Советской Гавани лети во Владивосток к командующему флотом». Ему требовался старший адъютант. Николай Иванович был спокоен и приветлив, много расспрашивал, гонял по биографии и общим вопросам, чтобы понять глубину моих интересов. Откуда родом, что закончил, знаю ли штабную службу. О том, в чем заключаются обязанности адъютанта, не сказал ни слова. И, кстати, как потом выяснилось, они вообще нигде не прописаны, их нет как таковых — должностных обязанностей адъютанта комфлота.

Беседа продолжалась около 15 минут. Наконец, Смирнов сказал: «Ну все, езжай, рассчитывайся». Я сильно обрадовался, разумеется, считал это шагом вперед. В Советской Гавани находился на должности старшего лейтенанта в 8-м отделе базы, во Владивосток, опережая звание на несколько звездочек, переехал сразу на должность капитана III ранга.

Вопрос, который интересовал многих моих знакомых: как и почему моя судьба сделала такой крутой поворот?

Незадолго до этой беседы в районе Советской Гавани проходили учения, и Смирнов прилетел туда на командный пункт. Насколько мне известно, после доклада он общался с Сидорчуком в доверительной, неформальной обстановке. И, видимо, посетовал, что возникла нужда в новом адъютанте. Прежний достался ему в наследство от предшественника, адмирала Амелько. Он не был плох, просто подал документы в академию, пришла пора уезжать. Очевидно, Сидорчук пообещал начальнику присмотреть варианты среди своих подчиненных...

На оформление документов ушло две-три недели, хотя сам я собрался быстро. Мне, молодому, было собратся — подпоясаться. Прилетел в краевую столицу и сразу вышел на службу в штаб. Служба, с одной стороны, простая: что скажет командующий — выполняй, вот и вся эта служба. Но с другой стороны, рядом с таким непростым человеком служба легкой в принципе быть не могла.

Все четыре года, что я наблюдал Николая Ивановича ежедневно, прошли в неустанных заботах о ТОФ, моряках-краснофлотцах, их семьях. Перепадало и городу. Адмирал ведь обладал работоспособностью потрясающей. Отдыха не знал и не хотел знать. Соответственно и я не мог себе позволить расслабиться. Практически все субботы и воскресенья командующий — в кабинете за бумагами, адъютант — в приемной, с 8 утра до поздней ночи.

Многие, с кем приходилось пересекаться, пришли в штаб еще при Амелько. Рассказывали, что у прежнего начальника не сложились отношения с политорганами. Эта нервозность, безусловно, передавалась и другим. Поговаривали, что одна из задач, поставленных центром Смирнову, — успокоить людей, наладить ровную рабочую обстановку в управлениях флота. С краевым комитетом и с горкомом КПСС в итоге возникли тесные, товарищеские контакты. Особенно хорошие отношения сложились

с Виктором Павловичем Ломакиным — первым секретарем Приморского крайкома, Константином Михайловичем Харчевым, первым секретарем Владивостокского горкома КПСС. Государственные праздники они отмечали вместе.

Николай Иванович не был чрезмерно строг в общении с подчиненными. Но и панибратства никому не позволял. Начальник управления боевой подготовки, начальник мобилизационного управления — все относились к нему с должным уважением. Служебные взаимоотношения всегда соответствовали схеме «командующий — заместители». И, что интересно, даже будучи в свободной обстановке, никто ни разу не высказался о Смирнове с сомнением или как-нибудь плохо. Атмосфера наладилась, внерабочие моменты свелись к минимуму: все по делу, по существу. Начальники управлений теперь приходили на доклад в строго отведенное время, да и сами доклады не перетекали в бесконечные посиделки. Николай Иванович зарядил нас своей активностью и скрупулезностью. Для офицеров стало важнейшим обязательством — не подвести своего командующего. Особенно в ходе учений, когда приезжал главком ВМФ или его представители. Вообще накануне прилета Горшкова мы не спали сутками. Не ударить в грязь лицом перед Москвой было Николаю Ивановичу крайне важно.

Что меня поражало в моем руководителе, так это умение заставить работать подопечных лучше, не применяя распространенных в армейской и флотской начальственной среде оскорблений и угроз. Смирнов никогда не повышал голос, не терпел устраивать разносы. Этим, повторюсь, отличался от многих крупных военных чиновников. Мне даже кажется, он будто стеснялся матерных слов.

Спиртное Николай Иванович не употреблял и никому не позволял хлебнуть лишнего. Сколько мы ни ездили

по дальним гарнизонам, обед командующему накрывали строго после окончания официальной части. И все по скромному, без излишеств и алкоголя. Помню, инспектировали одну бригаду, там накрыли стол. По обыкновению — как и требовал адмирал уже после рабочего времени. Только вижу, нахмурился он: «Что это там такое красное? Похоже на икру». Хозяева отвечают: «Икра, только приготовленная». «Что это значит?» — заинтересовался Смирнов. Оказалось, есть такая крупа — саго, круглая, блестящая. Из крахмала. К приезду высокого гостя ее сделали в томате и внешне она действительно стала напоминать икру лососевых. «Виктор, запиши-ка рецепт. Приедем домой, попытаемся сготовить». Николая Ивановича приятно удивляли необычные вещи и блюда. Вкусовые качества, если понравилось, всегда отмечал. Поваров не упускал случая похвалить.

Он же вообще отличался творческим мышлением. Как известно, начинал Смирнов в архитектурно-художественном институте, откуда был призван на флот. Вдобавок хорошо рисовал. Любил фотографировать и на кинокамеру снимать. В штабе имелась японская кинокамера. Николай Иванович обучил меня снимать мероприятия, природу, достопримечательности. Когда он принимал у себя гостей, я готовил проектор и ставил смонтированные, как положено, ленты. Это было обязательным условием праздничных вечеров в семье Смирновых.

Николай Иванович обладал уникальной отзывчивостью: кажется, никогда не отказывал никому в личных просьбах. Жил по принципу: человек должен выйти из кабинета руководителя удовлетворенным. Получит то, что просит, или же не получит, но обязательно с положительными эмоциями. На прием к нему люди записывались, поток не прекращался. Не помню, чтобы он отказал кому-нибудь во встрече. Помочь, конечно, мог не всем.

Даже у комфлота возможности ограничены. Но думал так: если не сумею выполнить сам, подскажу, как действовать, куда направиться.

Мы с ним нередко бывали в поселке Преображение, там, где расположен большой рыболовецкий колхоз, — Лазовский район избрал Смирнова депутатом. Сначала он выслушивал народ, который собирался в клубе, отвечал на вопросы. А потом ходил по квартирам, чтобы понять, насколько чаяния большинства отличаются от мнений активистов. Заходил и с порога спрашивал: «Как живете, какие проблемы?». Помню одну женщину. У нее был совсем маленький ребеночек. Она не жаловалась — просто посетовала: «В магазине есть молоко, но нет творога». Надо было видеть, как Николай Иванович начал ей подробно объяснять, как из молока в домашних условиях следует приготовить творожок. Женщина, может быть, и сама это знала — дело нехитрое. Но ее поразило, что офицер такого ранга, народный депутат беседует так запросто и делится рецептами.

Или вот такой случай. Село Хороль, где стояли мощнейшие авиационные соединения. Узнав, что едет командующий, к нему выстроились в очередь просители. Кто с жалобами, кто с заявлениями о переводе по болезни. В основном это были военные строители, призванные из республик Средней Азии. Смирнов выслушал всех, я записывал просьбы. Потом из Владивостока направили к ним целую комиссию: кадры, воспитатели, отдел устройства службы — насколько мне известно, постарались отреагировать на каждый звонок, помогли людям.

Надо сказать, Николай Иванович, с кем бы ни встречался, всегда располагал к себе. С ним даже случайные знакомые затем старались наладить контакт, встретиться снова и снова. Помню, мы летали с космонавтами в Со-

ветскую Гавань и на Камчатку. У Смирнова после этого завязалась дружба с Николаевым и Терешковой. Он частенько и сам гостил в Звездном городке. Правда, в рамках командировок. Отпуск за четыре года позволил себе лишь дважды: один раз — в Ялту, другой — в Шмаковку, наш приморский курорт.

Николай Иванович, что мне очень импонировало, никогда не забывал о своих корнях, о том, что он вышел из народа. Когда выдавалась минутка, рассказывал о своем детстве. «А знаешь, как кушать яичко вприглядку? Яичко вареное пополам разрежешь, одну половинку себе на ломоть, а другую — сестре. Носом отталкиваешь яичко, а хлеб кусаешь. Вот так едят яичко вприглядку».

В еде, в одежде, в быту адмирал оставался непритязателен. Он, конечно, хотел, чтобы шинель пошили хорошо, а все остальное... Обувь получал на складе, фуражки тоже. Никаких особенных головных уборов и пальто себе не заказывал, хотя должность вроде бы позволяла.

Его особенное внимание к офицерскому корпусу на фоне предшественников обернулось даже одним казусом. Николай Иванович инициировал практику приемов офицеров флота в связи с каким-либо праздником. И так вышло, что на первое подобное мероприятие, посвященное Новому году, прибыли не все начальники управлений. Хотя приглашения никому не забыли разослать. Просто те не поверили, что такое возможно. Думали, ошибка, розыгрыш. На другой день Смирнов вызвал всех и пристыдил, как он умеет, спокойно, без хамства. Объяснил полезность подобных встреч, их важность в деле укрепления боевого братства. И действительно, это вскоре превратилось в традицию на ТОФ. Стали приглашать и командиров соединений, и даже военнослужащих со стороны, причем с супругами. Насколько я знаю, традиция жива и поныне.

Николай Иванович никогда не жаловался на здоровье. В госпитале бывал крайне редко. Причем обычно никто и не знал, что командующий приболел или на плановом обследовании. Очень не хотел этого афишировать. А вот супруга — Римма Михайловна — болела часто. Николай Иванович сильно переживал, понимая, что не может уде-

Встреча с ветеранами Тихоокеанского флота во Владивостоке. В нижнем ряду слева направо: В.К. Кузубов, капитан I ранга в отставке, Никитин Б.А., подполковник, А. Красногородская, И.М. Литвиненко, капитан I ранга, председатель совета ветеранов ТОФ и М.П. Храпцов, капитан I ранга в отставке. Верхний ряд слева направо: В.В. Образцов, контр-адмирал в отставке и Е.В. Симаков, контр-адмирал в отставке

лять ей внимания столько, сколько она заслуживает. Старался не волновать жену, не беспокоить. Был заботлив и предупредителен. Когда выкраивал вечер — они вместе ходили в театр...

Ответственность была для него вторым «я». Также относился он к решениям партии, не менее трепетно — к своим депутатским обязанностям. И то и другое воспринимал как дело необходимое, от которого нельзя отлынивать ни на секунду. В Приморье Смирнов входил в бюро крайкома КПСС. Не было случая, чтобы пропустил заседание или чтобы критиковал решение однопартийцев.

Назвал бы его человеком кристальной моральной чистоты — в мыслях, поступках, по отношению к государству и товарищам. Но при всем подобном уважении к партии Смирнов оставался человеком независимым.

Ряд офицеров, даже адмиралов почему-то считали, что имеют право заходить к командующему, когда им вздумается. Я, напротив, старался сперва доложить руководству, кто идет и зачем. Существовала же субординация, распорядок, список посетителей. Один адмирал как-то попытался прорваться к Смирнову. Я сказал: «Только после моего доклада». И Николай Иванович такое решение посчитал правильным, в обиду меня не дал.

Был, кстати, один напряженный момент, во время ЧП, когда я не пустил в каюту комфлота особиста, но и тогда Николай Иванович целиком встал на мою сторону. Но вообще, особый отдел работал в годы Смирнова достойно. Всякое бывало, регион режимный, рядом граница — базы американские в Японии и Южной Корее. В такой близости от потенциального противника шпионы, террористы, просто неуравновешенные люди, которых используют втемную, — все наиболее активны.

Был случай в 1972-м или в 1973-м, точно не помню, когда особисты попросили Смирнова поехать ночевать в

госпиталь. Взять с собой адъютанта и табельное оружие. По своим каналам они установили, что готовится покушение на комфлота по дороге домой. Мы тогда ближе к вечеру потихоньку уехали по назначению. Командующий расположился в одной палате, я — в соседней. Через несколько часов позвонили: угрозы больше нет, разыскали идиота. Кто им оказался, не знаю, эта информация прошла мимо меня. Здесь интересен сам факт. Положение Смирнова было не из легких, он всегда был в центре внимания западных спецслужб. Как говорится, на мушке. И важно то, как он реагировал, узнав о готовящемся покушении: спокойно и ровно. Совсем не волновался, только пистолет проверил.

«В нем чувствовался державный масштаб»

Евгений Яковлевич Литвиненко,

вице-адмирал, в прошлом командующий Приморской флотилией. В начале 1970-х командир корабля на Тихоокеанском флоте.

— Николай Иванович вступил в должность комфлота в марте 1969 года. И сразу начал борьбу за качество боевой подготовки. Этим он сильно выделялся среди своих предшественников.

В начале 1970-х на флоте произошло несколько страшных катастроф. Конечно, это вызвало пристальное внимание главнокомандующего и Министерства обороны. Начались кампании по проверке, по борьбе за живучесть, в книжку каждого краснофлотца внесли строчку: нет аварийности оправданной и неизбежной. Аварийность и ее причины создают люди своей безграмотностью и безответственностью — слова тогдашнего главкома Горшкова стали золотыми. На мой взгляд, это была правильная постановка вопроса в масштабе корабля. Но если разобратся объективно, такая ситуация создавалась извне. Графиком подготовки кораблей, их ремонтом. Его редко успевали провести вовремя. Представьте, подлодке нужно отработать курс боевой подготовки, но приходится его сокращать, поскольку ремонтники задерживаются. И в итоге зачатую субмарина выходила в море не полностью подготовленная. Из разного рода конъюнктурных сооб-

ражений проблемы замалчивались. Запомнилось, как в 182-й Камчатской бригаде командир «Щуки-185» прямо командиру эскадры перед выходом в поход доложил, мол, лодка не готова. И услышал ответ: «Выкрутишься». Он выкрутился, но какой ценой. На боевом походе сказались и ненадлежащий ремонт, и недостаточная подготовка личного состава. А случались, конечно, и похуже последствия. Когда, например, американцы обнаруживали ослабленную таким образом нашу подлодку...

Сразу после вступления Николая Ивановича в должность боевую подготовку подняли на совершенно иной уровень. Требуется 60 суток для задачи номер 1 — получай два месяца! Необходимо 14 ходовых суток для задачи номер 2 — вот ровно две недели. Такая жесткость не вызывала положительных эмоций, многим было трудно. Но с другой стороны, качественное улучшение боевой подготовки со временем снизило нервную обстановку. С какого-то момента начали работать уже по плану. Вот где принципиальность Смирнова оказалась очень нужной. Иное дело — не представляю, как ему удалось успокоить Москву? Ведь по правилам оперативной готовности флота постоянно на боевом дежурстве должно было находиться строго определенное число кораблей. Теперь же комфлота вмешивался в этот устоявшийся график, чтобы в полной мере решать проблемы боевой подготовки и ремонта. В том, что Смирнов умудрялся договариваться с руководством ВМФ, — вижу настоящий подвиг. А спустя два-три года боевая подготовка вошла в норму и уже не влияла на уровень оперативной готовности.

Меня искренне поражало внимание Николая Ивановича к подчиненным и внимание к нюансам. Всегда лично поздравлял командиров кораблей и подлодок с днем рождения. Кроме того, практиковал подробные и тщательные разборы всех аварийных ситуаций. Он вообще

очень часто встречался с командным составом, чаще, чем кто бы то ни было. Причем это шло от желания понять, а не ради дешевой популярности. И все видели, что Смирнова с его дотошностью никак не проведешь. Кто бы и когда ни пытался увернуться, он ставил оценку очень точно. Всегда верно определял и виновных, и степень вины. Ведь на флоте, как обычно, и правых, и виноватых — всех одинаково наказывали, под одну гребенку. Смирнов же во всем досконально разбирался.

В нем чувствовался державный масштаб. Не просто командующего, который реагирует на указания сверху, а политика, который мыслил государственными интересами. И, честно говоря, мы очень рассчитывали на него как на будущего главнокомандующего, когда он стал первым замом главкома. Но, видимо, человеческие ресурсы оказались не безграничными. Да что греха таить, похоже, побаивался его Горшков — как серьезного конкурента — и не дал Смирнову вырасти дальше.

**«Обладал незаурядным умом,
живо интересовался новейшими
достижениями науки и техники»**

Тенгиз Николаевич Борисов,

вице-адмирал, доктор технических наук, инженер-кораблестроитель. Занимался обеспечением живучести подлодок, изучением гидродинамики, развитием теории корабля. Его знания и опыт были высоко отмечены Н.И. Смирновым.

— В 1980-х годах после окончания Военно-морской академии им. А.А. Гречко судьба привела меня в Научно-исследовательский центр ВМФ СССР, который курировал главнокомандующий советским флотом. Непосредственно руководил НИЦ капитан I ранга Андрей Романович Турченко. Будучи крайне загруженным, сам главком занимался центром мало. В основном работали мы с Николаем Ивановичем Смирновым. Одновременно он возглавлял «Мировой океан» — вторую секцию Госкомитета по науке и технике.

Как правило, такие секции отдавались под «свадебных генералов». Здесь же, на наше счастье, оказался человек, блестяще знавший морское дело, небезразличный, увлекающийся. Имея высокое воинское звание, десятилетия флотской службы, он отнюдь не был солдафоном. Напротив, обладал незаурядным пытливым умом. Несмотря на возраст, погоны и пройденную школу жизни, Николай Иванович живо интересовался новейшими достижениями науки и техники.

Думаю, он и возглавил секцию не по должности, а в силу личных качеств. Курировал вопросы, связанные с океанологией, кораблестроением, оружием, основанным на новых физических принципах (ОНФП), словом, все, что касалось практического военного применения в мировой акватории. Это была работа страшно засекреченная. Разработки в области подводного флота, надводных кораблей находились под грифом «совершенно секретно». Поэтому задачи и проблемы, которые выносились на рассмотрение второй секции ГКНТ¹, обсуждались узким кругом специалистов и приглашенных высокопоставленных лиц.

Документы для Смирнова готовил ученый секретарь, представитель НИЦ ВМФ, мой хороший друг Гарнов Евгений Анатольевич. По мере надобности нас с ним тоже приглашали на заседания, где решались конкретные вопросы, касающиеся нашей компетенции. С Николаем Ивановичем я близко сошелся в 1983–1984 годах. К этому времени я уже забросил практически готовую докторскую диссертацию, подготовленную за время обучения в ВМА, и увлекся новой темой, занимавшей меня по службе. Мне предложили написать докторскую по теме, которую я вел в НИЦ ВМФ. Но и первую, кстати, я успел представить в ученый совет ВВМИОЛУ им. Ф.Э. Дзержинского. Правда, защититься не позволили. Когда представил на утверждение тему, меня спросили: «Почему капитан-лейтенант в 29 лет ставит вопрос о докторской диссертации?». И дали понять, что: «Ограничений по возрасту нет, но есть сложившаяся практика». Пришлось снять работу. А спустя четыре года, в 1985-м, японцы сделали аналогичную. Обидно, конечно... Речь шла о МГД — магнитогиродинамическом двигателе специального назначения.

¹ Государственный комитет по науке и технике

Мне тогда удалось выйти на расчетный КПД, что ранее не удавалось никому.

И вот именно этот перспективный труд я отложил в сторону, чтобы заняться новой тематикой на стыке гидродинамики, радиолокации, оптики. Тогда я плотно сотрудничал с несколькими институтами Академии наук. Ведущим был Институт проблем механики, подключались и другие научно-исследовательские учреждения. Те результаты, которые получили сотрудники НИЦ, оказались достойны для рассмотрения на секции «Мирового океана». Там мы и познакомились со Смирновым.

Я смотрел на него снизу вверх. Адмирал флота для меня оставался заоблачной величиной: я, капитан III ранга на тот момент, находился ниже на шесть ступеней во флотской иерархии. Первый заместитель главкома ВМФ, подводник, прошедший войну, пользовался колоссальным авторитетом. Однако Николай Иванович меня поразил тем, что оказался человеком легким в общении. Абсолютно не давал почувствовать колоссальную разницу в звании, должности, возрасте. К тому же он явно заинтересовался наработками молодого ученого. Слушал меня всегда с большим вниманием. Вначале, конечно, я чувствовал себя неуютно перед лицом большого начальника. Не мог понять, насколько подробно надо разяснять те или иные нюансы. Ведь Николай Иванович окончил училище имени Фрунзе — командное училище, а потом академию Генштаба. Мои же вопросы были узкоспециализированные, касающиеся прикладной гидродинамики и ряда других чисто инженерных проблем. Я и не предполагал, что адмирал настолько хорошо сможет ориентироваться в данном направлении, и был искренне поражен его глубокой эрудированностью.

Оказалось, он не просто слушает из вежливости, а досконально вникает в суть, старается прояснить детали,

спрашивает и переспрашивает, стремясь получить максимально точный ответ. Поняв это, я проникся к нему огромным уважением. Большая редкость, когда руководитель высочайшего ранга готов согласиться, что в каком-либо вопросе не вполне компетентен. Обычно в таких случаях они предпочитают промолчать. Николай Иванович, напротив, задавал конкретные вопросы. Причем корректно и грамотно. Подкупал и располагал к себе сразу, поэтому даже о первой встрече сохранились самые теплые воспоминания. Помню, как я описывал ее товарищам: «Никогда еще не видел человека, которому настолько небезразлична судьба военной науки».

После первого знакомства мы встречались неоднократно. Он курировал мое направление лично, хотя порой приходилось докладывать наши результаты и главному ВМФ, адмиралу флота Советского Союза Сергею Георгиевичу Горшкову. В первый раз мой начальник, Турченко, докладывал без меня. Главком задал несколько сложных вопросов, на которые тот не сумел ответить. Тогда Горшков потребовал привести непосредственного разработчика. Так я и попал к нему на ковер. Помимо Турченко, присутствовали вице-адмирал Тынянкин и Николай Иванович Смирнов. На доклад мне отвели пять минут.

Когда я закончил, главком, внимательно меня слушавший, задал множество вопросов — ответы затянулись на два часа. Встреча оставила во мне неизгладимый след. Горшков был действительно великим человеком. Вместе со Смирновым они составляли тандем, который здорово продвинул наш флот, — наши флаги стали известными у берегов всех континентов, мы могли защитить интересы державы в любом уголке планеты. Подобным могуществом обладали, кроме нас, только американцы. Именно тогда — с начала 1970-х до второй половины 1980-х — был сделан качественный рывок в области создания новых

кораблей и морской техники, разработаны современные морские доктрины, сформирован ракетно-ядерный океанский флот, в том числе подводный.

Когда главком фактически закончил аудиенцию, удовлетворившись моими ответами, Николай Иванович забрал присутствующих в свой кабинет, где мы снова разобрали узловые точки доклада и беседы. После Горшкова Николаю Ивановичу, наверное, было сложно найти дополнительные вопросы, но тем не менее он заострил внимание на некоторых тонких моментах, чему я, честно говоря, искренне порадовался: не зря говорят, дьявол кроется в мелочах. Дело в том, что исследования, которые мы вели, проводились давно. За каждой формулой стояли имена известных академиков. И со стороны это выглядело так, что какой-то капитан III ранга вдруг ниспровергает светила, находит у старших коллег неточности, не позволяющие решить ряд прикладных задач. Повезло, что карьеру я начинал на действующем флоте, а не в головном институте Минобороны, куда приглашали после окончания училища. Именно это помогло мне понять, что формулы порой отличаются от практики.

К счастью, Николай Иванович тоже был блестящим практиком. Мы с ним говорили, понимая друг друга с полуслова. Ко мне лично он относился очень тепло, потечески. Потом судьба свела меня с его сыном Сергеем. Признаюсь, наше знакомство переросло в неформальное дружеское общение. Естественно, я соблюдал все нормы приличия и дистанцию, никогда не злоупотреблял добрым отношением адмирала.

Вспоминается одна примечательная ситуация. Николай Иванович обладал развитым чувством юмора. Однажды, докладывая на второй секции ГКНТ, адмирал Анатолий Рассохо, возглавлявший Главное управление навигации и океанографии ВМФ, с гордостью сказал: «Мы

уже добились того, что наши прогнозы по погоде оправдываются в среднем на 40%, и мы надеемся в ближайшем будущем немного этот показатель улучшить». Николай Иванович совершенно серьезно ответил: «Могу подсказать, как сразу в полтора раза улучшить результаты». Рассохо опешил: «Как, товарищ адмирал флота? Это невозможно!». — «Это очень просто: вы делаете свои прогнозы, потом говорите все наоборот, и тогда у вас будет совпадение не 40, а 60%». Рассохо тогда даже немного обиделся, а остальные прыснули со смеху.

Николай Иванович умел в нужный момент разрядить обстановку, поддержать хорошую шутку. Зато в его присутствии немногие решались шутить. Но скорее из уважения, а не от страха. Сам-то Смирнов никогда в жизни не кичился начальственным положением, не затыкал никому рот, был, что называется, легким человеком... Бывает, в присутствии иного крупного военного чиновника боишься лишнее слово сказать, а мы позволяли себе даже спорить с ним, и это воспринималось абсолютно нормально. Когда шли научные дискуссии, Николай Иванович сам требовал этого: «Сейчас здесь нет адмирала флота или капитанов III, II, I ранга, но есть люди, которые должны решить задачу. Поэтому задавайте вопросы, оппонируйте, уточняйте, если я что-то говорю не так». Редкое качество для большого начальника.

С Николаем Ивановичем мы плотно контактировали до 1988 года, когда он ушел в группу инспекторов, — так называемую райскую группу при Министерстве обороны. Туда подбирались военспецы с огромным опытом и послужным списком — сплошь маршалы, генералы армии, адмиралы флота. Они переходили в число генеральных инспекторов, проверяющих Вооруженные силы. Этаким совет старейшин, если можно так выразиться. Впрочем, до сих пор не уверен, что относительно Смирнова это

явилось решением правильным. На мой взгляд, Николай Иванович, согласно своему авторитету, государственно-му уму, выслуге и опыту, должен был заменить Сергея Георгиевича Горшкова. Увы, но по каким-то причинам на место главкома начали усиленно сватать В.И. Чернавина. Выбор несколько странный. Очень многие удивились, когда советский флот возглавил Владимир Николаевич. Мне довелось встречаться с ним и ранее, и позже: могу совершенно честно сказать, Смирнов гораздо более подходил для роли преемника великого Горшкова. Не знаю, что чувствовал при этом Николай Иванович. Во всяком случае вида не показывал. Какое-то время он еще продолжал руководить второй секцией, и наши встречи продолжались...

Помню, заезжал домой к Смирнову после того, как он ушел со службы. Намечалось какое-то семейное торжество. Мы тепло поговорили, пока нас не позвали к столу. Адмирал живо интересовался процессами, происходящими на флоте. К тому моменту я получил отдел стратегических исследований в ЦПИ АН СССР, и у нас нашлось достаточно важных тем для разговора. Николай Иванович, конечно, открыто не сожалел об уходе с флота. Но было понятно, что ему пришлось пойти на такой шаг под давлением. Когда Горшкова отправили на пенсию, Смирнова отрезали от ряда ключевых направлений. Безусловно, к нему по-прежнему охотно прислушивались и относились с большим пиететом. Однако у него не оставалось реальных рычагов, чтобы повернуть вспять набиравшие ход разрушительные процессы в советской армии.

Будучи сильным человеком, Смирнов не делал трагедии из собственного положения, но горячо переживал за судьбу дела всей жизни. Всегда старался помочь молодым офицерам и ученым, если имел возможность. Делал это тактично и бескорыстно.

Надо сказать, помощь коллегам, оступившимся и попавшим под жернова системы, для него была крайне важна и в годы службы. Николай Иванович спас многих молодых ребят от преследований по политическим причинам. Несколько подобных ситуаций разворачивалось на моих глазах. Ведь тогда карьеры можно было лишиться, просто поругавшись с каким-нибудь партийным функционером. Николай Иванович не чурался ставить на карту свое положение, вытаскивая умных, талантливых людей, спасая их от пристального внимания соответствующих органов.

Приведу один пример. Блестящий офицер, вице-адмирал Александр Михайлович Устьянцев. Его обожали практически все служившие бок о бок. Он командовал стратегической подводной лодкой, потом — 41-й дивизией АПЛ, наконец, всей 11-й флотилией подлодок Северного флота. У него регулярно возникали трения с особистами и различными наблюдателями от партии по одной причине: не давал в обиду подчиненных... Позднее Устьянцев был переведен в Москву, где возглавил комиссию по приему новой техники. Но проблемы начались и тут: вице-адмирала попытались серьезно подставить и выкинуть на гражданку. Николай Иванович лично несколько раз спасал товарища от больших неприятностей. И надо сказать, спасал не зря. Судьба распорядилась так, что, когда в апреле 1989-го затонула АПЛ «Комсомолец», активность Устьянцева помогла существенно сузить масштабы трагедии. Именно Александр Михайлович, узнав о том, что лежащая на дне лодка «течет» (хотя наверх уже поспешили доложить, будто корпус реактора рассчитан на 70 лет), дозвонился до Смирнова. Угроза была нешуточная: запахло крупнейшей экологической катастрофой и международным скандалом. Николай Иванович мигом разобрался в ситуации... с его

помощью удалось дойти до Чернавина. Благодаря умным и решительным действиям Смирнова и Устьянцева проблему АПЛ «Комсомолец» удалось решить.

Последняя моя встреча с Николаем Ивановичем произошла буквально на ходу. Он уже чувствовал себя неважно, ни с кем почти не встречался, мы увиделись практически случайно. С семьей Смирновых мы по сей день поддерживаем дружеские отношения. Считаю, мне в жизни очень повезло, что познакомился с такими выдающимися людьми, как Николай Иванович Смирнов, Сергей Георгиевич Горшков, Михаил Дмитриевич Малей, в начале 1990-х советник президента РФ по вопросам конверсии. Вместе нам удалось сделать что-то полезное для флота, для обеспечения обороноспособности державы.

**«С головой бросался в любое дело,
если понимал, что оно принесет
пользу флоту»**

Татьяна Афанасьевна Зинченко,

доктор медицинских наук, разработчик уникальной методики определения критериев общего состояния здоровья человека. Познакомилась с Н.И. Смирновым в 1982 году в Москве.

— После окончания мединститута в начале 1980-х меня направили в Каменка-Бугский район Львовской области. Трудилась врачом скорой помощи. Вместе с тем не переставала изучать народную медицину — мой дедушка был известным в послевоенные годы знахарем. Неудивительно, что и я с детства мечтала стать целителем. Хотела дополнить семейные знания о силе лекарственных растений хорошим образованием. Перенести открытия, сделанные нашей семьей, в плоскость практической медицины.

И в итоге мне удалось первой в СССР получить специализацию по фитотерапии. Разрешение дал лично заместитель министра здравоохранения Николай Ермолов. Меня прикомандировали к Институту лекарственных растений в Москве (тогда он назывался ВИЛАР). Здесь я поступила в заочную аспирантуру.

До настоящего времени не в курсе, как обо мне узнал Николай Иванович. Командование ВМФ приняло решение организовать научно-исследовательское учреждение в рамках первого института Министерства обороны, где

изучались бы возможности использования биологически активных веществ и лекарственных растений в интересах военных моряков. Искали специалиста, не просто знахаря, а с медицинским образованием, у которого были бы научные работы и опыт успешного применения флоры в практической медицине.

Зимой 1982-го мы встретились с Николаем Ивановичем. Честно говоря, тогда не отдавала себе отчета в том, насколько высок его статус. Это сейчас понимаю, что первому заместителю главкома ВМФ нужно обладать фантастическими целеустремленностью и энтузиазмом, чтобы лично заниматься тем вопросом.

Он произвел на меня двойственное впечатление: очень строгие глаза и даже суровый взгляд, но лицо с выражением бесконечной доброты и чего-то мальчишеского. Меня удивил этот парадокс: он же военный, адмирал флота и вдруг такое необычное лицо — если оно отражает характер, значит, ему должно быть очень трудно отдавать команды. И только позднее я поняла свое заблуждение.

Мои наработки подошли для тех целей, которые планировал реализовать Николай Иванович на флоте. Я вернулась в Львовскую область, но периодически приезжала в Москве по своим аспирантским делам и в качестве консультанта Кремлевки. Мне довелось консультировать зампреда Совмина Михаила Авксентьевича Лесечко. Между делом он рассказывал мне о роли технического прогресса в нашей стране, особенно что касается повышения обороноспособности. И горячо превозносил заслуги на этом поприще Николая Смирнова, с которым, как выяснилось, они были добрыми друзьями и единомышленниками.

Время шло, и, наконец, были получены необходимые разрешения для организации лаборатории биологически активных веществ первого института Минобороны.

Он находится в Питере, а лаборатория стала филиалом и расположилась в столице на базе 32-го военно-морского госпиталя. 1 февраля 1984 года я переехала в Москву. Лаборатория данного профиля являлась единственной в СССР. Разумеется, пришлось столкнуться с множеством трудностей. Условно таковые можно разделить на несколько групп. Во-первых, связанные с положением человека гражданского (вдобавок женщины) на руководящей должности в военной организации. Во-вторых, отсутствие каких-либо научно-методических пособий по профилю. В-третьих, недостаточное снабжение приборами и расходными материалами для исследований. Наконец, прилично осложнял работу режим секретности. По тем временам мы не могли вступать в контакты с иностранцами даже на медицинских выставках, вести переговоры на предмет приобретения реактивов и растительного сырья. Выручала личная заинтересованность Николая Ивановича в жизнеспособности лаборатории, понима-

Н.И. Смирнов и М.А. Лесечко, конец 1970-х годов

ние необходимости природных лечебных веществ для профилактики и лечения заболеваний среди личного состава ВМФ. Плюс его вера в мои способности как ученого и руководителя. Не встань тогда на ноги лаборатория, не появилось бы уникальных исследований и результатов, не устаревших и поныне.

Естественно, такое отношение высшего командования к нашей работе не только меня заставляло максимально использовать свои физические и умственные ресурсы, но и весь коллектив. Сотрудникам лаборатории приходилось бывать на разных флотах: Северном, Тихоокеанском, Черноморском, и всюду матросы и офицеры характеризовали Смирнова в превосходной степени.

Вскоре я защитила кандидатскую диссертацию, постепенно наши отношения с Николаем Ивановичем стали не только деловыми, но и дружескими. Бывая в гостях у Смирновых, обратила внимание на то, с какой нежностью и любовью он относился к супруге Римме Михайловне и к детям. Этот дом стал для меня образцом гостеприимства, семейного согласия и домашнего уюта. Глава семьи в близком кругу совершенно преображался: черты его характера, представляющие строгость и властность, мирно дремали, а доброта, чуткость и терпение временно отвоевывали позиции.

Когда в 1985-м я защитила диссертацию, лабораторию расширили. Соответственно усложнились задачи коллектива. Это стало реальным благодаря той страсти и преданности делу, которые двигали Николаем Ивановичем, — повысить работоспособность и сохранить здоровье моряков-подводников. Он скрупулезно вникал во всякую мелочь, задавал множество вопросов, штудировал новые научные работы, прикидывал, как можно применить свежие изыскания в морских условиях. Мне Николай Иванович еще в самом начале совместной деятельности обещал: «Смотри,

с тебя не в два-три раза, а в пять буду больше спрашивать, чем с любого офицера». Недоумевала: «Почему же так несправедливо?» — «Офицеры — это мои коллеги, они мне все равно что дети. Поэтому, смотри».

Так, через тернии, проходила процесс становления совершенно уникальная лаборатория. Работа наша между тем была сопряжена с невероятными трудностями. В те времена за границей в крупных западных исследовательских центрах бурно развивалась клиническая иммунология. В Союзе она делала лишь первые шаги. Это было связано с комплексом причин — производных от общей замкнутости отечественной медицинской системы и, как следствие, ее отсталости по части расходников, методик, оборудования.

И все же вместе с весенним солнышком появились первые интереснейшие результаты, позволяющие определить критерии выбора при использовании лекарственных растений. Были найдены чувствительные показатели состояния здоровья, которые возможно использовать на ранних этапах изменений в организме. Не скрою — эти плоды работы нашей группы во многом стали личной заслугой Николая Ивановича. Именно он, принимая решение о создании лаборатории, помимо ценных кадровых советов, помог пригласить талантливых ученых из других городов. И уже через несколько месяцев у нас сложился коллектив людей, фанатично преданных работе. Зачастую в командировках спали по три-четыре часа. Обычно мы располагались на базе какого-нибудь госпиталя: с кораблей привозили по 30–50 проб крови. Иммунные исследования должны выполняться непрерывно до окончания, а так как условия бывали чаще неподходящие, цикл мы заканчивали на рассвете голодные и смертельно усталые.

Деньги, кстати, на такие выездные мероприятия наши не сразу. На флоте лишних средств не водилось. Ни-

колай Иванович подумал и посоветовал: «Надо написать рапорт в Госкомитет по науке и технике. Укажи «целевым назначением» сумму в два раза большую, чем надо, — ее все равно уполовинят». И действительно, госкомитет отнесся с уважением к просьбе, поступившей из ВМФ. Нам выделили астрономическую сумму — 20 тыс. рублей в месяц. Начались командировки, исследования становились масштабнее и плодотворнее.

Новизна исследований требовала, чтобы учитывалось влияние климатических факторов и профессиональных особенностей на исследуемые показатели. Приходилось бывать на разных флотах, командировки сжирали бешеные средства. Естественно, ряд коллег Смирнова не видели необходимости в существовании лаборатории. На адмирала строчили кляузы. В какой-то момент их стало слишком много, и меня вызвали на совет для отчета. Присутствовал Николай Иванович, начальник медслужбы ВМФ, высокие военные и партийные чиновники. Хорошо помню вопрос Смирнова, прозвучавший в полной тишине: «Все-таки что же управляет нашим здоровьем, кто служит главкомом в организме и какую роль при этом играет иммунная система?» Я дала подробный ответ, и Николай Иванович подытожил: данные исследования надлежит продолжать. Было и приятно, и удивительно, что военный человек, далекий от медицины и биологии, с таким глубоким интересом вникал в особенности человеческой физиологии.

Впрочем, Смирнов пошел гораздо дальше, чем можно было предположить, создав и лабораторию экстрасенсов. Они пытались делать прогнозы по фотографиям, оценивать потенциал личного состава по каким-то своим критериям. Я к этому отношения почти не имела, подключалась, только если испытания касались точности определения диагноза. Обследовав больных, я отправляла их

на суд экстрасенсов — для подтверждения заболевания. Результаты у «экспертов» оказались не самые хорошие, поэтому лаборатория экстрасенсов вскоре распалась. Из последней истории хорошо заметно, насколько Николай Иванович был увлекающимся человеком.

Позднее он начал привлекать специалистов по пульсовой диагностике. Часто советовался со мной о том, как рациональнее выстроить исследования, чтобы они носили прикладной характер именно в интересах морской медицины. Мы с коллегами пришли к выводу, что для подобной работы необходим полиграф. Этот аппарат тогда стоил недешево и выпускался на львовском заводе РЕМА. А продавался предприятиям в СССР вообще по записи. Благодаря моим связям и в особенности энергии и статусу первого зама главкома ВМФ проблему удалось решить быстро. Полиграф был получен, и еще одна лаборатория приступила к интереснейшим исследованиям: сегодня на их основе отечественная промышленность производит «Ангиоскан» — прибор, применяемый для диагностики сердечно-сосудистых заболеваний.

Снова и снова хочу подчеркнуть, Смирнов с головой бросался в любое дело, если понимал, что оно принесет пользу советскому флоту...

Когда я приступала к работе, он меня предостерегал: «Наши господа офицеры привыкли считать, что баба на флоте — бедствие кораблю. Дам свои рабочие телефоны. Если что, разрешаю позвонить». И вот однажды такая потребность действительно возникла. Я готовилась к испытаниям на Северном флоте в Заполярье. Речь шла об исследовании по 48 показателям — весь иммунный статус. Обследовать предстояло экипаж, прибывающий на базу отдыха с подлодки после автономного плавания. Но ребята все как один оказались... чесоточными. Я обратилась к начальнику базы: надо же их пролечить! «Вот пусть

корабельный врач этим потом и занимается», — ответил он. Корабельный врач, в свою очередь, покрутил у виска: «Шутите? У нас намазать ничем нельзя. Подводная лодка — это герметичность, а тут испарения. Пролечить на земле нужно».

Логичным выходом показалось обращение к начальнику медицинской службы СФ. Эту должность занимал генерал Владимир Васильевич Жеглов. Но случилось то, о чем предупреждал Николай Иванович: начмед флота наорал на меня и выставил вон. Из его приемной я тут же набрала в Москву. «Немедленно дай трубку Жеглову», — отреагировал мой спаситель, когда я описала ситуацию. Надо ли говорить, что Владимир Васильевич разговаривал (а точнее повторял бесконечные «Есть!» и «Так точно») по телефону стоя навытяжку. И результат — немедленно занялись лечением личного состава лодки.

Похожий инцидент произошел на Тихом океане. Увидела однажды матросика: нехорошо как-то покашливал, а заниматься им флотские медики не хотели. И опять я набрала Николаю Ивановичу. Парня мигом отправили в столичный госпиталь Бурденко. Увы, мои подозрения подтвердились: обнаружили туберкулез...

В 1986 году ухнул Чернобыль. Николай Иванович, имея на руках список специалистов, которых планировалось направить в район аварии, признался мне: «Не хочу, чтобы крупные ученые туда ехали. Не вздумай! Есть много других отважных людей, но тебе геройствовать не нужно. Вы составляете наш научный потенциал и представляете ценность для Вооруженных сил». Но я не вняла его просьбам: считала, что приобрету полезный опыт для исследований на атомном флоте. Вступила в первую группу ликвидаторов. Потом была долгая болезнь и лечение...

В какой-то момент наши пути с адмиралом Смирновым разошлись. В 1989 году я ушла из военной системы.

Мы встречались еще несколько раз. Я сама еще до конца не оправилась от последствий Чернобыля, когда узнала, что Николай Иванович болен.

Помню нашу последнюю встречу. Он лежал в больнице в Сокольниках. Узнала о его диагнозе и сильно расстроилась, что ничем не могу помочь. Адмирал, кстати, не терял оптимизма. И даже на больничной койке думал о работе. «Не могла бы ты выполнить еще одно исследование? Когда терпит крушение корабль или военно-морской самолет, при температуре воды ниже 10 градусов человека нельзя спасти, если не вытащить в течение получаса. Можно ли как-нибудь раздвинуть временной промежуток, совместимый с жизнью?». Такова была последняя просьба Николая Ивановича ко мне. Я ее выполнила. В очень холодной воде за 30 минут организм пытается согреться и расходует свой энергоресурс с бешеной интенсивностью. Восполнить его можно с помощью обычного питания. Однако, чтобы съесть и усвоить еду, тоже нужна энергия, а ее уже нет. Спасительный выход — вводить непосредственно в кровь энергетические субстраты.

Адмирал Смирнов был человеком большого полета. Никогда, даже в свой роковой час он не замыкался на себе самом. Именно широта взглядов, страсть к экспериментам и преданность Отечеству помогали ему раз за разом создавать условия, при которых я и мои коллеги-ученые могли добиваться результатов, не утративших актуальности по сей день. Николай Иванович был удивительнейшим из наших современников. Я таких больше в своей жизни не встречала.

«Благодаря ему остался жив»

Александр Матвеевич Калачев

служил под началом Н.И. Смирнова на Черноморском флоте с 1955 по 1964 год, водителем и начальником автослужбы подводников – в Балаклаве, а после 1964-го – на Тихоокеанском флоте.

— Николай Иванович запомнился мне человеком строгим во всем, что касается исполнения служебных обязанностей. Но при этом очень умным, образованным и жадным до научных веяний.

Внутри лодки подводник полностью зависит от того, какими средствами обнаружения обладает в данную минуту противник. Неудивительно, что, поднявшись на командные штабные высоты, Смирнов не переставал активно интересоваться вопросами акустики. Из Крыма списывался с академиками в Москве, обменивался наблюдениями — все пытался найти способ сделать наши субмарины бесшумными. Как ни странно, думал прежде всего не о спасении боевых железных единиц, а скорее о товарищах-подводниках, о том, как сделать нашу службу безопаснее.

Впервые я увидел собственными глазами это смирновское желание помогать в 1955-м. Когда затонул линкор «Новороссийск», я сразу отвез Николая Ивановича на место взрыва. Он вернулся через три дня. Круглыми сутками, без сна и отдыха, занимался спасением людей, размещением выживших по госпиталям...

Будучи командующим подводными силами Черноморского флота, Смирнов не раз удостоивался похвалы

командующего военным округом Г.К. Жукова. Тот высоко ценил наш порядок, дисциплину, но также отмечал крепкую теоретическую подкованность Николая Ивановича. Причем это даже сыграло с моим начальником злую шутку. Узнав, что у Смирнова нет зама по политчасти и ему самому приходится писать доклады, маршал Победы с полуулыбкой отрезал: «Ничего, ты молодой, справишься один».

Когда Смирнова повысили до начальника штаба ЧФ, присвоили звание вице-адмирала, он не изменил себе — продолжал лично вникать в детали, не перекладывал лишнего на замов. Знал комплектацию личного состава всей дивизии, помнил, кого на конкретной подлодке не хватает в данный момент.

Командиры лодок рассказывали, насколько тяжело служить под началом Николая Ивановича. Его предшественник глядел поверху, приедет—уедет. Смирнов же спуску не давал, на самотек не пускал даже, казалось бы, самые завалящие проблемки. Помнится, во время плановых учений я отвез шефа к береговой базе, где разместили торпеды, топливо, продовольствие. Смирнов затерзал ее командира вопросами: кто, когда, сколько, как. А тот не в курсе, совсем нулевой. Николай Иванович никогда не кричал, разговаривал ровным тоном. Если за что-то тебя чихвостит, никогда не оскорбит, голоса не повысит, но придавал тому ледяное звучание. Под конец так и сказал, словно выстрелил: «Мне нужен командир базы. Он есть здесь?». Тот, скажу честно, даже сознание потерял. Впрочем, это не удивительно. Повторюсь, беседовать со Смирновым, когда ты виноват и знаешь за собой грешки, было не в радость. Хотя он не взрывался, не кричал и не оскорблял...

В 1964-м Николай Иванович позвонил мне: «Тебе надо перейти служить на Камчатку». Пришла петиция, я пере-

брался на Дальний Восток. Как ни странно, причина самая обыкновенная. Когда еще был водителем, мы, можно сказать, сдружились. Несмотря на громадную разницу в положении. А в некоторых районах ТОФ выслуга шла один год за два. Не так как на теплом море. Николай Иванович просто подумал обо мне, захотел мне помочь таким нехитрым, но честным способом.

Главный его стержень — разбираться в людях, ценить крепкие кадры, которые на правильном пути. Своих не бросал, особенно ценил подводников. И те платили взаимностью. А это же не простой комсостав как ныне — это все командиры, которые войну прошли. Командиры бригад на ЧФ в 1950-х все были в адмиральских званиях: у каждого грудь в орденах и медалях, через одного Герои Советского Союза.

Никогда Смирнов не использовал служебное положение в личных целях ради себя самого. Был и по части дисциплины к себе очень строгим: я знал многих адмиралов, но он выделялся на целую голову.

Не признавал алкоголя. Если и выпивал порой рюмку-другую у начальства или на приеме, всегда на ногах стоял твердо. Будто на капитанском мостике. Чтобы пить, надо же не работать. А он пахал, иначе не скажешь. Во Владивостоке раньше двух часов ночи не возвращался. Когда в Крыму служил командиром дивизии, то ездил домой в среду, в субботу вечером и в воскресенье. Почти без остатка отдавался службе. Летом и осенью, если выпадал денек отдыха, предпочитал сходить по грибы... Однажды специально ездили в Богатое Ущелье близ Бахчисарая за белыми. Набрали видимо-невидимо. Вернулись в Севастополь домой к Николаю Ивановичу. Жену мою по пути захватили помогать его супруге Римме Михайловне готовить всяческие грибные блюда. До глубокой ночи варили, жарили, солили...

На ТОФ я довольно скоро смог дослужиться до пенсии. Вышел в отставку мичманом в 1972-м и вернулся в Севастополь. Николай Иванович прослужил на Дальнем Востоке еще два года и потом переехал в Москву первым заместителем главкома ВМФ.

В Крыму я проработал 28 лет начальником автохозяйства в севастопольском УВД, связь со Смирновым не терял. И надо же такому случиться — наши судьбы вновь пересеклись, и благодаря этому я остался жив. Работа у меня в милиции была с частыми командировками. Раз пять в году бывал в столице. Как-то в 1980-м ехал из Горького с водителем — возвращались с Горьковского автозавода, где заказывали «Волги» для нашего УВД. На подъезде к Москве попали в аварию: столкнулись с грузовиком. Я отлетел на 12 метров, едва не погиб. Доставили в больницу города Покров. Там пролежал в коме целый месяц — все это время в палате дежурили лучшие врачи, присланные Смирновым. Мной занимались главный хирург и главный невропатолог Военно-морского флота. Сводки о состоянии моего здоровья ежедневно ложились на стол Николая Ивановича... Когда стало можно меня транспортировать, перевезли в госпиталь. Там еще очень долго провалялся, ведь ни одного ребра не осталось целого. Грудина разбитая, двусторонний пневмоторакс легких. Генерал Портной, главный хирург ВМФ, прямо говорил: «Всю войну прошел: с односторонним пневмотораксом люди не выживали, а ты — настоящее чудо. Препараты тебе такие даем, что и за золото не возьмешь».

Много лет спустя, когда Смирнов ушел в отставку, созвонились: «Саша, мы с тобой сровнялись: ты пенсионер и я пенсионер». Когда же он заболел и онкология начала стремительно прогрессировать, мне передали его просьбу: прилететь, чтобы попрощаться. Я приехал... Потом

уже на поминках запомнились ребята из какого-то НИИ: рассказывали, Николай Иванович им такие ребусы загадывал, что они всем институтом решить не могли. И даже академики лбы морщили.

Что и говорить, Николай Иванович Смирнов был из тех людей, которых и захочешь — не забудешь. Настолько неизгладимый след оставил в моей душе.

«Был уникальным командующим, никого не боялся и мыслил широко»

Михаил Петрович Храмцов,

*капитан I ранга в отставке. В 1970–1974 годах командир
173-й бригады противолодочных кораблей на Камчатке.*

— Смирнов прибыл на Тихоокеанский флот в звании вице-адмирала. Сменил Николая Амелько, рулившего семь лет. С прибытием Николая Ивановича дисциплина стала строже. У него имелся особенный стиль работы. Вышла директива, и тут же на корабли посылаются офицеры штаба отследить, как исполняется нововведение. Вторым пунктом проверялось, составлен ли план по исправлению замечаний. И третьим — начаты ли работы.

Накануне всеармейского совещания Смирнов лично просматривал отличников флота, отобранных для отправки в Москву. Вызвали всех делегатов, он проверил обмундирование каждого, делал замечания. Причем некоторым пришлось срочно шить новую форму. В основном, конечно, тем, кто прибыл из отдаленных частей.

Большое внимание Николай Иванович уделял развитию института мичманов. Помню, собрал командиров кораблей и бригад в матросском клубе и обратился к ним с вопросом: «Как агитируете матросов на продолжение службы?» Все молчали. Тогда он начал сам объяснять. Надо так: «У тебя такое-то денежное довольствие плюс продовольственный паек. Следующие преимущества: форма одежды красивая. И погоны со звездочками. До-

бавьте ранний уход на пенсию и бесплатный проезд к месту проведения отпуска». Своевременную комплектацию младшим командным составом флотских подразделений Николай Иванович считал важнейшим условием в деле повышения организации флота в целом. А с этим вопросом всегда было довольно туго.

Как-то, когда Смирнов прилетал на Камчатку, я докладывал ему об укомплектованности мичманами в своей бригаде — у меня таковая составляла 87%. При норме в среднем по ТОФ 30%. Николай Иванович тогда очень удивился. Расспрашивал, как удалось добиться. Объяснил, что ничего особенного, все согласно указаниям и советам самого комфлота. Уговаривал, воспитывал, объяснял преимущества. Так и сказал Смирнову: «Благодаря заботам партии и советского правительства для территорий, приравненных к Крайнему Северу, имеются льготы». На Камчатке год идет за два, платится двойной оклад и можно забронировать квартиру в любом районе СССР. Николай Иванович и бывший с ним главный политработник ТОФ очень меня хвалили.

Вообще я не единожды докладывал Смирнову по самым разным вопросам. У меня была ведущая бригада на Камчатке — 12 боевых кораблей. Приходилось отдуваться. Но бывало, что встречались и по приятным поводам. Хорошо запомнилось, как однажды поздравляли комфлота с днем рождения. Он тогда прибыл с очередной инспекцией к нам на полуостров. Ребята мои подготовили в подарок деревянный иллюминатор. Адмиралы Маслов и Карлин поинтересовались, почему красный? А я и не знал, наверное, наобум покрасили, попробовал выкрутиться: «Мы же на краю земли, тут солнце всходит, и все вокруг красным цветом заливается!». Адмиралам объяснение понравилось. Сказал, что по их команде вручу иллюминатор имениннику. Так и произошло. Я назвал Николая Ивановича «ровесник Октября», и ему это сравнение сильно понравилось.

Про Смирнова рассказывали много историй, характеризующих его как руководителя умного и не лишённого тонкого чувства юмора. Вот, к примеру, идет военный совет в штабе ТОФ. Присутствует комфлота и еще человек десять. Заслушивают по очереди доклады друг друга. Вдруг Смирнов поднимается, подходит к схеме и обращается в зал: «Товарищи офицеры, кто прочтет, что здесь написано?» А там выдержка из наставления службы штабов. Если кто-то не подготовился к данному совету, то не разберется. Поскольку все обозначения сокращены до нескольких букв, так просто не прочтешь. Офицеры затаились, пригнули головы, руку тянет только командир 47-й бригады Анатолий Прокопчик. Вышел и детально изложил. Смирнов запомнил прилежного и смелого офицера, и впоследствии Прокопчик был назначен начальником штаба Приморской флотилии.

Смирнов терпеть не мог пьющих офицеров и вел с ними борьбу, правда, не всегда удачную. Так, командирам, которые жаловались на выпивох, он отвечал: «Кого вам дали, с теми и работайте или сами принимайте меры. Вот, например, как я». Смирнов же пьянствующих снимал с должностей на берегу и откомандировывал во флотские экипажи. Но особенно громкой оказалась его кампания, когда он пересчитал пьяниц и вывел их за штат. Через два месяца они переставали получать зарплату — оставалось только воинское звание. К сожалению, тогда вмешалась военная прокуратура. Решение Смирнова опротестовали и всех выпивох вернули обратно, заплатив деньги за вынужденный простой.

Николай Иванович был, разумеется, уникальным командующим. Никого не боялся и мыслил широко. Чего стоит хотя бы его инициатива соорудить центр для дрессировки боевых дельфинов (подобный уже существовал на Черноморском флоте). Но эту идею для воплощения на Тихом океане московское начальство почему-то не поддержало.

«Обращался к низшим чинам с какой-то подкупающей теплотой...»

Виктор Васильевич Образцов,

контр-адмирал, инспектор Восточного военного округа. Начинал морскую службу на Камчатке командиром машинно-котельной группы в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда командующим Тихоокеанским флотом был Н.И. Смирнов.

— Окончив Военно-морское инженерное училище с отличием, я получил право выбрать первое место службы. Я остановился на Камчатке, самом дальнем советском рубеже. Во-первых, во мне разыграла романтика. Во-вторых, преподаватели советовали начинать с самого трудного региона. Чтобы затем уже постепенно расти в профессионализме и перемещаться ближе к центру. Так оно и получилось: к 45 годам дослужился до контр-адмирала.

Помнится, ехал на Дальний Восток с горящими глазами. И действительность оправдала ожидания. Корабль стал семьей, экипаж — ближайшими родственниками. Мы все стояли друг за друга, болели душой...

Впервые увидел Смирнова на совещании молодых офицеров. Я тогда служил командиром машинно-котельной группы, имея в подчинении 42 человека. Командующий Тихоокеанским флотом прибыл к нам на Камчатку, собрал нас, всю офицерскую молодежь, и стал расспрашивать, как проходит наше становление. Что такое для молодого лейтенанта, едва поступившего на флот, встретиться нос к носу с командующим? Это был

и страх, и одновременно большая удача. Накануне мы даже не думали о том, что комфлота может так просто, по-отечески, запросто с нами общаться. Когда подошла моя очередь, я встал и сказал, что у меня 42 человека личного состава, я сдал на допуск, завтра самостоятельно выхожу в море. Требовал, рассказывать честно, от проблем не прятаться. Мы сперва робели, но постепенно, видя его отеческий подход и заинтересованность, осмелели и забросали вопросами. Делились своими успехами, говорили, что нам достались очень подготовленные матросы и старшины, что боевое братство на флоте — не пустой звук. Нам ведь требовалась кое-какая помощь и со стороны личного состава. Хотя мы были хорошо подготовлены теоретически, на практике еще не постигли, как запускать механизмы, как их обслуживать, как, наконец, управлять вверенным коллективом. Смирнов настаивал нас в решении задач двигаться от простого к сложному, в воспитании рядовых краснофлотцев придерживаться правила «делай как я».

Главное, что общение с командующим происходило за одним столом. Он был богатырского роста, чуть полно-

Беседа с матросами

ват. К нижним чинам обращался с какой-то подкупающей теплотой...

Позднее после возвращения из плавания меня отправили в Москву на совещание молодых офицеров, чтобы поделиться опытом, приобретенным под началом адмирала Смирнова. Рассказать, как следует управляться с техникой в обстановке, приближенной к боевой. Продемонстрировать те практические навыки, которые выгодно отличали молодого офицера, отслужившего какое-то время в Камчатской флотилии, от выпускников Военно-инженерного училища.

С Николаем Ивановичем мы встречались не раз. Он приезжал к нам на Камчатку из Владивостока на военные советы. Меня направляли в столицу Приморья на комсомольские и партийные региональные конференции, где он сидел в президиуме. Что отличало Смирнова — он мгновенно при желании спускался на твой уровень, если этого хотел. Это подкупало, я был в замешательстве несколько минут — кто передо мной, командующий ТОФ или же коллега и товарищ. Происходило это в рамках конференций в перерывах или в коридорах. Он всегда узнавал меня — была отличная память на лица. Подзывал сам, спрашивал: «Как настроение на Камчатке, какие нагрузки, как обеспечение?». Выслушивал всегда внимательно, хотя я старался доложить накоротке и максимально быстро. Особенно он интересовался, есть ли у краснофлотцев какие-то материальные проблемы, сложности с довольствием и обеспечением, как живут семьи офицеров.

«Командовал флотом в режиме холодной войны»

Константин Семенович Сиденко,

адмирал, командующий войсками Восточного военного округа (2010–2013), командующий Тихоокеанским флотом (2007–2010), командующий Балтийским флотом (2006–2007).

Начинал службу на Камчатке в середине 1970-х годов.

— Когда Николай Иванович руководил Тихоокеанским флотом, я еще был курсантом Высшего военно-морского училища имени Макарова во Владивостоке. Выпустился в 1975-м и сразу отправился служить на АПЛ. Все годы учебы для нас, мальчишек, величина «командующий флотом» являлась недостижимой. Для моей молодости Смирнов — очень значимая и знаковая фигура. Что крайне важно — ТОФ в то время активно наращивал свои силы, модернизировался.

Безусловно, весь советский флот тогда находился на подъеме, принимались ключевые нововведения, он становился ракетно-ядерным, начались долгие походы по всем океанам. Но именно на Дальнем Востоке нужна была такая масштабная личность, как Смирнов. Он хорошо понимал всю огромность акватории, территории ответственности Тихоокеанского флота. От Чукотки — в Индийский и Тихий океаны, все прилегающие моря, охват громадный. И все это в режиме холодной войны. То есть понятно, что командующему этим флотом требовалось мыслить стратегически, быть реальным политиком. Переоценить масштаб данной должности трудно и сегодня.

*На борту крейсера «Дмитрий Пожарский». Сбор-
поход под флагом командующего краснознаменным
Тихоокеанским флотом, 1971 год*

Командующий флотом — это работа по целому спектру наисложнейших проблем. Наряду с военными, военно-политическими задачами комфлота решает и огромное количество социальных. Ведь за его спиной — сотни тысяч подчиненных, у многих есть еще и семьи. Поэтому командующий должен быть личностью многогранной, способной вникать во все аспекты, мгновенно ориентироваться в любой обстановке, знать нужды и потребности личного состава. В конце концов он отвечает за все, что происходит на флоте, как перед Москвой, так и перед

всеми подчиненными, потому что морская служба, хоть и несет в себе элементы романтики, трудна и опасна, особенно у подводников.

В 1970-е годы атомный подводный флот пополнялся новыми подлодками, новыми надводными кораблями. Их нужно было испытывать и вводить в боевой состав. Конечно, за всей подобной успешной деятельностью высятся титаническая фигура командующего Тихоокеанским флотом — Николая Ивановича Смирнова.

«Всем процессом создания музея С-56 руководил непосредственно»

Борис Алексеевич Никитин,

подполковник, военно-морской летчик, фронтовик. После победы служил на различных должностях в ВМФ, в 1970–1977 годах работал старшим научным сотрудником Военно-исторического музея Тихоокеанского флота.

— Когда Смирнов приступил к командованию Тихоокеанским флотом, С-56 уже стояла на базе в Фокино в качестве учебно-тренировочного судна. Николай Иванович предложил переоборудовать легендарную подлодку в музейный мемориал. Напомню, в 1942 году шесть подводных кораблей совершили невиданный в истории переход из Владивостока на Северный флот, где приняли участие в морских сражениях. Среди них была и С-56, потопившая и повредившая 14 немецких судов. Удивительная субмарина выдержала восемь боевых походов, фашистские охотники сбросили на нее свыше 3 тыс. глубинных бомб. 19 раз за время войны она объявлялась погибшей. Но всегда возвращалась!..

Ее командиру — Григорию Ивановичу Щедрину присвоили звание Героя Советского Союза. Сама же подлодка получила редкую даже в истории Великой Отечественной награду — стала и краснознаменной, и гвардейской. Таковых воинских частей и кораблей — единицы.

В 1950-е годы С-56 возвратилась домой через Северный Ледовитый океан и продолжала нести службу на Тихоокеанском флоте. В 1960-е превратилась в учебно-тренировочное судно — замерла у причала. Казалось, рано или поздно великий корабль обречен отправиться на металлолом.

Инициатива Николая Ивановича дала героической субмарине вторую жизнь. Удалось создать памятник не только самой С-56, но и всем морякам-подводникам Тихоокеанского флота, отдать дань уважения их подвигам во Второй мировой. Чтобы воплотить этот план, требовалось восстановить гвардейскую подводную лодку в том виде, в котором она топила врагов, чтобы получился одновременно и боевой корабль, и музей, и монумент славы.

Если бы не упорство Смирнова, если бы не лидерские свойства его характера, вряд ли что-нибудь у нас тогда получилось. Предстояло разрезать старую подлодку на три части, перевезти к месту ремонта, там вновь придать ей боевой вид, доставить к пьедесталу и установить. Работа огромная, сложная, денежная. Авторитет Николая Ивановича сыграл здесь ключевую роль. Всем этим процессом он руководил непосредственно.

Я в то время трудился старшим научным сотрудником Военно-исторического музея Тихоокеанского флота. Когда нам поручили подготовить экспозицию для С-56, я с головой ушел в материалы. Мне, морскому авиатору, пришлось изучить массу источников, посвященных подводному флоту, организовать переписку с членами экипажа Щедрина. Тематико-экспозиционный план был готов вовремя. Приезжали и остались довольными товарищи из Центрального военно-морского музея, расположенного в Ленинграде.

Раз в две недели комфлота собирал планерку, посвященную восстановлению С-56. Я присутствовал на нескольких таких мероприятиях. Обычно приходили все задействованные в этой работе. Докладывались, обсуждали сложности, получали задание. Николай Иванович, надо отметить, никому не позволял отклониться от графика. А ведь выдержать сроки было очень непросто. Чтобы укомплектовать старейшую подводную лодку, нужны запчасти. На ТОФ все подобные субмарины уже списаны, проржавели, ликвидированы. За деталями для нашей С-56 специально летали и на Север, и на Черное море, где сохранились лодки данного типа. Инженеры составили четкий график. Нашли конструктора Алексея Помазана, который еще в 1930-х собирал эту подводную лодку, привезенную во Владивосток, и здесь же спускал ее на воду. И вот спустя сорок пять лет он восстановил свое детище. Наконец, проложили железные пути, пришвартовался док... На монтаж экспозиции отводилось три недели. Работали с утра до вечера. Открыли мемориал — живое свидетельство морской обороны страны — 9 Мая 1975 года, как раз к 30-летию Великой Победы.

Около двух лет в целом заняло создание музея — от идеи до торжественной церемонии. И, безусловно, мы успели к намеченной дате лишь потому, что мало болтали и отдавались поставленной задаче без остатка, как и было заведено у Смирнова. Он отличался редкой разумной начальственной строгостью. За лень, беспечность и срыв сроков умел спросить жестко, но за работоспособность и положительную инициативу всегда поощрял. Именно непререкаемый авторитет и организаторские способности Николая Ивановича явились залогом появления столь впечатляющего памятника всем нашим героям-подводникам.

В 1979 году через подлодку С-56 прошел миллионный посетитель¹. Посещаемость зашкаливала. На тот момент это был единственный в стране подводный корабль, ставший музеем. Ничего удивительного, что его появление стало значимым этапом в музейном деле, и на сегодняшний день уже на каждом российском флоте созданы подобные музеи.

¹ Мемориальная гвардейская краснознаменная подводная лодка С-56 является сегодня одним из главных символов Владивостока и в туристических путеводителях непременно рекомендуется к посещению.

«Даже в смутное время, в лихие 1990-е, в нем сохранялось лучезарное добро»

Евгений Викторович Симаков,

контр-адмирал, в прошлом начальник гидрографической службы Тихоокеанского флота. Сын Валентины Симаковой, с семьей которой молодой подводник Н.И. Смирнов подружился в 1939 году в первые дни службы на Тихом океане, а Римма, Валина подруга и одноклассница, впоследствии стала женой будущего адмирала флота.

— Николай Смирнов, молодой офицер, прибыл во Владивосток из Ленинграда на должность помощника командира подводной лодки. Моя мама работала здесь учительницей, у нее было много друзей и подруг. Собирались вместе, пили чай, разговаривали. Нередко заходили недавно переведенные молодые офицеры, которые спешили освоиться в новом для себя городе. Здесь Николай Иванович и познакомился с Риммой, жившей в соседнем доме. Стал за ней ухаживать. Родители девушки тепло приняли подводника, и, когда в 1944-м Николая Ивановича переводили в Крым, она уехала вместе с ним. Только это уже была молодая чета Смирновых. Долгое время мама переписывалась Риммой Михайловной, поздравляли друг друга с праздниками. Постепенно общение сошло на нет.

Прошли годы. В 1969-м мы проживали на Ленинской улице. Однажды жарким летним днем около нашего дома остановилась черная «Волга», из нее вышла кра-

сивая женщина и... поднялась к нам в квартиру. Вижу как сейчас: мама открыла дверь и ахнула. Они обнимались и плакали — оказалось Николай Иванович вернулся во Владивосток в ранге командующего Тихоокеанским флотом.

Мама тогда уже не работала, и они часто встречались с Риммой Михайловной. Они напоминали мне двух сестер — настолько им было вместе комфортно. А Николая Ивановича я увидел гораздо позже. В силу занятости он не мог часто выбираться на всякие необязательные посиделки. Помню нашу первую встречу. Он приехал очень сдержанный, но дружелюбный. Увидев маму, сильно обрадовался. Меня удивило, что адмирал пронес эту юношескую дружбу через войну и тридцать лет флотской службы. Высокие должности и погоны совершенно не огрубили его человеческих качеств.

В гостях у семьи Симаковых. Слева направо: Николай Иванович Смирнов, Евгений Симаков (стоя), его жена Людмила, его сын Костя, его мама Валентина.

Конечно же, для меня он сразу стал примером. И Николай Иванович это почувствовал. Изначально я собирался пойти в торговый флот, но Смирнов меня отговаривал: только ВМФ, только на подводку. Он, кстати, и не скрывал, что считает подводников отдельной морской кастой. Мне же казалось, выбрав этот нелегкий путь, я могу ненароком подвести адмирала. Подводный флот — не шутка. «А что если подведу!» — думалось мне. Представлялось, нет ничего страшнее, чем разочаровать адмирала и потерять его расположение. В результате я все-таки выбрал ВМФ, но в подводники пойти не рискнул.

Николай Иванович был удивительный в общении человек. Умел разговаривать душевно, но вместе с тем не теряя внутренней строгости и собранности. Возможно, поэтому к нему тянулись люди из разных областей. Теплые отношения сложились у Николая Ивановича с космонавтом Валентиной Терешковой. К нам домой Смирнов приводил актрису Людмилу Касаткину. Спустя много лет он попросил меня достать для нее акустическую систему. Жуткий по тем временам дефицит даже для Москвы. Заказ удалось провести через «Дальинторг».

Николая Ивановича уважали. Помимо сильных человеческих качеств, его отличала поразительная компетентность во всех вопросах. Если кто-то пытался с ним спорить, не имея веских аргументов, то всегда оказывался проигравшим — Николай Иванович умел деликатно и вежливо поставить спорщика на место. Никто при этом не обижался, а наоборот, выносил из такого общения максимум полезного.

Командующие В.А. Фокин, Н.Н. Амелько, Н.И. Смирнов заложили основу и мощь Тихоокеанского флота. Николай Иванович служил на этом посту в течение пяти лет. В 1971-м получил звание полного адмирала. Спустя два

года стал первым командующим Тихоокеанским флотом, которому было присвоено маршальское звание — адмирал флота, и остался единственным таким в истории. А еще через несколько месяцев перебрался в Москву на повышение в качестве первого заместителя главкома ВМФ. Многие не сомневались, что рано или поздно он сменит самого Горшкова.

Смирновы уехали в столицу, но дружба наша не закончилась. Всякий раз, когда мы бывали в Москве, обязательно приезжали к ним в гости. Однажды вместе отправились за грибами. Николай Иванович выдал мне с моей женой две огромные корзинки: «Пока полными не будут, лес не покинем!» Урожай получился шикарный. Дома перебрали грибы, и хозяин пошел сам их готовить. Делал это по собственному рецепту — белые грибы в молоке. Но когда уже готовились сесть за стол, раздался звонок. Смирнова срочно вызывали в ЦК. Ужинали без него.

Для меня Николай Иванович стал, без преувеличения, вторым отцом. Помню нашу последнюю встречу. Я находился в Москве проездом, набрал знакомый номер и услышал радостный голос: «Женя, ты приедешь?» — «Конечно!» Времени очень мало, но я не могу отказать — и лечу на Мосфильмовскую. Николай Иванович встретил на лавочке у подъезда. Уже пребывал на гражданке совсем в ином образе. Мне стало грустно видеть его без формы.

В тот день Смирнов вновь пожурил меня за то, что я отказался от подводной службы. Пришлось признаться, что всегда боялся его подвести, обещал помнить доброту и неравнодушие к себе, пока жив. Когда прощались в дверях, увидел на глазах Николая Ивановича слезы. Впрочем, я тогда и сам украдкой смахнул слезу...

Наступило смутное время, лихие 1990-е, ГКЧП, развал Союза — думаю, это сильно подкосило боевого адмирала.

У него отобрали льготы, которые он заслужил, разрушили родную страну. Но даже в этих обстоятельствах в нем сохранялось лучезарное добро.

8 июля 1992 года я гулял на свадьбе у друга. В разгар праздника мне позвонили из Москвы со скорбной вестью. Я сразу отправился в аэропорт... На похоронах на Новодевичьем кладбище соорудили трибуну, выступали адмиралы всех флотов. Память о нем у всех сохранилась поистине светлая. Прошло уже много лет после ухода Николая Ивановича, но каждый раз, когда бываю в столице, обязательно захожу на Новодевичье кладбище.

«В последние годы жизни переживал трагедию общегосударственного масштаба как личную»

Юрий Сергеевич Мухин,

*племянник Николая Ивановича по матери, полковник МВД
в отставке.*

— Николай Иванович запомнился мне человеком очень острого ума. В конце 1960-х и позже я занимался шахматами, даже выписывал специальную литературу: журналы «Шахматы в СССР» и «Шахматный бюллетень». Дядя об этом знал и охотно меня тестировал — когда находилось время предлагал сыграть и частенько меня обыгрывал. При этом шахматной литературы у него дома не водилось. Ему просто не требовалось изучать дебюты и позиции, великолепный склад ума позволял успешно играть, не напрягаясь. Впрочем, больше одной партии у нас не получалось провести за раз — Смирнов, насколько помню, всегда был предельно загружен на работе...

Общаясь с людьми — знакомыми и не очень — Смирнов мог поддерживать разговор с носителем любой специальности или образования. В этом заключалось, как сейчас бы сказали, его конкурентное преимущество: умнейший, тонкий, умеющий найти подход к каждому. Внешне он представлялся всем довольно доступным — казалось, с ним легко можно завести беседу с полуслова, и он обязательно тебя услышит.

Про детство дяди-адмирала я почти ничего не знаю. После школы он поступил в архитектурно-художественный институт. Закончить не успел — с третьего курса призвали в армию. Примечательно, что руководство вуза просило профильное министерство оставить им способного юношу. Однако им ответили, что талантливые люди нужны и в армии. Николая Ивановича зачислили в Высшее военно-морское училище в Ленинграде. Жил отдельно, иногда навещал старшего брата Мишу, работавшего в Ленобласти лесничим.

В молодости Николай Иванович служил на Тихоокеанском флоте, прошел там все должностные ступени, в том числе испытал Северный морской путь: разобрался, как можно использовать этот маршрут в случае военных действий. Лично прокладывал его от Питера до Курильских островов. Видимо, получил орден Красного Знамени за этот переход. Он не распространялся. И о том, за что на самом деле получил звание Героя Советского Союза, тоже. На мое поздравление и расспросы ответил так: «Юра, не надо это обсуждать и афишировать». Возможно, он руководил разминированием Красного моря после окончания израильско-египетского конфликта. Впрочем, не могу знать это точно.

Кроме наград и подвигов с ним можно было разговаривать на любые темы. Сам он предпочитал дела семейные, помогал разбираться со сложностями по службе. Учил не выпускать пар, терпеть. Говорил: «Последнее слово должно оставаться за тобой». Я советы эти принимал с открытым сердцем.

К сожалению, пообщаться свободно нам доводилось нечасто. Даже когда он оказался в «золотой роте», количество поездок, визитов, мероприятий отнюдь не сократилось. Удивительно, но даже 70-летний юбилей Николая Ивановича мы начали отмечать без него. На даче в Барви-

хе собрались гости, прибыли родственники, а виновника торжества нет. Прилетел из командировки и сразу за стол, однако пару часов нам пришлось подождать. Что касается подарков, дарили ему в основном живопись. Предпочитал картины маринистов. Он, между прочим, и сам прекрасно рисовал.

Кстати сказать, Николай Иванович всегда спешил отдариться в ответ: мне вот преподнес, чтобы я помнил Военно-морской флот, кофейный сервиз: на каждой чашке изображен флаг ВМФ СССР. Храню подарок как особенно ценный. Мне кажется, дарить Смирнов любил больше, чем получать. Всегда приносил, куда бы ни шел, какие-то мелкие сувенирчики для всех без исключения. Никто без внимания не оставался.

Нравилось, как он относится к своим детям — Сереже и Наташе — внимательно, но, вместе с тем не навязчиво.

Хорошо помню момент, когда Николай Иванович отправлялся руководить ТОФ. Моя мама отчего-то плакала, когда провожала брата. Первый зам главкома ВМФ Владимир Афанасьевич Касатонов ее успокаивал: «Не расстраивайтесь, Ольга Ивановна, мы его вернем скоро». Вернули ровно через пять лет на место самого Касатонова.

С тех пор он стал ключевой фигурой в отечественном флоте. В Москве почти не задерживался, все время проводил на базах, в портах, на морях и океанах. Он же осуществлял непосредственное руководство боевой подготовкой советского ВМФ. Кроме того, сопровождал инспекции Политбюро. Хотя сам держался почему-то в тени. Он никогда нигде не выступал, только несколько раз по телевидению — поздравлял моряков с Новым годом. Думаю, руководство страны видело в моем дяде потенциального преемника адмирала Горшкова. Но что-то не срослось. Может быть, Николай Иванович показался слишком независимым? Но уж больно неожиданно появился на гори-

зонте и возвысился как-то слишком вдруг Владимир Николаевич Чернавин, который в итоге и сменил Горшкова. А так — все указывало на то, что пост главы ВМФ готовили для Смирнова. Недаром он прошел все мыслимые должности — и штабные, и командирские. Положение дел на флоте знал лучше всех — от Находки до Балаклавы.

В последние годы жизни Николай Иванович дважды переживал трагедию общегосударственного масштаба как личную. Во-первых, передача Крыма Украине, во-вторых, гибель подводной лодки «Комсомолец». К обоим он прямого отношения не имел, но в любых разговорах волей-неволей приходилось иногда оправдываться. Моряки, ветераны, патриоты — все переживали. Неформальное с ним общение зачастую заканчивалось вопросами вроде: «Как же Вы допустили, что Севастополь передается? Это же святыня русской славы». Он обычно отвечал примерно следующее: «С нами не советовались, но, видимо, так тому и быть». И ставил точку. Только хмурился и уходил в себя.

А трагедию «Комсомольца» он вообще не комментировал. Но супруга, Римма Михайловна, говорила, что очень переживает...

«Папа отличался невероятной харизмой и светлой аурой»

Наталья Николаевна Аракелова,
дочь адмирала флота.

— Родившись в глубинке Костромской губернии, папа, конечно же, рос деревенским мальчишкой. Но разительно отличался от сверстников. С ранних лет имел удивительную цельность и избирательную восприимчивость: увидит хорошее — запомнит навсегда. Обладал внутренним вкусом. И вдобавок был очень любознательным: интересовало все новое, современное. Эти черты в нем оставались до конца жизни.

Когда отец поехал в Ленинград продолжать учебу в старших классах школы, то выживал там буквально впроголодь. Квас и черный хлеб, постоянно хотелось есть. Рассказывал, что «брюки все время зашивал и старался ни кому не поворачиваться спиной».

Сначала он поступил в архитектурно-художественный институт. Но вскоре объявили что-то вроде сталинского призыва. Здоровых юношей, бывших отличниками, вызывали в военкомат и распределяли: кого в летчики, а кого на флот. Папа признавался потом: «Никогда не думал, что попаду в подводники». Так сложилось: из архитекторов — и сразу в совершенно иной мир. Морскому делу обучался тоже в Ленинграде.

А потом направили служить во Владивосток, где произошла встреча с моей мамой. Он сильно понравился ба-

бушке, Нине Яковлевне. Говорила: «Какой же приятный: и чистый, и умный! Уж очень, уж очень...» А ведь бабушка была женщина строгая, просто так нахваливать бы не стала. Нина Яковлевна (в девичестве Мазина, по мужу Орлова) родом происходила из Астрахани. Там ее родители и погибли во время Гражданской войны, будучи сама несовершеннолетней, поднимала младших братьев. Один из них — Борис — связал судьбу с авиацией и погиб при освобождении Латвии в годы Великой Отечественной. Самолет рухнул в Балтийское море. Его имя высечено на стеле «Летчикам Балтики» в Калининграде: Мазин Борис Яковлевич. Дедушка по маминой линии происходил из зажиточной семьи. Когда его семью раскулачили в 1930-х, они перебрались во Владивосток. Жили настолько скромно, что не опишешь.

Мама моя — Римма Михайловна — росла талантливым ребенком, училась на отлично, стихи читала на радио,

Молодожены — Николай и Римма Смирновы

пела. Колоратурное сопрано — самый высокий женский голос. Сама невысокая, но красивая. С папой они смотрелись идеально — он-то был роста гренадерского.

В 1944-м отца перевели в Крым — служил на подлодке, очищал Черное море от вражеского флота. Походы, потери, награды... Мама отправилась за любимым чуть позже. Поселились в Балаклаве в одном из восстановленных пленными румынами домиков.

Что такое подводник? Уходит в море, детям говорят: «Надо ждать папу». Тогда к военным относились с большой любовью. Я четко помню: всегда встречали с военным оркестром. И детвора вся счастливая: пришли наши папы! Это незабываемое впечатление.

Балаклава до 1996-го оставалась режимным — закрытым поселением. Севастополь тоже считался закрытым, но назывался образцовым городом. Идеальная чистота на улицах, зелень, каштаны, маки. Кругом моряки в красивой форме, да и жители тоже подтянутые, аккуратные — просто сказка. Советские люди, которым разрешали навестить здешних родственников, поражались. На мой же детский взгляд, это был город победившего коммунизма. Девушки со всей страны туда стремились: где же еще столько замечательных женихов? Выйти замуж за военно-морского курсанта считалось счастьем. Военных в то время очень уважали, особенно моряков и летчиков.

Те редкие часы, когда отец был с семьей, родители старались провести вместе, куда-то сходить. Случалось, оставляли меня, дошколенка, одну. У нас был приемник, и мне папа говорил: «Не бойся — ты же не одна дома. Видишь, зеленый глазок горит? Оттуда с тобой будет дядя или тетя разговаривать. Они здесь, бояться нечего». Я верила, не спала, слушала новости и развлекательные программы. А когда в апреле 1955 года родился мой брат

Сережа, уже сама могла за ним приглядывать, когда родители уходили в кино или театр.

Но с Севастополем связаны и грустные воспоминания. В октябре 1955 года взорвался и затонул линкор «Новороссийск» — трагедия, что и описать словами невозможно. Папа участвовал в спасении моряков. Отец рассказывал, что, умирая в задранных отсеках, герои пели «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг». Вытащили лишь нескольких, но не всех смогли откачать. Многое, разумеется, он не имел права разглашать даже дома. Но как ему было тяжело, мы видели: сам весь серый приходил, а глаза аж черные — так переживает. Все внутри себя держал: присяга, никуда не денешься.

Мы регулярно куда-то переезжали. Сменили 24 квартиры. А говорят, два переезда равносильны пожару. Это надо же какое у мамы было терпение и преданность отцу! Недаром первые тосты на семейных праздниках поднимались всегда за нее. Не каждая подруга жизни может отказаться от работы, учебы и карьеры. Ведь Римма Михайловна накануне войны приехала в Москву и поступила в Бауманский. Но в 1941-м стало не до учебы, и она вернулась к родителям и жениху во Владивосток.

Папу нашего она любила безумно. Впрочем, как и я. По-иному просто не получалось. Николай Иванович обладал невероятной мужской харизмой плюс очень светлой аурой — устоять невозможно. Поэтому его слушались и дома, и на службе.

Дополнялись природные качества отца воспитанной годами волей и работоспособностью. Не исполнилось и тридцати, а он уже командовал на Черном море всем подводным флотом. Получил адмиральские погоны, окончил в Москве академию с отличием, служил в Главном штабе ВМФ.

Помню как-то в выходные, когда в 60-е годы, отец служил в Главном штабе, мама, папа и я пошли вместе

в кинотеатр «Первомайский». Идет фильм, а по залу уже бегают с фонариком: «Где Смирнов Николай Иванович? Где Смирнов Николай Иванович?». Его срочно забирает адъютант: случилось нечто важное, нельзя терять ни секунды.

Затем назначение на ТОФ — а там одно ЧП за другим. Пропускал все через себя, везде хотел разобраться в сути проблемы и решить ее, несмотря ни на что. Когда папа вернулся в Москву в должности первого заместителя главкома ВМФ, то непрерывно летал с одного флота на другой: Камчатка, Север, Крым, Приморье, Балтика... Добавьте зарубежные командировки, ведь Советский Союз научился защищать свои интересы в любой точке мира. Есть необходимость — садится в самолет и вперед: из жары в холод. Мы его видели урывками. Папа возвращался, и начинался недолгий праздник.

Нечастое свободное время он посвящал семье и творчеству. Любил рисовать. Еще в Балаклаве набросал копию картины художника Васильева «Оттепель» и потом не раз к ней возвращался: подрисовывал, выделяя минуты в своем плотном графике.

Слова «талантливый человек талантлив во всех областях» — к нему относились в полной мере. Мог приготовить любое блюдо, мог и дом построить. Любое дело у отца спорилось, поскольку брался всегда с рвением. Его окрыляло простое желание — как можно скорее полюбоваться на результат собственного труда, порадовать окружающих.

Удивительно, как при своей занятости он находил время на детей. Мне исполнилось 5 лет, когда папа научил меня читать. Он не пропускал ни одной новой детской книжки — покупал сразу. К первому классу благодаря отцу я умела красиво и грамотно писать, играть в шахматы и шашки, знала таблицу умножения. Так что сначала

Портрет маленькой дочки — Наташи (масло)

в школе мне было неинтересно — все, что преподавали, уже знала от папы.

В окрестностях Севастополя множество античных и средневековых развалин — когда отец позволял себе выходной, тащил меня туда. В Херсонесе на камнях Генуэзской крепости давал мне уроки истории. Возможно, поэтому я и училась на пятерки и даже успевала ходить в музыкальную школу.

При всей своей мягкости и сердечности к близким папа оставался очень требовательным воспитателем. С ним нельзя было канючить или кукситься, он видел насквозь, чувствовал, когда надавить, а когда по головке погладить. Но его слово в нашей семье всегда было законом. Нам с Сережей рассказывал, как его воспитывали в детстве:

если кто с родителем заспорит — сразу получал ложкой по лбу.

Когда учился в училище имени Фрунзе, получал стипендию. Почти всю отправлял матери в деревню. Сам держал себя в юные годы в строгости и хотел, чтобы нам эта крестьянская самодисциплина передалась. «Мне никто не помогал, и вы сами пробивайтесь» — эту мысль закладывал нам с Сергеем постоянно. Папе удалось воспитать из нас людей честных и требовательных к себе. С отцом, которого считаешь кумиром, берешь с него пример, невозможно было вырасти человеком безынициативным, робким, перекладывающим решения на чужие плечи.

Первым делом при возникновении любой проблемы и мама, и мы спешили к нему за советом. Всегда перво-наперво интересовались мнением отца. Мы очень любили отца. Нет, любили даже не то слово — боготворили. Он так и остался для меня и брата примером: как относиться к работе, к подчиненным, товарищам, случайным знакомым, как строить отношения в семье.

Папа никогда не забывал своих сестер, помогал каждой. У них жизнь сложилась по-разному: кому-то повезло, кому-то не очень. Но все родственники признавали очевидное: самородок такой среди Смирновых один — Николай Иванович.

«Старые фотографии не обманут — чувствуется сила людская»

Вера Александровна Воробьева,

племянница, дочь Любови Ивановны, родной сестры

Н.И. Смирнова.

— В семье Смирновых, у моей бабушки Прасковьи Сергеевны и дедушки Ивана Михайловича, родились шестеро детей. Старший — Михаил. В каком году появился на свет, не помню. Но в годы коллективизации уже окончил Лесотехническую академию. Его направили на работу в Ленобласть на станцию Будогощь в Киришском районе. Жена Михаила Ивановича, Екатерина Сергеевна, происходила из купеческой семьи, жившей в селе Парфеньево Костромской губернии. У них было трое детей: Людмила, Олег и Галина. А дядя Миша умер еще в 1947-м. С фронта вернулся весь израненный, контуженный и долго не протянул. Думаю, ему было едва за сорок.

Сестра Михаила — Ольга, 1909 года рождения, замуж вышла за уроженца села Парфеньево Сергея Сергеевича Мухина в конце 1920-х в шестнадцатилетнем возрасте, родила двоих сыновей. Где-то в 1934-м или в 1935-м они вместе переехали в город Нею. Построили там домик на улице Вокзальной, где и жили до Великой Отечественной.

Тетя Оля работала в пекарне и всю войну, в голодные годы, принимала в своем маленьком домике членов нашей семьи. В Нее собирались дети, сестры, братья — че-

ловек по десять под одной крышей. Бывала там и моя мама — она родилась через четыре года после Ольги.

Сергей Сергеевич погиб на фронте. Тетя Оля вышла замуж за вдовца, Алексея Осокина, тоже фронтовика, очень доброго человека. У него было двое своих детишек. Создали новую крепкую и дружную семью. Жили по-прежнему в Нее, разве что с родины нового мужа перевезли большой дом. Сыновья Ольги Ивановны получили высшее военное образование. Ольга Ивановна так и прожила всю жизнь в Нее, там же и похоронили в январе 1990 года.

На побывке с родными. Михаил Смирнов (слева стоя), старший брат со своей семьей, Николай Смирнов (справа стоя) и мать Прасковья (сидя в черном одеянии и платке)

Любовь Ивановна, моя мама, 1913 года рождения, умерла на два года раньше. В молодости моя мама устроилась работать на железную дорогу на Волховстрое. Здесь же первый раз вышла замуж, родился Веня. Вскоре она развелась с мужем, ее направили на работу в Иваново. Трудилась на вокзале. Сначала кассиром грузового двора, позднее начальником. На расчистке железной дороги встретила моего отца — Лучкова Александра Михайловича. Я родилась в 1937-м. Когда немцы подступили к Москве, моего отца призвали на фронт. Он погиб в 1942 году под Смоленском.

В семье Лучковых из семерых сыновей остались в живых только трое — остальные погибли в войну. Самый младший сгорел в танке на Курской дуге. Бабушка была женщина статная, волевая. Матрена Антоновна. Старые фотографии не обманут — чувствуется сила людская...

Мы с мамой имели комнату в железнодорожном доме в Иваново. Между тем все постепенно перебирались в Нею.

Сестры и мама Н.И. Смирнова. Верхний ряд: справа — Валентина, слева — Софья. Нижний ряд: Любовь — справа, Ольга — слева, в середине — мать, Прасковья Сергеевна

Тетя Оля собирала родных будто цыплят. Всех по жизни устраивала. Когда дядя Миша умер, тетя Катя тоже переехала из Будогощи к Ольге Ивановне с младшими сестрами — тетей Валей и тетей Соней (погодки с 1914-го и 1915-го).

Николай был четвертым ребенком у Ивана и Прасковьи Смирновых. Его детство прошло в деревне Робцово, где он закончил начальную школу. Потом уехал в Ленинград продолжать учебу в школе. Проучился на архитектора полтора года. И вдруг решил круто поменять судьбу. В то время проходила кампания — призывал комсомольцев записываться в краснофлотцы. Стране нужны были морские кадры. Причем отбирали лучших, не просто так! Николай Иванович вызвался. В архитектурно-художественном отпускате не хотели. Но остановить не смогли: сам решил и сам поступил в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе.

Самые младшие сестры, Валентина и Соня, родились погодками. Первая окончила факультет иностранных языков Ленинградского пединститута. Валентина — очень старательная, умная, выдержанная, рукодельница, хозяйка. Неслучайно высватал ее военный. И началась гарнизонная жизнь. Скитались по стране, но, кажется, она не жаловалась. Когда муж-летчик вышел на пенсию в звании полковника, поселились где-то в Калужской области. Был у них сын Олег, к которому после смерти мужа переехала в Москву. И, кстати говоря, Николай Иванович особенно любил свою сестру Валю, помогал ей по мере возможности.

А Софья Ивановна жила у тети Оли в Нее, когда началась война. Когда же мама получила в Иваново комнату, она приехала к нам, жили вместе. Окончила курсы медсестер. Наверное, в 1943-м она пошла на фронт. Вернулась с... ребеночком. Года через полтора еще до победы вышла замуж, будучи в армии. Леонид Гусев познакомился с ней

в госпитале: после ранения ему ампутировали руку. Они жили счастливо — сначала в Шарье, потом в Кириши. Софья родила сына, а когда Леонид умер там же, в Киришах, снова вышла замуж. Новая семья обосновалась на Украине, в Днепропетровской области, где и сейчас живут их дети.

Глава семьи Смирновых Иван Михайлович умер еще до войны, в 1936 году¹. Дедушка по тем временам был очень грамотный, возводил Волховстрой. Получал прилично.

Земли было у них много и огромный дом в Робцово. Помню, половицы широченные, бревна — не обхватишь. Ладный дом, капитальный, с высокими потолками: ходили в рост в подполе. Держали две коровы, лошадь, овец, кур. Хозяйство справное, большое. А управлялась бабушка, считай, одна. Мужчины из деревни зимой уходили на работу в Ленинград, дома, в деревне, бывали только два-три месяца летом. Содержание дома, хозяйства и воспитание детей целиком ложилось на женщин. Мужчины зато были в статусе рабочего класса, поэтому с приходом большевиков в этих деревнях не грабили так, как в других областях. Раскулачивание их не коснулось, хотя жили достаточно зажиточно по тем меркам. Тетя Оля очень рано вышла замуж — в 16 лет и уехала в другую деревню. Помогала моя мама. Дядя Коля, тетя Валя, тетя Соня — все были еще маленькие. Дядя Миша уже уехал в академию. Так вот и пахали мама да бабушка в 1920-х.

Михаил Иванович после окончания Лесотехнической академии получил направление лесничим в Будогощь. Сюда и забрал родителей с сестрами. Потом работал в Карелии, в Медвежьегорске, и там родители жили у него, затем семья Михаила Ивановича переехала в Демянск,

¹ Похоронен в селе Николо-Ширь Парфеньевского района Костромской области

Иван Михайлович Смирнов

а Иван Михайлович с Прасковьей Сергеевной вернулись в родные места, в Робцово. Иван Михайлович уже тяжело болел, вскоре и умер в родном доме. Сам сделал себе гроб и надгробие, по его просьбе похоронили его в селе Николо-Ширь. После его смерти Прасковья Сергеевна заколотила дом и переехала жить к сыну Михаилу в Демянск с дочерьми Валею и Соней, больше в Робцово семья не приезжала.

Михаилу в Демянске выделили для проживания вначале второй этаж, а затем и весь двухэтажный казенный

дом. Но все-таки он решил построить свой дом, строили в 1939–1940 годах, построили наемные плотники быстро, за один год. Деньги присылал его брат Николай Смирнов, который в 1940 году уже служил на флоте. Дом был большой, на берегу Селигера в деревне Полново. Семья переехала в него в 1940 году.

Миша и его жена Катя содержали семью до 1941 года. С началом войны Михаил ушел на фронт, а Прасковья Сергеевна стала готовить семью к переезду в Нею, опасаясь прихода немцев. Готовились быстро и тщательно, зарезали весь скот, закоптили и засушили мясо, получился целый мешок. Прасковью Сергеевну вся семья слушалась беспрекословно. С собой из вещей почти ничего не взяли, только швейную машинку «Зингер» — и Прасковья Сергеевна, и все дочери были мастерицами, всю одежду на семью шили сами. В сентябре 1941 года едва успели убежать из дома за пару дней до прихода в Полново немцев, отплыли последним теплоходом на Осташков, дом был уничтожен бомбами сразу же. Прасковья Сергеевна с Катей, детьми Миши и своими дочерьми Валей и Соней добирались 11 дней до Неи и стали жить в семье старшей дочери Ольги. Всю войну Ольга Ивановна, а потом и ее второй муж Алексей Осокин, содержали большую семью. В 1944 году Валентина вышла замуж за военного летчика Анатолия Павлова и уехала из Неи в Белебей (в Башкирии) в военный городок, у них родился сын Олег. В 1946 году в семью дочери в Белебей переехала Прасковья Сергеевна, где прожила до 1952 года. В 1952 году вернулась в Нею к Ольге и прожила у нее до своей смерти в 1967 году.

ЧАСТЬ 3

**Материалы, касающиеся
адмирала флота
Н.И. Смирнова**

На службе и дома

Сергей Николаевич Смирнов,

сын адмирала флота.

Слово отца для меня было законом, но он никогда своим авторитетом не злоупотреблял

Отец для меня был образцом во всем. В силу его непростой и ответственной работы у него было не так уж много времени на общение со своими детьми, но он его всегда находил. Воспитывал меня строго, за что я ему очень благодарен. Однако относился ко мне всегда с теплотой и любовью. Учил быть честным и обязательным.

В редкие минуты общения с отцом. Начало 1960-х годов

Держать свое слово. С раннего возраста прививал интерес к знаниям. Например, увлекательно рассказывал про звезды и планеты, благодаря чему уже в первом классе я прочитал несколько научно-популярных книг по астрономии. Учил думать, играя со мной в шахматы.

Папа прекрасно рисовал и пытался научить меня, но из этого, к его сожалению, ничего не получилось — нет у меня таких способностей. Но интерес к изобразительному искусству привил, так что и сейчас в Третьяковку готов наведываться хоть каждые выходные. Сохранилось несколько картин, написанных отцом маслом.

Музыка папе нравилась, но такого слуха, как у мамы, не было. Мои музыкальные наклонности, наверное, в маму, у которой был приятный бархатистый голос, легко справ-

Пейзаж, написанный отцом (масло)

лявшийся со сложными пассажами и мелодическими фиоритурами «Соловья» Алябьева. А папа любил, когда она пела.

Как-то, когда я был в шестом или седьмом классе и владел в достаточной степени геометрией, отец мне рассказал про задачу, которую сам решал в 1950-х годах, что привело его к изобретению. При пассивном (например, на подводной лодке — гидроакустическом) наблюдении за движущимся кораблем в различные моменты времени получают пеленги (т.е. направления) на цель. Оказывается, что если наблюдаемый объект движется равномерно и прямолинейно (относительно наблюдателя), то три пеленга позволяют построить линию, на которой находится наблюдаемый объект в заданный момент времени. Однако четвертый пеленг не добавляет информации об элементах движения (положения и вектора скорости), если наблюдаемый корабль продолжает двигаться равномерно и прямолинейно относительно наблюдателя. Поэтому для определения элементов этого корабля наблюдателю надлежит выполнить маневр. Как его выполнить, чтобы лучшим образом решить поставленную задачу, — это и есть предмет изобретения. Этот метод вошел в учебники по штурманскому делу и по гидроакустике под именем «метод Смирнова»¹ и был предложен в 1949 году. В 1952 году уже с соавтором было получено авторское свидетельство на изобретение.

Надо признать, что если решать задачу чисто геометрически, то это проблема трудная — когда я был студентом, попробовал найти такое доказательство, получилось страниц десять математического текста. На мое увлечение математикой, конечно же, оказал влияние отец. В ко-

¹ См., например, книгу В.И. Каманин «Гидроакустические станции в кораблевождении», Военное издательство министерства обороны СССР, Москва, 1964, стр. 151.

*Свидетельство, подписанное адмиралом флота
Н.Г. Кузнецовым*

нечном счете я окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ, поступил в аспирантуру, защитил диссертацию и был оставлен преподавать в МГУ (тогда это было очень почетно — оставляли лучших).

Папу я очень уважал и совсем не потому, что он дослужился до больших адмиральских погон, а как человека, достойного всяческого подражания. Уважение (и не только у меня) он вызывал своей манерой общения, своим отношением к людям, выдержкой. Если бы меня коротко попросили описать его человеческие качества, ответил бы так: уравновешенный, добрый, порядочный, чуткий, справедливый, разносторонне одаренный, увлеченный своим делом, любознательный. У него многое

можно было почерпнуть, и я что-то пытался копировать. Так что каких-то особых методов воспитания ему и не требовалось. Я просто смотрел, выпитывал, учился. Вычитал у кого-то: «Меня воспитывала узкая полоска света под дверью кабинета отца». Это совершенно мой случай!

Всю жизнь я чувствовал подобную мягкую поддержку. Без диктата и давления. По вопросам судьбоносным, например поступать в университет или нет, мы вместе серьезно обсуждали. Но чаще встречались накоротке — насколько ему позволяла служба. Воспитывал он меня даже в мои достаточно зрелые годы, иногда довольно оригинально. Помнится, где-то курсе на втором университета мы с однокурсниками вечером собрались группой, пообщались и, как водится, выпили. Я, как-никак матрос запаса, оказался трезвее всех (кстати, и отец мог иногда в компании друзей выпить, но пьяным никогда не бывал — порода такая). Пришлось развозить по домам перебравших товарищей. Вернулся глубокой ночью. Тихонечко открываю входную дверь, а папа не спит, ждет на диване в прихожей. Он мне тогда ничего не сказал, но мне было настолько стыдно, что больше ничего подобного себе не позволял.

Слово отца для меня было законом. Но он, понимая это, никогда своим авторитетом не злоупотреблял, всегда старался видеть во мне человека взрослого и самостоятельного, имеющего право на личное мнение. Он лишь советовал мне, оставляя за мной право решения.

Моей сестре Наташе, которая старше меня на девять лет, досталось не меньше отцовского внимания. Наташе он регулярно писал из командировок. Когда она готовилась к институту, присылал ей пошаговые инструкции — что читать, из какой книжки, сколько страниц: «Прочитаешь — отчитаешься. Напишешь мне письмо не позднее такой-то даты». Сам писал в неделю по несколько раз: «Дорогая доченька, я только что вошел в квартиру — при-

летел из командировки. Спешу написать тебе письмо» (в это время Наташа болела и длительное время находилась на лечении в детском санатории). И дальше несколько страниц ровным почерком: «Как ты себя чувствуешь, как у тебя дела?». И о своей поездке: куда летал, что увидел, с кем познакомился. Едва только сходит с самолета — садится за стол, берет ручку и пишет письмо...

Родился я в Севастополе, городе моряков, там же пошел в начальные классы школы. В это время отец уже был начальником штаба Черноморского флота (третий человек во флоте), контр-адмиралом, а затем и вице-адмиралом. Разумеется, я своим отцом очень гордился. Но папа строго-настрого запретил мне кому-либо в школе говорить про его должность. В детстве, в начальных классах, я был очень драчлив, не прощал нанесенных обид — друзьям или мне. Не боялся схватиться с более сильным соперником, а если он меня повалил, вставал и опять лез на него, так что меня даже побаивались. Однажды о моем поведении в школе стало известно отцу. Но узнав из моих объяснений, что я сражался «за правду и справедливость», лишь мягко пожурил меня. Наверное, и сам был такой в детстве.

В 1964 году отец был переведен в Москву. Новая должность — начальник оперативного управления — заместитель начальника Главного штаба ВМФ СССР, по сути дела, означала оперативное руководство всем флотом в режиме реального времени. Здесь он приобрел бесценный опыт, который ему пригодится в дальнейшем. Дома мы его почти не видели, все время на службе — днем и даже ночью, когда того требовала обстановка.

Везде и всегда стремился внедрить новое, полезное для флота. Так, например, еще будучи начальником штаба Черноморского флота, вплотную занимался структурой командных пунктов флота, был сторонником автоматизации. Поэтому, вступив в должность начальника ОУ, он

был удивлен, что в ГШ ВМФ доклады командованию об обстановке производятся без карт, что не дает наглядности. В кратчайшие сроки и при активном участии офицеров Командного Пункта ВМФ были разработаны образцы карт, на которые в последующем наносилась обстановка по операционным зонам флотов.

Период с 1969 по 1974 год в жизни отца, когда он командовал Тихоокеанский флотом, был чрезвычайно активным и, наверное, самым плодотворным для реализации его разносторонних способностей — это было время максимального расцвета и развития флота. Об этом достаточно хорошо сказано в этой книге в воспоминаниях его сослуживцев и коллег. Приведу лишь один случай, который свидетельствует о том, что у отца, кроме всего прочего, были неплохие дипломатические способности.

В начале мая 1972 года на Цейлон прибыло с дружественным визитом два эсминца, входящих в состав Тихоокеанского флота СССР, а затем прилетел и командующий флотом с недельным визитом. Местная газета¹ писала: «В дипломатических кругах сложилось мнение, что визит «доброй воли» адмирала Смирнова в значительной степени для того, чтобы «показать советский флаг», поскольку американский командующий тихоокеанским флотом адмирал Маккейн уже провел такой визит на Цейлон». Сообщалось, что американский адмирал посещал Цейлон две недели назад, а также, что «адмирал Маккейн имел 25-минутную аудиенцию с госпожой Бандаранаике²». Интересно, что во время пребывания советских кораблей в Коломбо в этот же порт пришел британский эсминец — вряд ли случайно. Из сообщения ТАСС:

¹ Ceylon Daily News, 26.04.1972

² Первая в мире женщина — премьер-министр.

«Коломбо, 5 мая 1972 года. Премьер-министр Цейлона Сиримава Бандаранаике приняла сегодня находившегося в стране с дружественным визитом командующего краснзнаменным Тихоокеанским флотом адмирала Н.И. Смирнова. В беседе, прошедшей в теплой, дружественной обстановке, принял участие посол Советского Союза на Цейлоне Р.Н. Нишанов.

В тот же день адмирал Н.И. Смирнов устроил прием на борту советского эскадренного миноносца. На приеме были члены цейлонского правительства, руководители вооруженных сил страны, иностранные дипломаты».

Спустя несколько лет, уже в Москве, Рафик Нишанович Нишанов¹, с которым у отца сложились дружеские отношения, рассказывал у нас в гостях, что «Николай Иванович сумел каким-то образом так очаровать госпожу Бандаранаике, что она общалась с ним несколько часов, а не полчаса, как с американцем». Совпадение это или нет, но 22 мая 1972 года была принята новая конституция, по которой Цейлон стал независимым государством — Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка, а Бандаранаике приняла присягу в качестве премьер-министра нового государства. В том же году с острова была выведена последняя британская военная база.

Я провел во Владивостоке всего полгода, потом мама стала сильно и часто болеть. Поскольку дома папа бывал очень редко и недолго, все время пропадал на службе, он решил отправить меня к своей старшей сестре — тете Оле. Таким образом, я год учился в Костромской области, в го-

¹ Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Шри-Ланке и по совместительству в Мальдивской Республике в 1970–1978 годах. Впоследствии, в 1988–1989 годах — первый секретарь ЦК компартии Узбекской ССР (его преемником стал Ислам Каримов), а в 1989 году избран председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

роде Нее, а это оказалось замечательной возможностью, чтобы полюбить родину отца и людей ее населяющих. Потом, последний школьный год уже провел в Ленинграде — в Нахимовском училище.

Несостоявшийся подводник

Отец мечтал, чтобы я пошел по его стопам и стал военным моряком. Более того — конечно, подводником. Еще в детстве водил меня на экскурсию на подводную лодку. Рассказывал с огромным уважением про выдающихся подводников. Послушавшись его совета, в конце школьных лет я оказался в Ленинградском Нахимовском военно-морском училище. В этот период отец командовал Тихоокеанским флотом и несколько раз меня навещал, когда был в командировке, обычно останавливаясь в кают-компании крейсера «Аврора», прямо напротив Нахимовского училища. Отец дружил с командиром «Авроры», капитаном I ранга Юрием Ивановичем Федоровым, большим знатоком истории российского Военно-морского флота и одним из лучших в стране моделлистов — сделать хорошую модель корабля без понимания истории флота невозможно. Мои товарищи по училищу, кстати, не догадывались, кто мой отец. Руководство знало, не утаишь, но я не пользовался этим, чтобы жить вне распорядка, — отец бы такое не одобрил. Увольнение, когда положено, — строго в субботу и воскресенье, бегом на «Аврору», там и встречались с отцом.

По окончании Нахимовского училища принял присягу в 16 лет и поступил в Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. А.С. Попова. Проучился там два года, потом летом 1973 года переболел менингоэнцефа-

литом, был комиссован и перевелся в МГУ. В МГУ учился только на отлично, чтобы показать отцу, что способен добиться успехов на новом, уже гражданском поприще. Когда я стал студентом, кто-то из преподавателей мне сказал, что я потерял годы (видимо, имел в виду — для науки), когда пребывал на флоте. Я ответил, что ни в коем случае не потерял, это ценнейший жизненный опыт и об этом нисколько не жалею. Да, честно признаться, мне было нелегко, особенно вначале, в Нахимовском училище — по характеру не очень подхожу для военной службы. Но после трех лет на флоте в целом привык, хотя, думаю,

На «Авроре» с отцом и Ю.И. Федоровым, 1971 год

вряд ли бы смог стать столь же блистательным офицером, как отец, если бы моя военная карьера продолжилась бы. Кстати, со своими флотскими одноклассниками связь и поныне поддерживаю.

За три года, которые провел на флоте, чаще всего в увольнении спешил к нашим добрым ленинградским друзьям Махровским. Александра Викторовна (я ее звал тетя Дина) была школьной подружкой папы, потом они вместе учились в архитектурном институте, стала впоследствии академиком архитектуры. Если бы отец не попал в Военно-морской флот по комсомольскому набору, куда отбирали лучших студентов, наверное, он бы стал выдающимся архитектором. Во всяком случае тетя Дина рассказывала, что профессора ему прочили большое будущее и не хотели из института отпускать. С тетей Диной папа дружил всю жизнь, иногда советовался, в частности, по поводу меня. Тетя Дина говорила, что отношения с нашей семьей были как с самыми близкими родственниками.

В музее с А.В. Махровской, 1980-е годы

Огромное впечатление на меня произвела мама тети Дины, Александра Ивановна, благодаря которой я представляю, что такое старая (дореволюционная) питерская интеллигенция. Эта интеллигентность проявлялась в удивительном умении общаться — со мной она разговаривала так просто, душевно и искренне, что мне хотелось с ней всем поделиться, а ей это было неподдельно интересно. Меня называла в шутку «Сережа морячок» и говорила, что моего папу в свое время называла «Коля морячок». Когда в 1971 году был выпуск в Нахимовском училище, несмотря на свой возраст и плохое самочувствие, Александра Ивановна пришла меня поздравить, надев свое самое нарядное платье и какую-то невероятную шляпку. Это было так трогательно, что не смог сдержать слезы, наворачнувшись на глаза. Вскоре, в том же 1971 году, ее не стало. Хочу особо подчеркнуть, что именно семья Махровских¹ оказала сильное положительное влияние на формирование моего отца в юном возрасте, когда он приехал из глухой костромской деревни. Махровские еще в школе заметили способного паренька, где вместе с ним училась их дочь Александра, мягко опекали и помогали ему, способствовали воспитанию и раскрытию его способностей.

В Москву из Владивостока

В 1974 году отца перевели из Владивостока в Москву на должность первого заместителя главнокомандующего Военно-морским флотом. Я в это время был студен-

¹ Подробнее об этой семье можно прочитать в книге «Александра Махровская: ученый и градостроитель. Воспоминания друзей и коллег», 2014, проект «Сохраненная культура», руководитель проекта и издатель В.Б. Наумов.

том МГУ и переехал из университетского общежития в его новую квартиру на Мосфильмовской улице — сейчас на этом доме в Москве установлена мемориальная доска.

Таким образом, мне довелось определенное время пожить в семье. Дома казалось, что отец был человеком с железными нервами: ЧП, затонула где-то лодка — никому из домашних не скажет, не намекнет даже. А на самом деле — выдержку имел невероятную — ему плохо, он переживает, в себе эту боль держит, но не показывает. Такой характер. Какие бы ни были проблемы, домашние или не домашние, никогда не повышал голоса. Но если по работе кого-то отчитывал, то заслуженно, и этот человек мог выйти от него чуть ли не с инфарктом — так, не унижая, не матеря, умел поставить на место подчиненных, если нужно. О себе рассказывать вообще не любил, так что больше знаю о его службе от сослуживцев.

Работоспособность отца меня всегда поражала. Работал он буквально на износ. Уезжал из дома рано, приезжал поздно, часто работал в выходные. Много бывал в утомительных командировках — со сменой часовых поясов и климата. Например, летел во Вьетнам, затем сразу же на Северный флот, а прилетал оттуда в Москву ночью и, не заезжая домой, отправлялся на службу (это реальный эпизод). Это был человек старой железной закалки.

Мама в то время сильно болела. Рано утром отец сам готовил завтрак себе и маме, чтобы ее сон не тревожить (она принимала какие-то лекарства, от которых много спала), оставлял ей завтрак на столе с запиской и уезжал на службу.

Отец любил, когда позволяло время, позвать гостей, интересно и весело провести время с друзьями, удивить их чем-нибудь вкусеньким, показать по случаю специально подготовленную подборку слайдов, на которых каждый гость обязательно был представлен. Мама и папа были всегда по-настоящему гостеприимны. Среди близ-

ких друзей были Лесечко¹, космонавты Терешкова² и Николаев³, Шаталовы⁴, Берлинские⁵, Сергеевы⁶.

Кроме того, отец был знаком и дружен со многими известными писателями, такими как Сергей Михалков, Валентин Пикуль, Расул Гамзатов. Дружил и с художниками — Валентиной Цветковой⁷ и Валентином Печатиным⁸, скульптором Григорием Черниенко⁹.

После моей свадьбы в 1983 году, по своей человеческой и житейской и мудрости, отец нашел способ, чтобы молодая семья могла пожить самостоятельно, — оставил нас в московской квартире, на Мосфильмовской улице, а сам с мамой уехал постоянно жить на дачу в Барвихе.

¹ Михаил Авксентьевич Лесечко — в 1961–1980 годах заместитель Председателя Совета Министров СССР и, одновременно, в 1962–1977 гг. постоянный представитель СССР в СЭВ.

² Валентина Владимировна Терешкова — генерал-майор, Герой Советского Союза, первая в мире женщина — космонавт, совершившая свой полет в 1963 году. С конца 1963 года была замужем за космонавтом Андрияном Николаевым.

³ Андриян Григорьевич Николаев — генерал-майор, дважды Герой Советского Союза, космонавт СССР № 3, после Юрия Гагарина и Германа Титова, совершил свой первый полет в 1962 году, а второй — в 1970 году.

⁴ Владимир Александрович Шаталов — генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза, космонавт СССР. Был в космосе трижды — два раза в 1969 году и в 1971 году.

⁵ Валентин Александрович Берлинский — известный виолончелист, основатель квартета имени Бородина. Народный артист РСФСР.

⁶ Сергеев Николай Дмитриевич — адмирал флота, в 1964–1977 годах — начальник Главного штаба ВМФ — первый заместитель Главнокомандующего Военно-Морским флотом СССР.

⁷ Валентина Петровна Цветкова — известная советская художница, член Союза художников СССР, мастер пейзажа и натюрморта проживала и трудилась в г. Ялта.

⁸ Валентин Александрович Печатин — советский живописец, маринист. В 1963–1987 годах возглавлял студию художников-маринистов при Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде.

⁹ Григорий Александрович Черниенко — известный скульптор, член Союза художников СССР, проживавший и трудившейся в г. Ленинград.

Портрет адмирала флота Смирнова, В. Печатин, 1985 г.

Дача, разумеется, была государственной, со сравнительно скромной территорией (по сравнению со сталинскими маршальскими дачами) и была построена по финскому проекту сразу после войны. Перед тем как отцу выделили эту дачу, здесь жил до конца 1974 года легендарный адмирал Николай Герасимович Кузнецов¹, которого отец, как и многие другие флотские офицеры, очень уважал. Мы с Леной, моей супругой, туда ездили на электричке, чтобы навестить родителей.

¹ Народный комиссар Военно-морского флота, затем Военно-морской Министр и, наконец, Главнокомандующий военно-морским флотом. Пользовался огромным авторитетом во флоте, незаслуженно подвергся опале в 1955 году и сильно переживал свою отставку. Умер в 1974 году. Лишь только в 1988 году справедливость восторжествовала и Кузнецов был посмертно восстановлен в звании адмирала флота Советского Союза.

Здесь он смог заняться своим давним увлечением — садоводством. Яблони обвязывались металлическими прутьями. Сажены привозили знакомые с Иссык-Куля, а женьшень — друзья с Дальнего Востока, а к этому женьшеню еще и землю привозили, чтобы лучше рос. И выращивал отец в Подмоскowie это капризное дальневосточное растение вполне успешно. Потом заливал корни женьшеня водкой, делал настойку, бутылки закупоривал и дарил друзьям как лекарство. Точно так же дарил наш, дачный, яблочный уксус, заготовленный чуть ли не ведрами, поскольку где-то узнал, вероятно, прочитал, о его «чудодейственных» лечебных свойствах. И искренне хотел вылечить всех и сразу.

Неподалеку в Барвихе была государственная дача главкома с территорией раз в десять больше и с охраной. Отношения с главкомом, Сергеем Георгиевичем Горшковым¹, и его семьей были хорошие, добрососедские. Папа его уважал — Сергей Георгиевич, стоявший у штурвала всего флота более 30 лет, этого, безусловно, заслуживал. Но мне все-таки кажется, что Николая Герасимовича Кузнецова он уважал еще больше — неслучайно отец писал статью о Кузнецове к его 80-летию².

Еще один именитый сосед по Барвихе — Сергей Бондарчук — бывал в гостях у отца и приглашал к себе на дачу. Они, кстати, с удовольствием делились своими садоводческими успехами.

Утром отец всегда был готов к отъезду раньше приезда водителя. Как-то летом, находясь на даче, я наблюдал интересную картину — пока он ждал водителя, стал по-

¹ Адмирал Флота Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, Главнокомандующий ВМФ — заместитель Министра обороны СССР в 1956–1985 годах.

² «Я сделал выбор» Морской сборник, № 7, 1982, стр. 66–69

ливать любовно выращиваемые розы, какие-то особые, — очень забавно было видеть адмирала флота в форме и при погонах за таким занятием. Впрочем, отец никогда не страдал «высотной болезнью», которая часто поражала людей, добившихся высокого положения, вел себя везде и со всеми просто и естественно.

Вообще папа никогда и никуда не опаздывал и выезжал на любое мероприятие заранее. Его водитель, Александр Гаврилович, много лет с ним работавший на «Чайке», как-то рассказал мне забавный эпизод. По какому-то случаю отец поехал на военный аэродром, точно не помню, кажется встречать главкома. Как всегда, отец выехал заранее и получилось так, что он туда приехал первым. Чтобы не ставить подчиненных в неловкое положение (по субординации и правилам хорошего тона они должны были приехать раньше и встречать его), пришлось с машиной где-то прятаться.

Иногда отец сам заезжал к нам на квартиру поведать, особенно заботился о здоровье Лены, моей жены. Однажды привез моей жене мед. Уходя, наказал: «Ешь обязательно, очень вкусный, васильковый. Только не больше чайной ложки в день». Вернулся и строго-настрого повторил: «Запомнила? Не больше одной чайной ложки». Что это за мед такой, интересно, если такие строгие ограничения? Лена его совсем не ела, на всякий случай. А потом оказалось, что был подмешан какой-то активный компонент — очень полезный, если в небольших дозах. Ничего плохого, просто чтобы поправлялась, а то очень худая была. Папа был натурой увлекающейся.

Его умение общаться с людьми по-человечески просто, с юмором, пригодилось в решении разнообразных вопросов. Приведу в подтверждение отрывок из воспоминаний подводника, контр-адмирала А.С. Берзина:

«...19 мая 1977 года на флотилию прибыл 1-й заместитель ГК ВМФ адмирал флота Н.И. Смирнов. В этот же день он вызвал меня для беседы в связи с предстоящим моим назначением на должность командира 10 дипл. Он задал несколько вопросов, а потом сказал: «Я тебя знаю давно, начиная с Балтийского моря, служба твоя проходила нормально. Посмотрел послужной список». Потом помолчал и спросил: «А чего тебя называли Альфредом?» Я объяснил, что так пожелала мать, она по национальности латышка и захотела дать сыну латышское имя. После этого адмирал сказал: «Считай, что я с тобой побеседовал, я с твоим назначением согласен, о чем и доложу главкому».

...Собирали офицеров, где адмирал Смирнов рассказал, как маневрировала атомная подводная лодка 675 проекта СФ в Средиземном море. Командир ПЛ был пьян, всплыл под рубку и стал гоняться за двумя военными кораблями США, в результате произошло столкновение, которое принесло ПЛ и кораблю различные повреждения. Всю эту гонку американцы зафиксировали на киноплёнку и фотоплёнку. Адмирал Смирнов беседовал по этому случаю с адмиралом США, который сказал: «Я претензий к советскому командиру не имею. Виноват, мол, американский командир, т.к. он не принял всех мер, чтобы уклониться от советской подводной лодки».

Заботу о людях считал своим долгом

Отец всегда стремился оказать помощь тем, кто в ней нуждался, и искренне радовался, если получалось помочь. Об окружающих людях проявлял заботу, иногда себе в ущерб.

Запомнился один случай. Долгое время отец мечтал съездить в отпуск на родину, в Костромскую область, но загруженность на работе мешала. Наконец, в 1984 году эта мечта сбылась, и мы вместе путешествовали, отправившись в достаточно глухие, труднодоступные места, где жили и были похоронены предки.

В Робцово, 1984 год. В первом ряду, вторая слева, моя мама; левее — папа; еще левее его троюродная сестра Шура — единственный постоянный житель Робцово на тот момент; левее — родная сестра Ольга

Иногда ехали на вездеходе, иначе невозможно было добраться. Как-то на ночь остановились по дороге в избе — народ Костромской губернии гостеприимный и дружелюбный. Разговорившись с хозяйкой, узнал, что та страдает от сердечных болей, а симптомы были такие же, как и у него. Отец всегда носил с собой пилюли, которые были приготовлены для него Татьяной Афанасьевной Зинченко — уникального специалиста по травмам, про-

водившей научные исследования по медицинской тематике для флота. Не задумываясь, выгреб все, что было в карманах, и отдал этой женщине. На мой вопрос: «Что же ты делаешь, остаешься совсем без лекарства!», отвечал: «Ей это сейчас нужнее, а мне на родине и так хорошо».

Еще один случай, по сути схожий. На Тихоокеанском флоте у отца был адъютант Виктор Кузубов — честный, порядочный, готовый за своего адмирала в огонь и воду. Нравился всем — я его считаю лучшим адъютантом отца за все время. Виктор, по природной скромности, упомянул лишь вскользь в своих воспоминаниях один случай, про который я расскажу подробнее, — так, как услышал эту историю от одного из сослуживцев отца. Произошло очередное ЧП, что именно — не помню, кажется, затонула подводная лодка, но речь шла о спасении людей, к чему отец относился с максимальной ответственностью и делал все от него зависящее. Не спал несколько суток, а когда стал валиться с ног от усталости, пошел хоть немного поспать, поставив Виктора на часах возле каюты и приказав три часа никого не пускать. Начальник особого отдела КГБ СССР по Тихоокеанскому флоту в то время был назначен сравнительно недавно и не очень хорошо еще знал характер отца. Он решил, поскольку обстановка была тяжелой, что командующий пошел стреляться, и стал рваться в каюту, но Виктор его не пускал. Надо сказать, что даже бывалые моряки особистов побаивались, и не без оснований.

— Я тебя, сукиного сына, под трибунал! — бушевал особист.

— Не пушу. Приказ командующего, — отвечал Виктор спокойно, в стиле своего адмирала.

Так вот, когда отца перевели с повышением в Москву, многие спрашивали, почему он не взял с собой такого замечательного адъютанта. Ответ был простой: «Виктору надо расти!»

Самый удивительный случай заботы о людях, на мой взгляд, — когда отец сумел помочь невинно пострадавшему от милиционеров человеку. Как-то раз вечером отец вызвал к заболевшей маме Веру Валерьевну Морозову, лечащего врача семьи Смирновых, из Кремлевки. Она приехала, убитая горем. Отец, как обычно, проявил участие, и она поделилась с ним своей бедой. Оказалось, что ее муж, флотский офицер, увидев, как какой-то милиционер избивает ногами лежащего пьяного человека, вступился за него — как офицер и просто как русский человек. Милиционер вызвал своих коллег, и офицера арестовали. Посадили в камеру, долго избивали, всячески издевались и послали в Министерство обороны бумагу, в которой офицер был обвинен в различных преступлениях, которых он, разумеется, не совершал, но доказать ничего не мог. Для меня остается большой загадкой, каким образом отец сумел выцарапать этого офицера из лап садистов-милиционеров и снять с него обвинения. Это мне кажется просто невероятным — ведь дело было в конце эпохи Щелокова, а тогда в МВД уже привыкли систематически укрывать преступления своих сотрудников. Руководители — вплоть до начальников УВД — делали все возможное, чтобы не дать хода делам в отношении своих подчиненных. Более того, отец прекрасно понимал, что сам сильно рискует своей карьерой — несмотря на равенство в звании с Щелоковым, их влияние, очевидно, было несопоставимо.

Чтобы пояснить всю трудность решения возникшей проблемы, сошлюсь для примера на самый громкий случай злоупотребления милиционеров, подробно описанный в статье Максима Солопова «Убийство на Ждановской. Как смерть майора КГБ от рук милиционеров привела к кризису правоохранительной системы СССР». Суть эпизода такова: в конце 1980 года пьяные милиционеры избивают слегка подвыпившего после дружеской вечеринки человека, заснувшего

в метро, и грабят его. Им оказывается майор КГБ Вячеслав Афанасьев — в тот день ему исполнилось 40 лет. Милиционерам запрещалось даже задерживать сотрудника КГБ, поэтому со страху было решено добить Афанасьева и выбросить его на улице, инсценировав как ограбление. Андропов, тогда председатель КГБ, лично следил за этим делом, чтобы переломить сопротивление ведомства Щелокова. Чтобы найти настоящих преступников, и чтобы они понесли заслуженное наказание. К тому же в результате расследования выяснилось, что это был не случайный инцидент, а система: сотрудники линейного отдела регулярно занимались грабежом подвыпивших граждан. Всех виновных милиционеров расстреляли, однако дело засекретили: еще был жив Брежнев и подобное было бы страшным ударом по имиджу МВД.

Особые отношения у отца были с семьями подводников. Не зря на флоте подводники считаются особой кастой — по трудности служба подводников сопоставима разве что с космонавтами. Сам он всегда с гордостью носил знак подводника. Считал своим долгом помогать семьям подводников. Так, например, много лет заботился о вдове легендарного подводника И.А. Колышкина¹ — об этом я узнал, разбирая архивы и найдя ее трогательное письмо отцу, полное благодарности. Другой случай — беспокоился о карьере Андрея Луцука, сына своего товарища военных лет, подводника Александра Луцука².

¹ Иван Александрович Колышкин — контр-адмирал, первый из советских моряков-подводников, удостоенный в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза.

² Александр Андреевич Луцук в годы Великой Отечественной войны, в 1944 году, был командиром подводной лодки «М-114» (проект «Малютка») в составе Черноморского флота, в звании капитана-лейтенанта; в этот же период времени подводной лодкой «М-115» в составе Черноморского флота командовал капитан-лейтенант Смирнов Николай Иванович.

Подводники Тихоокеанского флота, 1943 год. В нижнем ряду: справа — капитан-лейтенант Александр Луцук, слева — старший лейтенант Николай Смирнов

Об этом я случайно узнал из книги Николая Мальцева «Исповедь флотского офицера», привожу из нее отрывок:

«Как-то я стал расспрашивать Андрея: каким образом он стал воспитанником Нахимовского училища? Мне не верилось, что у такого практичного и основательного человека, как Андрей, с детства была тяга к морской романтике. Он и не производил впечатления человека, который посвятил свою жизнь службе морского офицера, ради романтической тяги к трудностям и лишениям флотской службы. Спокойный по складу характера, он и любил спокойную размеренную жизнь. Вот только такой спокойной и размеренной жизни у него так и не получилось. Как великую тайну (а это на самом деле была великая семейная тайна), и я даже

прошу прощения у его детей и внуков, что раскрываю ее, Андрей поведал мне, что действующий в то время первый заместитель главнокомандующего ВМФ адмирал флота Николай Иванович Смирнов служил когда-то под началом отца Андрея на Черноморском флоте. Отец попросил Смирнова взять шефство над его сыном Андреем, и по человеческой порядочности Смирнов до конца своих дней заботился о судьбе Андрея. Многие скажут: вот он, советский протекционизм и коррупция, и очень ошибутся.

Протекционизм — это когда безграмотный и не имеющий опыта жизни или службы человек сразу становится высокопоставленным начальником. Ничего похожего в судьбе Андрея не было. По протекции Смирнова Андрея зачислили воспитанником Нахимовского училища, и он прошел тяжелую для подростка казарменную жизнь ограниченной свободы, с принудительным исполнением распорядка дня и строевыми занятиями в сочетании с учебой в обычной десятилетке. По окончании Нахимовского училища воспитанник получает право без вступительных экзаменов поступать в высшие военноморские училища. Уже по собственному выбору Андрей поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище и, проучившись пять лет в жестких условиях казарменной жизни, получил военное образование флотского офицера, погоны лейтенанта и специальность ракетчика. Андрей не скрывал, что учеба давалась ему нелегко, но тем не менее не Смирнов, а он сам сдавал все экзамены и зачеты и целеустремленно двигался к выбранной цели.

Если бы я сам пять лет не был курсантом военного училища, то мог бы подумать, что жить на всем готовом легко и просто. Это не так. Военное училище в плане личной свободы — это добровольное тюремное

заточение. Не каждый выдержит жизнь в рамках твердой военной дисциплины от подъема до отбоя: бегать на зарядки, ходить на вечерние прогулки, сидеть на лекциях и длинных самоподготовках, нести наряды и службы, всегда ходить строем и выходить в город только по увольнительной записке. Иногда это бывает невыносимо тяжело. Лично я где-то на третьем курсе пережил такой глубокий кризис, что меня перестали радовать мои отличные оценки, мне хотелось все бросить и бежать куда глаза глядят, лишь бы не вставать по утрам по крику дневального «Подъем!», не бежать на зарядку, не заправлять по линейке постель и тумбочку и целый день до команды «Отбой!» не ходить строем и не нести опостылевшие наряды. Мне показалось, что я сам себя, по собственному выбору, приговорил к пожизненной каторге. Просто поражаюсь, как я все это выдержал».

Добавлю, что отец мой отнесся к Андрею как к собственному сыну, в прямом и переносном смысле, и не зря старался — к чести Андрея, он стал флотским офицером, достойным памяти своего отца, что можно легко понять из цитированной книги.

Куратор флотской науки

На посту первого заместителя главкома ВМФ отец курировал флотскую науку, где по-настоящему пригодились его качества — умение критически мыслить, глубоко вникать в проблему. Он обладал особым чутьем, какие направления научных исследований могут оказаться перспективными для флота.

Вспоминает непосредственно работавший с отцом по научно-техническим вопросам И.И.Тынянкин,¹ имевший непосредственное отношение ко всем программам и планам НИОКР для ВМФ:

«Важнейшая роль в научно-техническом прогрессе флота принадлежала Военному совету ВМФ под председательством ГК ВМФ С.Г. Горшкова и Военно-техническому совету под руководством Первого Заместителя ГК ВМФ Н.И. Смирнова, на которых рассматривались наиболее перспективные направления развития науки и техники ВМФ, проводившихся с обязательным участием руководителей НИИ и КБ соответствующих министерств и АН СССР.

Успешности решения возникавших научно-технических проблем способствовала активная деятельность лично Н.И. Смирнова. Так, оперативно-тактические аспекты деятельности ВМФ отрабатывались, в том числе, на комплексе «Океан» в ВМА. Систематически выявлялись, изучались и решались крупные научно-технические проблемы. К ним, прежде всего, относились:

- скрытность корабельных сил по их физическим полям;
- создание методов акустического проектирования ПЛ;
- исследование и создание РТ средств на основе гидрофизических методов информационного обеспечения фоноцелевой обстановки;
- информационное обеспечение всех видов обороны кораблей (ПВО, ПРО, ПЛО, ПТО, ПМО и др.);

¹ Вице-адмирал, дважды лауреат Государственной премии СССР. В тот период служебная деятельность И.И. Тынянкина проходила в РТУ, 14 НИИ, в аппарате зам. ГК ВМФ по кораблестроению и вооружению.

— разработка методов и средств автоматизации медицинского обеспечения л/с ВМФ в ходе боевой службы кораблей в Мировом океане и проведение соответствующих научно-методических конференций в 32 ЦВКГ ВМФ;

— и многие другие направления.

Обсуждение этих проблем проводилось предварительно в соответствующих НИИ ВМФ, АН СССР и промышленности (1 ЦНИИ МО, 24, 14 и 28 НИИ ВМФ, ЦНИИ «Альтаир», ЦНИИ «Океан-прибор», ГОИ, ЦНИИ «Гранит», ГЕОХИ им.Вернадского и др.).

Кроме этих видов деятельности для Н.И. Смирнова представляла интерес любая информация о новых открытиях, явлениях и результатах их исследований в науке и технике, которые могли быть полезны для совершенствования сил и средств Флота. По его поручению вся указанная выше информация рассматривалась, и представлялись заключения нашими специалистами. Он был настойчив и крайне заинтересован в рассмотрении полученных от НИИ ВМФ, АН СССР, НИИ промышленности заключений по указанным выше научно-техническим проблемам. Рассмотрение результатов проводилось на ВТС ВМФ с специальной секции Гос. комитета Совета Министров СССР по науке и технике, председателем которой он был.

По существу, такая оперативная, масштабная научно-техническая деятельность Н.И.Смирнова внесла значительный вклад в развитие ВМФ и занимает в истории создания ракетно-ядерного и электронного флота СССР одно из достойнейших мест.

Данные о деятельности Н.И. Смирнова опубликованы в ряде изданий биографических энциклопедий издательства «Столичной энциклопедии»: «Судострое-

ние России», 2008г.; «История радиолокации», 2007г.; «Космонавтика и ракетостроение», 2011г.; «Военные лазеры России», 2013г. и др.»

Одним из вопросов, которые курировал отец, были исследования на тему целесообразности применения в торпедах ядерной энергосиловой установки. В то время руководство страны настойчиво призывало военных не копировать американцев, а идти своим путем, делая упор на нетрадиционные виды оружия.

Сама по себе идея использовать в торпедах ядерную энергетическую установку была не нова. Еще в 1940-е и 1950-е годы ВПК СССР разрабатывал проект Т-15 по созданию гигантской торпеды, несущей термоядерный заряд. Однако техническая возможность реализации в то время отсутствовала. В Википедии приводится следующая информация по поводу этого проекта:

«В целях разработки боеголовки торпеды в октябре 1961 года на полигоне «Новая Земля» была взорвана «Царь-бомба» с боезарядом около 57 мегатонн. Как носитель торпеды была разработана АПЛ проекта 627. Проект был закрыт в связи с невозможностью на уровне технологии тех лет разработать достаточно компактный ядерный реактор для торпеды, а вариант торпеды на аккумуляторах позволял добиться дальности хода всего 30 км, что требовало АПЛ-носителю войти в непосредственный контакт с противолодочными средствами у берега США и вызвало сомнения у командования флота в успешности такого рейда с учетом высокой эффективности ближней охраны баз ВМФ США, кроме этого, существовал риск потери АПЛ с небольшим водоизмещением из-за потери горизонтальной устойчивости после пуска столь крупной торпеды».

По инициативе отца в конце 1983 года им были заслушаны результаты исследований, проводимые Научно-исследовательским минно-торпедным институтом (НИМТИ) о технической возможности создания, имевшейся на тот момент времени, и о преимуществах такого вида морского подводного оружия. После нескольких лет исследований по этой теме работы были положительно восприняты президентом АН СССР академиком Анатолием Петровичем Александровым¹, с которым у отца сложились добрые товарищеские отношения. Их объединяло общее дело — развитие науки для совершенствования флота. Академик Александров хорошо знал о трудностях в создании первого реактора для подводных лодок и спустя всего 30 лет одобрил создание его и для крупных торпед, понимая, что это требовало существенных ресурсов для разработки продвинутых технологий. Затем одобрил работы и начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев². Предвари-

¹ Президент Академии наук СССР в 1975–1986 годах. Под руководством Александрова в короткий срок были решены технические, организационные и производственные проблемы при строительстве первой в СССР атомной подводной лодки с ядерной двигательной установкой.

² Начальник Генерального штаба Вооружённых Сил СССР — первый заместитель министра обороны СССР (1984–1988). С 1988 года генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, советник председателя Президиума Верховного Совета СССР, с мая 1989 года советник председателя Верховного Совета СССР, с марта 1990 года советник Президента СССР М. С. Горбачёва по военным делам. Семья Ахромеевых жила в том же доме на Мосфильмовской улице, что и наша, под нашей квартирой двумя этажами ниже. Знаю от отца, что это, был кристально честный, порядочный и решительный человек, патриот своей родины, настоящий офицер, закончивший Великую Отечественную войну комбатом. Категорически не могу поверить в официальную версию его гибели — «самоубийство» 23 августа 1991 года, после ГКЧП (18–21 августа 1991 года). Подробнее о правдоподобной версии убийства Ахромеева можно прочитать в книге Николая Зеньковича «Агония СССР. Я был свидетелем убийства Сверхдержавы».

тельные результаты исследований докладывал ему отец. После этого была получена поддержка в ЦК, ВПК, в правительстве. Вскоре в ответ на очередные угрозы США создать стратегическую оборону от баллистических ракет руководством СССР было заявлено, что наш ответ будет асимметричным. Ядерная торпеда, хотя и не была упомянута, однако должна была стать стратегическим оружием Советского Союза. Но тогда работы остановились из-за развала страны в 1991-м.

И вот, наконец, в 2015 году стало известно об успешной реализации проекта Статус-6. В Википедии написано:

«Основной задачей аппарата указана доставка ядерного боеприпаса к берегам вероятного противника с целью поражения важных прибрежных элементов экономики противника и нанесения гарантированного неприемлемого ущерба территории страны путем создания обширных зон радиоактивного загрязнения.

Проект получил известность после случайного показа по российскому телевидению страницы презентации проекта в репортаже со встречи представителей МО РФ и оборонной промышленности с участием В.В. Путина 10 ноября 2015 года. Тем не менее эта утечка широко обсуждалась в СМИ и интернет-блогерами, была прокомментирована множеством независимых экспертов.

Подобные проекты разрабатывались и ранее, например, советская торпеда Т-15. Однако неизвестно, существовали ли такие изделия в металле.

8 декабря 2016 года американская разведка подтвердила практическое испытание подводного дрона с ядерной силовой установкой, запущенного из подводной лодки «Саров» 27 ноября. Следует отметить, что американская разведка ожидала появление первого рабочего прототипа не ранее 2019 года, поэтому высокая

готовность дрона, уже способного осуществлять пуск и движение из материнской подлодки, вызвала среди экспертов Пентагона существенное беспокойство».

Хорошие отношения с академиком Александровым вовсе не означали, что они соглашались по всем вопросам. Об одном таком случае я узнал от близких академика Барсукова¹, скончавшегося вскоре после смерти отца (я присутствовал на его похоронах). Оказалось, что около десяти лет отец поддерживал одну из засекреченных работ ГЕОХИ (в чем она состояла, я до сих пор не знаю), против которой выступал президент Академии наук Александров, считая, с позиции физика, что достичь требуемого результата невозможно. Надо отдать должное научной порядочности Александрова, который в конце концов признал: «Николай Иванович, ты был прав».

Работы по снижению шумности отечественных подводных лодок и развитию средств гидроакустического обнаружения противника

Особое внимание отец уделял вопросам гидроакустики и внес большой вклад в борьбу с шумностью отечественных атомных подводных лодок, которые существенно уступали американским аналогам. С точки зрения обнаружения подводного корабля противником на первом

¹ Валерий Леонидович Барсуков, с 1976 года — директор Института геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского АН СССР. Скончался 22 июля 1992 года, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

месте из физических полей стоит гидроакустическое, т.е. уязвимость лодки существенно зависит от ее шумности. Шумят различные механизмы, устройства, винты и обтекающая лодку вода. В силу конструктивных особенностей атомные лодки шумят сильнее дизельных. Шум у каждого типа подводной лодки свой, по спектру шума можно идентифицировать корабль. Как всегда, отец стремился детально разобраться с проблемой, предложить системное решение, которое было найдено и в конечном итоге было одобрено главкомом С.Г. Горшковым — метод акустического проектирования подводных лодок.

Вот что пишут физики¹ о работах по данной проблеме в советский период:

«Решая проблему шумности, специалисты МСП, ВМФ, АН СССР создали сотни новых технических решений ее снижения, внедрив их на подводные лодки: принципиально новые типы виброизоляторов, вибродемпфирующих и звукоизолирующих покрытий, резиноармированных рукавов, виброизолирующих подвесок, наружных акустических покрытий и многое другое. В 1981 году к проблеме активно подключилась «большая наука». На совещании, состоявшемся в Институте машиноведения (ИМАШ) АН СССР, обсудили все проблемы акустики, наметили решения. По предложению главнокомандующего ВМФ был введен метод акустического проектирования подводных лодок.

...Под акустическим проектированием следует понимать часть системного проектирования, в которой устанавливается взаимосвязь между конструктивны-

¹ Фундаментальная и прикладная гидрофизика, 2012, том 5, № 2, стр. 52–57. © В.Н.Пархоменко, В.В.Пархоменко, 2012 Физико-технический институт им. А.Ф.Иоффе РАН, Санкт-Петербург

ми элементами подводной лодки и заданными характеристиками шумности. Что касается движительных комплексов, то, несмотря на их многообразие, проектанты отдают предпочтение низкооборотному гребному винту большого диаметра составной конструкции. Таким образом, общими усилиями учреждений и предприятий науки, промышленности и ВМФ за годы советской власти удалось добиться снижения подводного шума атомных подводных лодок от поколения к поколению. При этом следует иметь в виду, что количество создаваемых ВМФ атомных подводных лодок в отдельные годы превышало 10 единиц. Можно представить, как напряженно работали в это время судостроительная промышленность и сопутствующие отрасли, какие делались капиталовложения».

После смены главкома ВМФ в 1986 году, к сожалению, достижения флотской науки в этом направлении стали фактически игнорироваться. Вот что пишет об этом в своей статье¹ журналист Дмитрий Холодов²:

«В редакции «МК» имеется справка, подготовленная в 1992 году Российской военной контрразведкой и подписанная Николаем Галушко, — бывшим шефом Федеральной службы контрразведки. В ней под грифом «сов. секретно» недвусмысленно признается факт небоеспособности подводного флота России».

¹ «Московский комсомолец», 26 марта 1994 года.

² Холодов, Дмитрий Юрьевич — с 1992 года корреспондент газеты «Московский комсомолец». Писал о современной российской армии, побывал во многих горячих точках. Известен своими публикациями о коррупции в российской армии. Дмитрий погиб 17 октября 1994 года на рабочем месте в редакции газеты от взрыва самодельной мины-ловушки, находившейся в полученном им портфеле-дипломате.

Далее несколько раз цитируются выдержки из этой справки, касающейся шумности подводных лодок, в частности, о бесперспективности способа «достижения акустического равенства ПЛА¹ ВМС США отечественных ПЛА третьего поколения за счет только замены вспомогательных механизмов без изменения их архитектуры и проекта в целом», и Дмитрий Холодов пишет:

«Военная контрразведка зря трудилась. Эта справка не пригодилась никому. В интервью «Красной звезде» главком ВМФ² недавно заявил, что в Северодвинске состоялась закладка головной перспективной многоцелевой атомной подводной лодки».

«Перспективность» ее специалисты оценивают скептически, утверждая, что это — всего лишь очередная ПЛА типа «Сьерра»³, которых уже понастроено предостаточно.

Строительство «перспективных» бесперспективных лодок — классический пример действий военно-промышленного лобби. При отсутствии конкуренции это лобби практически всеильно — любая критика быстро нейтрализуется. Ведь речь идет о деньгах — и больших деньгах.

¹ ПЛА — аббревиатура «Атомной подводной лодки».

² В 1992–1997 годах Главнокомандующим Военно-Морским Флотом Российской Федерации был Феликс Николаевич Громов. Воинское звание Адмирал Флота ему было присвоено указом Президента РФ Б. Н. Ельцина в 1996 году.

³ Положившая начало третьему поколению ПЛА серия советских многоцелевых атомных подводных лодок, спроектированных с 1972 года и построенных в 1979–1986 годах. Получила номер проекта 945 и шифр «Барракуда» (Сьерра — название по классификации НАТО). Основное назначение — слежение за ракетными подводными лодками и авианосными ударными группами потенциального противника, а также гарантированное уничтожение этих целей с началом боевых действий.

...В той же справке говорится о попытке «оппозиционной группы» ученых пробить ряд изменений в стратегии строительства ПЛА¹.

«Эти предложения были поддержаны подводниками Северного и Тихоокеанского флотов, учеными, конструкторами и подтверждены межведомственными испытаниями и тактическими учениями в период 1982–1986 годов. Накопленный опыт был проанализирован заинтересованными ведомствами, а в 1985 году утвержден на ВТС ВМФ и рекомендован к внедрению в эксплуатацию. Вместе с тем следует отметить, что главком ВМФ В.Н. Чернавин, еще с 1974 года негативно относящийся к этим предложениям, по известным только ему мотивам, своей директивой № 0026 от 28.03.87 г. отклонил внедрение в эксплуатацию... В то же время предложения были активно поддержаны адмиралом флота Н.И. Смирновым, который в период с 1982 по 1986 год лично руководил проведением всех работ и испытаний».

Тогдашний главком ВМФ адмирал Чернавин перекрыл всякий кислород новым предложениям, вероятно, потому, что иначе пришлось бы объяснять упрямое игнорирование фактов с 1974 года! А чем больше становилось этих фактов, тем большим грифом секретности снабжались документы.

«Компетентные специалисты отмечают, что все заключения ВМФ, промышленности и науки, сделанные в ответ на обращения в инстанции академика Александра, адмирала флота Егорова (бывший начальник

¹ Следующие далее куски текста были выделены жирным шрифтом Дмитрием Холодовым, чтобы показать цитирование вышеупомянутой справки.

Главного штаба ВМФ. — Д.Х.) и капитана I ранга Колтона в период 1988–1990 годов, как правило, грубо искажают, а зачастую и фальсифицируют положительные результаты исследований и проработок, выполненных в период 1982–1986 годов. И в основном направлены на подтверждение ранее принятого главкомом ВМФ Чернавиным необоснованного решения, изложенного в директиве № 0026-87».

В любом деле, в особенности если это касалось научных исследований для флота, отец стремился вникнуть в суть дела, а если требовалось — самостоятельно учиться, и это уже будучи адмиралом флота. Сохранились из его архива черновики, свидетельствующие, что он разбирался в достаточно тонких вопросах гидроакустики, в частности, интересовался соотношением уровня сплошной и дискретной части спектра шума подводной лодки в зависимости от частоты звука и дистанции до цели. Анализировал, собственноручно составляя таблицы, данные по шумности американских и отечественных лодок, — в черновиках фигурировали, например, лодки «Стипджек», «Пермит», «Лос-Анджелес» и наша Б-326¹. Шумность нашей лодки, несмотря на то что она дизельная, существенно превосходила шумность атом-

¹ Дизель-электрическая подводная лодка проекта 641 (по классификации НАТО «букам» было присвоено название «Foxtrot») — считалась в 60-е годы одной из лучших в мире по архитектуре корпуса, мореходности, мощности энергетической установки, вооружению и другим параметрам. Кроме советского флота, эти лодки поставлялись за границу (Польша, Индия, Ливия, Куба). Подводная лодка «Б-116» (будущая «Б-326») вступила в строй в 1960 г. Находилась в составе Северного флота, в 1970 г. переименована в «Б-326». Неоднократно выполняла боевые службы в Средиземном море. В 1981 г. после очередной боевой службы в Средиземном море была перечислена в состав Черноморского Флота. Списана в 1994 году.

ной американской лодки типа «Лос-Анджелес»¹. Было о чем подумать, ведь нашу лодку на боевом дежурстве можно было по шуму достаточно легко обнаружить. Я не решился эти черновики здесь приводить, поскольку почерк у отца, в особенности когда он писал быстро, был ужасный, и на черновиках можно с трудом распознать отдельные слова и фразы. Про него в штабе флота ходил анекдот, что иногда первый зам главкома был не в состоянии прочитать собственные записи, однако его выручал способный секретарь, который с этим справлялся и докладывал: «Товарищ адмирал, здесь вы написали то-то и то-то». Возможно, впрочем, что это не просто анекдот, а быль. К сожалению, почерк от отца я унаследовал и, пожалуй, еще усугубил. Но зато усвоил на его примере, что учиться надо всю жизнь, и это мне, безусловно, пригодилось.

Еще один эпизод — на это раз из области развития отечественных средств гидроакустического пассивного обнаружения малошумных подводных лодок, описанный в книге Николая Черкашина². Несмотря на значительный размер приводимого отрывка, считаю уместным с некоторыми сокращениями привести его здесь — очень показательная история.

«В 1981 году старшего лейтенанта Курышева перевели в Полярный — на 4-ю эскадру дизельных подводных лодок. Ходил он на боевые службы на подлодке капитана II ранга Геннадия Нужина в качестве командира гидроакустической группы. Проводил в море опыты по цифровой обработке сигналов.

¹ Первая лодка этой серии вступила в строй в 1976 году.

² Черкашин Н. А. Чрезвычайные происшествия на советском флоте. - М.: Вече, 2007.

...Начальника политотдела эскадры капитана I ранга Василия Павловича Ткачева, в отличие от своего предшественника, подводники любили и уважали — за человечность, отзывчивость, готовность помочь найти выход из трудных житейских и служебных ситуаций. Как ни странно, но именно политработник сразу же оценил труды молодого офицера и немедленно позвонил начальнику штаба Северного флота адмиралу Вадиму Коробову.

...Адмирал Коробов позвонил командиру 4-й эскадры контр-адмиралу Василию Парамонову и дал сначала устный, а потом и письменный секретный приказ: старшего лейтенанта Курышева освободить от всех вахт и служб, дабы тот чертил свои иероглифы, то есть занимался наукой...

Тем временем адмирал Коробов доложил о работах Курышева в Москву — первому заместителю главнокомандующего ВМФ СССР адмиралу флота Николаю Ивановичу Смирнову. Тот распорядился отдать расчеты лейтенанта на экспертизу в профильный НИИ. Что и было исполнено без промедления.

И тут ведомственная наука обиделась. Восемнадцать титулованных мужей науки подписали разгромный отзыв, где отмечалось, что «метод Курышева не только не повысит дальность обнаружения, но и уменьшит ее на 30%». Резюме — надо бы наказать нахального лейтенанта.

...Адмирал Коробов, моряк от Бога и Герой Советского Союза — взял Курышева под свою личную защиту и снова позвонил в Москву адмиралу флота Смирнову. Тому тоже стало жаль «нахального» лейтенанта, и Николай Иванович принял соломоново решение: пусть Курышев соберет свой аппарат и докажет на практике эффективность своих расчетов. А там видно будет — наказывать его или награждать.

— Я проехал весь Союз от Риги до Новосибирска, — рассказывал Курышев. — Встречался с академиками Колмогоровым и Глушковым, со специалистами в области цифровых технологий. Практика флотской гидроакустики теперь дополнилась математической теорией вероятности¹.

...Адмирал Коробов дал мне семь рекомендательных писем на предъявителя с просьбой оказывать мне максимальное содействие. Письма с такой солидной подписью действовали безотказно.

В подмосковном Зеленограде с закрытой выставки мы получили благодаря усилиям адмирала флота Смирнова один из первых наших малогабаритных компьютеров.

Вскоре из двух первых цифровых анализаторов, созданных в СССР, оба уже были в Полярном, в неприметном домике возле нижнего КПП.

Начальник управления боевой подготовки ВМФ СССР адмирал Григорий Алексеевич Бондаренко всеми правдами и неправдами добывал и переправлял новейшее оборудование в Полярный. Надеялся, что именно там работа по острейшей флотской теме получит наибольшую скрытность от американской разведки, которая, разумеется, не оставляла без внимания закрытые военные НИИ.

Быть может, по тем же соображениям адмирал Г. Бондаренко инкогнито (минуя командира эскадры — контр-адмирала В. Ларионова) наведывался в курышевскую «лабораторию шумности» без лишнего шума.

— Необходимо было наладить сопряжение цифрового анализатора с портативной ЭВМ, то есть персональным

¹ Собственно, большая заслуга Курышева состояла в том, что он построил адекватную вероятностно-статистическую модель для обработки гидроакустической информации, а также нашел эффективный численный метод, позволявший решать задачу на маломощной ЭВМ того времени за приемлемое время.

компьютером, — рассказывал Курышев. — У меня это получилось. И тут первая стычка с РТУ — радиотехническим управлением ВМФ СССР. Дело в том, что академик Глушков получил ту же задачу, что и я. Но у него что-то там не заладилось. Потребовались немалые деньги на проведение работ в АН СССР. Суть скандала: Академия наук делает за 200 тыс. рублей то, что лейтенант Курышев делает для флота бесплатно.

Заместитель главкома Смирнов вызвал адмирала Коробова и старшего лейтенанта Курышева в Москву (должно быть, ни один лейтенант еще не переступал порога столь высокого кабинета), пригласил начальника РТУ ВМФ, контр-адмирала (имярек). Тот стал было защищать честь мундира, ссылаться на письмо академиков и постановление ЦК КПСС, но Смирнов его резко оборвал¹:

— Можешь засунуть все это себе в ж... ! Ты, п... , понял, что надо делать?

— Так точно!

— А теперь катись, п... , отсюда!

Отныне адмирал флота Смирнов взял всю ответственность за научно-практическую деятельность Курышева лично на себя.

Главкомандующий Военно-морским флотом СССР адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков тоже благословил «умного лейтенанта»: «Коли Курышев уверен, пусть работает». И подписал секретную директиву.

¹ Если приведенные далее выражения были произнесены в действительности, то учитывая характер и выдержку моего отца, это означает его крайнюю степень негодования: контр-адмирал не о деле говорит, не о существе проблемы, — свою шкуру спасает, прикрываясь «наукой» и компартией, а молодого талантливого офицера пытается опорочить.

Итак, была создана первая приставка «Рица». Ее поставили на полярнинскую подводную лодку Б-443, которой командовал капитан II ранга Чуканцов. Чуть позже, в декабре 1985 года, командир Б-517 капитан II ранга Юрий Могильников вышел на официальные испытания «Рицы». Вместе с ним вышла и комиссия из Москвы — те самые офицеры из спецНИИ, которые подписали когда-то разгромный отзыв на работу Курышева.

— Койки заправили по-белому. Питание по первому разряду, — рассказывает Курышев. — Вышли мы в Баренцево море. Работали с атомоходом и дизельной подлодкой. По атомоходу — дистанция обнаружения составила 315 кабельтовых, по дизельной лодке — 147, что в пять раз перекрывало стандартные нормативы.

И тут полный триумф! Причем совершенно неожиданный. Когда Могильников отдал приказание всплывать на зарядку аккумуляторной батареи, «Рица» вдруг выдала пеленг на американскую атомную подводную лодку, которая следила за нашим атомным подводным крейсером.

...Могильников никогда не кривил душой, как не кривил он, рассказывая и об этом эпизоде:

— Я взял ее с дистанции почти в 400 кабельтовых! — он и сейчас еще не может спокойно вспоминать тот давний эпизод. — «Американка» шла в кормовом секторе нашей «Азухи» на расстоянии пяти-семи кабельтовых, то сокращая, то увеличивая дистанцию. Уверенный шумопеленг мы взяли на дистанции 40-50 кабельтовых. Супостат почувствовал слежение, засуетился и зашарахался. Я доложил командующему флотом, выдал координаты цели — «шапка»-«добро». Все, берите ее!

Комфлота выслал противолодочный самолет, обвеховали американскую лодку буюми. Контакт подтвержден: я сам обалдел от той дистанции, на которой мы ее взя-

ли! Когда в Москву ушли наши кальки, никто не верил. Но я же сам бывший РТСовец! ВВМУРЭ кончал. Я же сам это все видел! Однако московская наука была глуха. То ли тогда уже подыгрывали штатникам. Не хотели, чтобы мы брали америкосов на такой дистанции. А чем еще это объяснить? Полный ноль интереса!

Виктор Курышев:

— Наутро мы получили телеграмму от командующего Северным флотом адмирала флота Ивана Матвеевича Капитанца: «Поздравляю командира и экипаж с обнаружением ПЛА. Контакт подтвержден самолетами ПЛО и двумя эсминцами».

И все мои враги от официальной науки, находившиеся на борту могильниковской подводной лодки, вынуждены были подписать акт о беспрецедентной дистанции обнаружения!

Да, это была победа! Которую, однако, РТУ ВМФ не спешило признавать: как это так — без участия науки, какой-то старлей.

Тем не менее адмирал флота Н. Смирнов дает директиву: внедрить 100 комплектов «Рицы» на атомных подводных лодках.

...День 11 апреля 1987 года может по праву считаться праздником советской акустики, днем гидроакустического реванша. Именно в тот день мы встали вровень с американцами в области гидроакустических технологий. И вот почему.

11 апреля атомная подводная лодка под командованием капитана II ранга Николая Попкова шла в глубинах Атлантики. Попков собирался прилечь в своей каюте после затянувшейся командирской вахты, но в этот момент оператор «Рицы» мичман Шильдяев доложил о цели, взятой приставкой на запредельной дальности. С Попкова мгновенно слетел сон. Веря в эффект «Рицы», командир 8 (!) часов шел по

«виртуальному» пеленгу, пока не вышел на акустический контакт с американским подводным ракетоносцем. Взял его за 40 миль и вел слежение за ним в течение 11 часов.

А Курышев ничего об этом не знал. Его перевели из Полярного (возможно, подальше от лишних глаз) в Архангельск преподавателем в школу младших специалистов ВМФ. Начальник школы был очень удивлен, когда в адрес капитан-лейтенанта Курышева пришла поздравительная телеграмма от адмирала флота И. Капитанца.

А дальше судьба «Рицы» была печальной. В 1988 году¹ умер адмирал Г. Бондаренко. Затем ушел из жизни адмирал В. Коробов. Адмирал флота И. Капитанец перевелся в Москву, став заместителем главкома.

С большим трудом старшему лейтенанту Курышеву удалось получить очередное воинское звание. Командир бригады подводных лодок капитан I ранга Геннадий Сучков, который тоже как мог покровительствовал «умному лейтенанту» Курышеву, назначил его на месяц командиром БЧ-3 — минно-торпедной боевой части, чтобы тот смог получить четвертую звездочку на погоны.

А потом грянуло ГКЧП! Тут и вовсе началось флотокрушение. Новый главком ВМФ адмирал Громов приказал закрыть работы по теме «Рица». А новый командующий Северным флотом адмирал Олег Ерофеев пошел еще дальше — отдал капитан-лейтенанта Курышева под суд за «разбазаривание государственных средств в особо крупных размерах». В советские времена это была «расстрельная» статья. С большим трудом с Курышева сняли обвинение, но предложили уволиться в запас. В 1991 году он ушел с флота в чине капитан-лейтенанта».

¹ В этом же году мой отец покинул пост первого заместителя главнокомандующего ВМФ.

Отрадно видеть, что сегодня шумности атомных подводных лодок и средствам гидроакустического обнаружения противника придается первостепенное значение. Значит, не зря работал в этом направлении мой отец. Вот что Сергей Тихонов пишет в Expert Online:

«За годы хаоса 1990-х Москва утратила преимущество морской составляющей триады — из 12 стратегических ракетносцев к 2000 году в строю осталось только четыре, два из которых уже выработали свой ресурс, остальные не удовлетворяли новым требованиям по уровню шума и локационной заметности. Паритет по ядерной триаде был нарушен в сторону Америки. Однако с выходом на боевое дежурство первых подводных лодок проекта 955 «Борей» с 16 баллистическими ракетами «Булава», а в перспективе усовершенствованных кораблей проектов 955А/У с 20 ракетами мы не только восстановили баланс сил, но и получили дополнительные стратегические преимущества по гарантированной доставке ядерных блоков в любую точку планеты. После принятия на вооружение «Юрия Долгорукого» в декабре 2013 года замкомандующего стратегического командования США (USSTRATCOM) генерал Роберт Форст признал, что российские лодки 955-го проекта представляют самую большую угрозу безопасности США.

...Ракетносцы проекта 955 имеют в пять раз меньшую шумность, чем лодки проектов 971 «Щука-Б» и 949А «Антей», и в два раза меньшую по сравнению с перспективными американскими «Вирджиниями» четвертого поколения. Движение осуществляется с помощью одновального водометного движительно-го комплекса с высокими пропульсивными характеристиками, которых не может достигнуть ни одна

подводная лодка в мире. «Борей» имеет два откидывающихся подруливающих устройства и выдвижные носовые горизонтальные рули с закрылками.

А вот теперь о самом главном узле РПКСН — гидроакустическом вооружении. Там установлен МГК-600Б «Иртыш-Амфора-Б-055» — это единый комплексированный автоматизированный цифровой ГАК, объединяющий в себе как сам ГАК в чистом понимании (шумопеленгование, эхопеленгование, классификация целей, обнаружение ГА-сигналов, ГА-связь), так и все гидроакустические станции «малой акустики» (измерение толщины льда, измерение скорости звука, миноискание, поиск полыней и разводий, обнаружение торпед). По дальности действия (320 км) данный комплекс превосходит ГАК подводных лодок ВМС США типа «Вирджиния» (230 км). Количество одновременно сопровождаемых гидроакустических целей — не менее 30».

В настоящий момент Россия имеет на вооружении три атомные подводные лодки стратегического назначения, относящиеся к четвертому поколению, — три корабля проекта РПКСН 955: «Юрий Долгорукий», «Александр Невский» и «Владимир Мономах» В конце лета 2017 года планируется спуск на воду четвертого РПКСН, «Князь Владимир», строящегося по модернизированному проекту 955У «Борей-А», показатели шумности для которого еще улучшены. В закладке этого атомного подводного крейсера летом 2012 года на верфи завода «Севмаш» в Северодвинске принял участие президент России Владимир Владимирович Путин. И я горжусь своей страной и ее людьми, которые, несмотря на, казалось бы, необратимое разрушение промышленности в 1990-е годы, восстанавливают военно-морскую мощь России.

В группе генеральных инспекторов

Весной 1988 года отец ушел с поста первого заместителя главнокомандующего по возрасту. Маршалов в СССР на покой не отпускали (отставке они не подлежали), и он вошел в так называемую золотую роту. Официально эта должность называлось военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Там были все знаменитые военачальники и флотоводцы, люди далеко не первой молодости, но с огромным опытом и стремлением работать, воспитывать молодежь. В этой ипостаси отцу доводилось писать статьи, ездить с инспекциями на ключевые оборонные объекты, в военно-морские училища для вручения дипломов молодым офицерам, вести общественную деятельность. И везде, где бы ни появлялся, находил тех, кому нужна помощь. Не знаю, как сейчас обстоит дело, а в 1980-е распространенной проблемой в парном катании были травмы спины у девушек. Партнеры их во время тренировок часто роняли, а традиционная медицина справиться не всегда могла. Отец, обладающий массой полезных знакомств, направлял пострадавших фигуристок к знакомому костоправу. Помню, как он радовался, когда удавалось помочь некоторым девочкам из команды ЦСКА, где тренером по фигурному катанию был Станислав Жук.

В ноябре 1985 года появился первый внук — Ваня, радость была огромная. Когда мы вернулись с Мадагаскара, где я работал с 1986 по 1989 год, папа уже тогда неважно себя чувствовал, но с удовольствием возился с внуком, много с ним общался, играл в развивающие игры. Мой сын рано взялся за книжки, рос ребенком не по годам развитым. Возможно, что у него врожденные способности, но в большей степени, я уверен, это результат обще-

ния с дедушкой. Они очень привязались друг к другу. У наших знакомых был сын-вундеркинд, и отец сравнивал его с Ваней: сетовал, мол, немножко мы не догоняем... Так переживал. Но в итоге Ваня пошел в школу на два с половиной года раньше сверстников. Поначалу он (неофициально) ходил иногда в первый класс к знакомой учительнице — мы просто хотели, чтобы он научился писать. Но в конце первого класса выяснилось, что он лучше всех читает и считает. Дедушка надел ордена и пошел к директору школы. С трудом (шел 1991 год и на ордена уже не очень обращали внимание), после собеседования с Ваней, руководство школы согласилось взять его уже официально во второй класс.

Пожалуй, самое яркое и запоминающееся событие для Вани, связанное с памятью о дедушке, — последний советский Парад Победы 9 Мая 1990 года. Мы тогда специально к этому празднику купили ему матросский костюмчик. Маршалы и космонавты стояли на отдельной трибуне рядом с Мавзолеем. Ваня вместе с дедушкой общался с его боевыми товарищами и друзьями. В мае 1990 года родился второй внук, Вася, и бабушка с дедушкой чрезвычайно радовались, с удовольствием нянчились и с ним. Однако сам Вася сильно жалеет и немного завидует Ване, что ему не довелось пообщаться с дедушкой в мало-мальски сознательном возрасте, и потому о дедушке знает только по рассказам и фотографиям.

Период с 1990 по 1991 год был сложным, и отец прекрасно понимал, что страна на пороге бедствий. Говорил (а мы по наивности тогда не очень этому верили), что в значительной степени это результат целенаправленной подрывной работы США. Особенно сильно его огорчало, что подвергались сомнению ценности наших отцов, которые выиграла войну, полетели к звездам, отстроили державу.

От традиционных почета, заслуженного уважения к пожилым военным с маршальским званием практически ничего не осталось. Все развивалось стремительно: сперва маршалов лишали адъютантов, затем отменили паек,

На последний советский парад Победы — с внуком Ваней

так что родителям самим приходилось стоять в очереди за продуктами. Отец, конечно, сильно переживал этот слом эпохи. Отстоять в очереди — не проблема, не такое видали в разруху после войны, но видеть, как рушится государство и флот — дело всей его жизни, было неважноту. За державу было обидно. Может быть, потому он так быстро и ушел из жизни.

Но, несмотря на плохое самочувствие, не сидел сложа руки. Активно поддерживал, по крайне мере морально, Игоря Касатонова¹, адмирала, командующего Черноморским флотом в 1991–1992 годах, не допустившего того, чтобы Россия потеряла Черноморский флот и Севастополь после развала СССР. Помню, что звонил ему в трудный час, говорил, что Игорь все правильно делает. Вместе с адмиралом флота Н.Д. Сергеевым, генерал-полковником авиации Г.А. Кузнецовым² и вице-адмиралом К.А. Сталбо³ в начале 1992 года было написано открытое письмо президенту Украины⁴, в котором выражалась тревога по поводу судьбы Крыма, Севастополя и Черноморского флота.

Последняя статья отца «Быть ли России великой морской державой» появилась в период, когда он был серьезно болен. По сути дела, мы ее готовили вместе — папа

¹ Впоследствии — первый заместитель Главнокомандующего ВМФ России, в 1992–1999 годах. Сын адмирала флота, Героя Советского Союза Касатонова Владимира Афанасьевича, в 1964–1974 годах — первый заместитель Главнокомандующего Военно-Морского Флота СССР, которого на этом посту сменил в 1974 году Смирнов Николай Иванович.

² Георгий Андреевич Кузнецов — Герой Советского Союза, в 1982–1988 годах командующий авиацией Военно-Морского Флота СССР.

³ Казимир Андреевич Сталбо — доктор военно-морских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, в 1971–1985 годах — председатель Научно-технического комитета ВМФ.

⁴ «Российская газета» от 14 января 1992 года.

говорил, обсуждал со мной, я записывал и редактировал, показывал папе, а потом сам печатал на пишущей машинке — адъютанта в это время уже не было. Полный текст ее помещен в конце книги.

Болезнь отец не привык: отгулы, выходные, больничные не брал. Он обычно занимался самолечением. К сожалению, экспериментировал иногда с медикаментами и на себе. А это в пожилом возрасте очень опасно. Думаю, из-за этого в конце восьмидесятых у него и случился микроинсульт, когда, несмотря на грипп, поехал на работу и в результате заработал осложнение. Его сослуживцы рассказывали, как еще в войну, команду подводной лодкой «Малютка», делал уколы себе и своим подчиненным. На малой подлодке, разумеется, ни врачей, ни медсестер нет. Вообще же здоровье ему досталось от природы недюжинное, закалка костромская, деревенская, кость крестьянская. Может, потому и не хотел докторов видеть, лечиться категорически не желал. Впервые попал в госпиталь на обследование, можно сказать, по принуждению, в конце 1991 года — на медосмотр его смогли затащить лишь в приказном порядке. Правда, к этому времени он уже чувствовал себя не очень хорошо.

И тут обнаружилась злокачественная опухоль. Тогда он сказал: «Решено, буду делать операцию». И 1 апреля 1992-го сделали пункцию печени. Видимо, напрасно, но отговорить его тогда мне не хватило мудрости. Возможно, не будь той операции, отец прожил бы еще лет десять. Поэтому до сих пор сожалею, что не отговорил... Обидно, что в какой-то степени при схожих обстоятельствах погиб его близкий друг — М.А. Лесечко, зампред Совмина СССР. У него была язва желудка, и ему назначили операцию в Кремлевке. Возраст далеко за 70. Спрашивается, зачем? Папа, кстати, отговаривал: «Михаил Авксентье-

вич, не надо, так вылечим. Травники же есть хорошие». А тот сказал: «Николай Иванович, дорогой, спасибо тебе за заботу, но я уже принял решение — мне неудобно отказать». Язву оперировали удачно, но стали отказывать другие органы...

Умер отец 8 июля 1992-го. Для меня это был сильнейший удар, долго не мог прийти в себя, был как в дурном, кошмарном сне. Помню, что похороны на Новодевичьем проходили в очень жаркий день, а особенно запомнилось, что руководитель похорон, Аниканов Олег Карпович¹, не побоялся в это смутное время отдать приказание оркестру — исполнить гимн Советского Союза — страны, которая уже прекратила существование. Я за это Олегу Карповичу искренне благодарен — ведь отец служил Советскому Союзу...

После ухода отца из жизни

Хорошо известно, что в начале 1990-х у Министерства обороны (МО) были большие проблемы, в том числе финансовые. Средств, выделенных МО на памятник, не хватило даже на заливку бетонного фундамента. Пришлось выкручиваться, договариваться — большими деньгами мы не располагали. Благодаря помощи начальника гранитного цеха Востряковского кладбища удалось создать памятник по моим чертежам. Дорожку и посадку туи делали своими руками. Бронзовый бюст отца работы скульптора Г.А.Черниенко был выполнен при жизни,

¹ Генерал-полковник, в то время заместитель Главнокомандующего ВМФ по строительству, инженерному обеспечению и расквартированию.

*На Новодевичьем кладбище, начало 2000-х годов. Слева
направо: Иван Смирнов, внук; Наталья Аракелова,
дочь; Елена Смирнова, невестка; Василий Смирнов, внук;
Сергей Смирнов, сын*

и папа хотел, чтобы он был установлен после его смерти на надгробном памятнике.

В 1999 году мне неожиданно позвонили из Главного штаба ВМФ и пригласили на мероприятие по вручению наград морякам, участвовавшим в трагических событиях, связанных с гибелью линкора «Новороссийск» в 1955 году, представленных к наградам, но незаслуженно отмененных высшим руководством, несмотря на проявленное моряками мужество и героизм. В то время случай неувидительный, даже о погибших просто замалчивали. И только в 1999 году справедливость была восстановлена. Мой отец тогда участвовал

в спасательных работах и был представлен к награждению орденом Красной Звезды. В 1999 году этот советский орден, разумеется, прекратил существование, но отца посмертно наградили российским орденом Мужества — за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при спасении экипажа линейного корабля «Новороссийск».

Обстановка была крайне тяжелой — взорвавшийся линкор в результате ошибочных действий командующего флотом перевернулся и около 800 человек попали в стальную ловушку, практически в безвыходное положение. Спасти удалось очень немногих. О том, как неожиданно в этот трагический момент пригодился интерес отца к научным исследованиям на благо флота, его дружба с учеными, в частности с А.С. Шеиным¹, рассказывается в отрывке из книги Николая Черкашина «Тайны погибших кораблей»:

«Меньше всего я ожидал услышать подробности спасения этих людей в кабинете первого заместителя главнокомандующего Военно-морским флотом СССР адмирала флота Н.И. Смирнова. Среди прочего, разговор наш коснулся «Новороссийска», и Николай Иванович тяжело задумался.

— В конце 1955-го я командовал подводными силами Черноморского флота. В то время на наших кораблях работал замечательный ученый-физик Аркадий Сергеевич Шеин. Он испытывал опытный образец аппаратуры звукоподводной связи (ЗПС). С помощью

¹ С 1949 года А.С. Шеин работал во Всероссийском научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) заведующим лаборатории гидроакустических приборов, автор 13 изобретений. Под его руководством была создана гидроакустическая аппаратура звукоподводной связи на основе кольцевых пьезоэлектрических преобразователей.

этой системы подводная лодка могла переговариваться с другой подводной лодкой, находясь на глубине. Сейчас ни один подводный корабль не выходит в море без аппаратуры ЗПС. А тогда, как ни странно, в целесообразность ЗПС верили не все, и Шеин проводил свои эксперименты как бы полуофициально. Во всяком случае мы, подводники, делали все, чтобы ему помочь.

Когда в памятную октябрьскую ночь меня разбудил звонок оперативного дежурного и голос в трубке сообщил о несчастье с «Новороссийском», я сразу же подумал о Шеине и его аппаратуре: а не поможет ли она в этой беде? Доложил о своей идее начальству, получил «добро», и к рассвету 29 октября мы вместе с изобретателем и его приборами прибыли на катере к месту катастрофы. Днище линкора еще возвышалось из воды. Шеин поставил гидрофон-излучатель прямо на корпус корабля и дал мне микрофон. С борта катера я стал медленно повторять: «Всем, кто меня слышит! Всем, кто меня слышит! Ответьте ударом металлического предмета в корпус!»

Едва я опустил микрофон, как корпус линкора загрохотал от ударов. Насчитали ударов шестьдесят. Теперь надо было определить, кто где находится. Я взял схему линкоровских помещений и разделил ее карандашом на три части: нос, середину, корму. Затем обратился по звукоподводной связи только к тем, кто находился в носу. Люди откликнулись, и я пометил на схеме число ударов. Точно так же обследовали середину и корму. Потом я стал называть номера кубриков. Если там кто-то находился, тут же откликались стуком... Так довольно быстро мы составили точную схему нахождения людей в недрах линкора. Самыми старшими среди них по опыту,

годам и званию был начальник техупра флота инженер-капитан I ранга Иванов. Я обратился к нему: слышит ли он меня? Иванов ответил стуком из района первого машинного отделения. Весь личный состав поста энергетики и живучести перешел именно туда.

К сожалению, наша связь была односторонней: меня слышали, но ответы на вопросы давались только ударами по металлу. Я спросил: «Как самочувствие? Ответьте по пятибалльной шкале!» В воздушной подушке они провели уже несколько часов, и воздух там изрядно подпортился, и все же — мужественные люди! — из первого машинного простучали пять раз. И даже потом, теряя от удушья сознание, они все равно стучали: «Самочувствие хорошее». Несколько человек скопилось в 28-м (кормовом) кубрике. К ним послали водолаза, но тот не смог туда пробиться. На его пути трупы погибших стояли стеной. Пошел второй и тоже вернулся ни с чем...

...В кубрик должен был пролезть старший матрос Онуфриенко. Его проход и вывод пострадавших обеспечивал старший матрос Скапкович, а у входного кормового люка их должен был встречать главстаршина Виноградов. Онуфриенко благополучно добрался до места и доставил два кислородных дыхательных аппарата.

Молодой матрос Семиошко был из электромеханической боевой части, где проходил легководолазную подготовку. А вот Хабибулин из башни пользоваться аппаратом не умел. К тому же от пережитого оба были на грани нервного срыва. И тогда снова неведомо откуда, то ли из затопленного в кубрике динамика, то ли из-за борта — спокойный, обнадеживающий голос.

— Товарищи, — говорил Смирнов в микрофон, — эти аппараты весьма надежны и просты в обращении. Они спасут вам жизнь. Надо только соблюсти порядок включения... И дальше — все девять пунктов, согласно инструкции... В кромешной тьме, на ощупь, они освоили эти аппараты. Вскоре доложили о готовности к выходу.

— Я сказал им: с Богом! — вспоминал адмирал флота, — и они пошли...»

Вручались высокие награды в Главном штабе ВМФ группе из нескольких человек, в том числе и мне как сыну. По этому случаю на пиджаке у меня красовался выпускной знак Нахимовского училища — хотелось показать свою причастность к флоту. Награждение производилось лично Владимиром Владимировичем Путиным, тогда премьер-министром. Мне очень хотелось сказать слова благодарности Владимиру Владимировичу, но я себя сдержал, поскольку по праву это должны были сделать ветераны. Однако мне показалось, что он, пожимая мне руку, взглядом дал понять, что он это почувствовал.

В 2010 году на здании дома на Мосфильмовской улице, где проживал отец, была торжественно открыта мемориальная доска в бронзе (работа скульптора А.В. Головачева). На торжественной церемонии, в частности, присутствовали и выступали адмирал флота И.М. Капитанец¹ и адмирал И.Н. Хмельнов². Пользуясь случаем, выражаю

¹ Иван Матвеевич Капитанец в 1988 года назначен первым заместителем Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР, сменив на этом посту моего отца. С 1992 года — в отставке.

² Игорь Николаевич Хмельнов был командующим Тихоокеанским флотом (1995–1996 гг.), начальником Главного штаба ВМФ — 1-м заместителем Главнокомандующего ВМФ (1996–1997 гг.).

После вручения награды в Главном штабе ВМФ, фото с В.В. Путиным. Справа — главнокомандующий ВМФ РФ адмирал В.И. Куроедов¹

благодарность «Клубу адмиралов» за организацию этого мероприятия².

В 2011 году уменьшенная бронзовая копия работы скульптора А.В. Головачева была установлена во Владивостоке на здании штаба флота³. Благодарен контр-адмиралу Симакову Евгению Викторовичу за помощь в организации установки этой мемориальной доски.

¹ Владимир Иванович Куроедов, впоследствии адмирал флота, Главнокомандующий ВМФ России в 1997–2005 годах.

² Фотоотчет об этом мероприятии размещен на сайте Клуба адмиралов.

³ Это здание было построено, когда отец командовал ТОФ, по его инициативе.

Мемориальная доска на здании штаба ТОФ, Владивосток

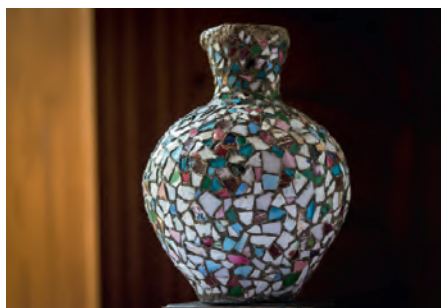
С 2010 года наша семья стала жить преимущественно в доме под Боровском. Здесь мне удалось осуществить свою мечту — создать мемориальную комнату, где собраны вещи, связанные с памятью отца, — по сути дела, домашний музей. Хотя многое из архивов, к сожалению, до сих пор еще не разобрано. Вот, например, всего лишь пара интересных «экспонатов».

В конце 1971 года подводная лодка Щ-125, на которой отец был штурманом в первые годы своей службы на Тихоокеанском флоте, исключена из списков плавсредств ВМФ. При демонтаже и разделке на металл была сохранена часть лодки и подарена на память командующему ТОФ.

Сувенир — частица подводной лодки Щ-125

После войны в Севастополе и его окрестностях почти все было разрушено. Используя кусочки разбитой посуды, лежавших на развалинах домов, отец сделал своими руками свадебный подарок маме.

Глиняная ваза, отделанная кусочками разбитой посуды, 1945 год

Символично, что наш дом находится в деревне Комлево¹ — родовом имении Сенявиных, из рода которых

¹ Находится в Боровском районе Калужской области, в непосредственной близости от Боровска

произошло несколько адмиралов, наиболее известным из которых является адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. В 2013 году, к 250-летию со дня рождения, в Боровске был торжественно открыт бронзовый памятник адмиралу Д.Н. Сенявину.

Папа был бы безумно счастлив узнать, что летом 2016 года у него родился правнук, полный тезка. Ваня и его супруга Таня сами определились с его именем, назвали в честь Ваниного дедушки, чему мы очень рады. Так в нашей семье появился Николай Иванович Смирнов 2-й.

Николай Иванович Смирнов 2-й, лето 2017 г.

Хотелось бы, чтобы мальчик вырос похожим на прадеда — Человеком с большой буквы.

Ровесник Октября¹

Виктор Васильевич Синегубов,

капитан I ранга

Военная судьба свела меня с Николаем Ивановичем Смирновым еще в 1963 году. Тогда гвардейский большой противолодочный корабль «Сообразительный», которым я командовал, перебазировался на Черноморский флот, и мне предстояло сдать ряд зачетов, в том числе и по управлению кораблем. Комиссию возглавил начальник штаба флота контр-адмирал Смирнов.

Опрос был устроен не только по знанию навигационно-гидрографических особенностей Черного моря, но и по другим вопросам. Диапазон их можно представить, если вспомнить экзамен на получение водительских прав. Правда, у автомобиля мотор мощностью 80–100 л.с., а корабль имеет несколько двигателей с суммарной силой в сотню-полторы раз большей. Водителю достаточно знать лишь правила дорожного движения, а командиру, кроме правил предупреждения столкновений судов в море, еще условия эксплуатации доброго десятка комплексов боевой техники, установленной на корабле.

Первую часть зачетов сдавал в кабинетах, вторую — в море. Пришлось под наблюдением начальника штаба решать различные задачи, выполнять маневры.

¹ Написано в середине 80-х годов. К сожалению, не удалось установить, была ли эта статья напечатана в каком-либо из журналов. Воспроизводится с незначительными купюрами по машинописному тексту, сохранившему в архивах.

Бросилась в глаза одна особенность. За время похода адмирал не вмешивался в распоряжения командира и корабельных офицеров. Однако чувствовалось, что он на чеку, готов предотвратить ошибочные действия. А вот после возвращения к причалу сделал подробный разбор маневров, произведенных по его командам. Одно — одобрялось, другое — подвергалось критике. Давались рекомендации. Деловой конкретный разговор шел на равных. Это сразу расположило к старшему, вызывало чувство признательности и желание оправдать его надежды. Я понял, что имею дело с опытным моряком, компетентным военачальником. В этом высоком, подтянутом адмирале угадывались недюжинные знания и организаторские способности.

Такая строгая проверка командиров к самостоятельному управлению кораблем, проводимая контр-адмиралом Смирновым, не оставляла щелей для случайных оценок и ошибок при назначении на должность командира. В штабе исходили из того, что любой прекрасно разработанный план не будет жизненным, если командиры со своими экипажами не выполнят положенное. Поэтому предпочитали лишний раз посмотреть на человека в работе.

В любом деле, за которое брался Смирнов, чувствовалась продуманность, особый подход, четкое понимание целей. Оно как бы обретало стройность и увлекало исполнителей. Поэтому у Николая Ивановича всегда находились многочисленные инициативные помощники.

Когда, например, Николай Иванович не столько по своему служебному положению, сколько по творческой натуре стал признанным лидером в создании приборов машинного обучения и внедрения их в учебу, то его начинание поддерживали во всех частях флота. Сроки освоения новичками специальности резко уменьшились за счет сокращения времени на контроль и повторение пройден-

ного. Такой подход к подготовке личного состава получил признание далеко за пределами флота.

Порой Николай Иванович вспоминал свое детство и юношество. Оказалось, что стремление к творчеству у этого человека — качество врожденное. С малолетства впитывал Коля красоту труда, которая открывалась перед ним в размеренно точных движениях матери с ухватом у печи, широких размахах косы в руках отца. А уж когда брался батя за топор, то даже дух захватывало. Какие только чудеса не появлялись из досок и чурок!

В многодетной семье ценилась каждая пара рук. Где-то лет с пяти дети становились помощниками родителей. Не миновала эта участь и Колю. Трудился он с интересом, старался во всем подражать отцу.

Особенно доставалось зимой, когда мужики занимались отхожим промыслом. Трудно сказать, когда и кто из костромских умельцев проложил путь на заработки в Петроград. Может быть, ими были еще рекруты на постройку петровских кораблей. Но и в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции с появлением первых морозцев отец, захватив в суму немудреный плотницкий инструмент, уходил из деревни. Хозяйство требовало денег.

Коля рано начал учиться. Случай помог. Как-то старший брат Михаил послал его с запиской в школу к знакомой учительнице. Для ответа, видимо, было нужно время, и та посадила посланца в класс. Мальчик сразу увлекся палочками, из которых слагались буквы, слоги, слова. Его старательность и любознательность заметила учительница и порекомендовала родителям отпустить Колю в школу. Так, в группе прибавился шестилетний новичок.

После окончания лесной школы брат уехал работать в Медвежьегорск и забрал Колю с собой. Там окончил Смирнов семилетку. Смышленного парня для продолже-

ния учебы отослали к дальней родственнице в Ленинград. И не ошиблись. Николай, несмотря на все трудности начала тридцатых годов, на отлично окончил десять классов средней школы.

Оставаясь верным творчеству, полюбившемуся с детства, Смирнов поступает в архитектурно-строительный институт. Здесь под руководством маститых профессоров, грамотных преподавателей он познал математические законы, методы строительства, приобрел опыт самостоятельного мышления, а также навыки работы над книгой. Появилось и чувство ответственности за поступки, действия.

В 1937 году комсомольская ячейка вручила Смирнову как одному из лучших студентов путевку в Военно-морской флот, над которым шефствовал комсомол. Очень не хотелось Николаю расставаться с институтом, но и комсомольская дисциплина обязывала, и сердце подсказывало — надо.

Студентов направляли в морские училища, сразу зачисляли на третий курс. Смирнова определили в Высшее военно-морское Краснознаменное им. М.В. Фрунзе. Подошел он в военморы по всем статьям: и по образованию, и по здоровью.

Годы обучения пролетели на спецфакультете быстро. То, что осваивали другие курсанты за четыре года, бывшим студентам пришлось изучать за два. Естественно, и напряжение большее. Но верный своим принципам, обладая завидным трудолюбием, Николай и училище заканчивает с отличием. Перед ним открыта дорога на флот. Он выбирает Тихоокеанский. Ведь Дальневосточный край в ту пору был особенно горячей точкой. Незадолго перед этим японским провокаторам был дан достойный отпор у озера Хасан. Но милитаристы не унимались. Теперь шли боевые действия на реке Халхин-Гол.

С прибытием на флот появились огорчения. Вместо подводной лодки получил назначение на сторожевой корабль «Красный Октябрь». Но приказ есть приказ. Старанием, добросовестностью, знаниями быстро завоевал авторитет, доверие командира корабля. Правда, от мечты не отказался. Продолжал проситься в подводники. В конце концов настойчивость лейтенанта победила. Во многом помогла и благожелательность старших.

Приход на лодку Николаю Ивановичу запомнился на всю жизнь. Прибыл представляться, а экипаж готовит корабль к выходу в море. Подошел к командиру, назвался. В ответ услышал:

— Познакомимся в море. Принимайте подразделение. Через час снимаемся.

Ясно. Судить будут по делам. Собрал, как говорится, в кулак волю, постарался вспомнить все, чему учили. Поход был скрытным, шли под водой без определений, по приборам. За пять минут до расчетной точки всплытия для выполнения учебно-боевой задачи доложил командиру. В надводном положении проверил местонахождение по береговым ориентирам. Невязка небольшая, вполне допустимая.

Оценку своей работе новичок случайно услышал из уст командира соседнего корабля, который позавидовал своему коллеге:

— Повезло тебе. Подцепил штурмана что надо. С первого захода в точку вывел.

Но Смирнов не зазнавался. Он никогда не полагался на везение. И был убежден, что успех зависит от знаний, умения, навыка. Поэтому постоянно совершенствовался в своем деле. Стремился работать самостоятельно. Без подсказок. Не стыдился учиться и у других.

С чувством глубокого уважения и благодарности вспоминает Николай Иванович своего первого командира

капитан-лейтенанта М. Даневича, ныне капитана I ранга в отставке. Служба под его руководством стала хорошей штурманской школой. В походах Михаил Иванович через каждые четыре-шесть часов неизменно сам определял место корабля, наносил его на карту. Такой порядок невольно заставлял работать более внимательно, настойчиво учиться. Перед таким командиром стыдно было сплеховать.

Много полезного почерпнул Смирнов и у флагманского специалиста капитана II ранга М. Котухова. Эта наука позже во многом определила успех дальнейшей службы.

С началом Великой Отечественной войны тихоокеанцы тоже встали на боевую вахту. Провокации японской военщины на море создали суровую, напряженную обстановку. Через сетку перископа подводники видели «мирный» оскал кораблей микадо. И чем тяжелее складывалась для нас ситуация на советско-германском фронте, тем больше распоясывались японцы. То советский пароход захватят, то «неизвестная» подлодка потопит судно под красным флагом. Нападения ожидали практически каждый день.

Смирнов настойчиво изучал боевой опыт североморцев, балтийцев, черноморцев, оттачивал навыки, пополнял знания. Все время мечтал сразиться с врагом. Завидовал товарищам, которые направлялись на Запад.

Командирские способности офицера Смирнова, его высокое мастерство, умение ладить с людьми не остались не замеченными старшими. Его назначают помощником, а в апреле 1943 года — командиром подводной лодки.

Только в 1944 году, образно говоря, дошла очередь до переброски подводной лодки М-115 с экипажем, которым командовал Смирнов, на черноморский театр военных действий. Теперь известно, что десятитысячнокилометровый транссибирский маневр по железной дороге

группы тихоокеанских кораблей и катеров на кавказское побережье был предпринят по решению ставки Верховного главнокомандующего для усиления флота в предверии Яско-Кишиневской операции. В ней морякам отводилась важная роль: огневая поддержка войск 3-го Украинского фронта, нарушение морских коммуникаций врага и защита своих путей сообщения.

Действовать Смирнову пришлось в ту пору, когда на Черном море подводники должны были не только уничтожать корабли и суда противника, но и нести скрытую дозорную, можно сказать дипломатическую, службу. Нельзя было попутать суда нейтральных стран с теми, которые в нарушение международного права могли появиться для действий на наших тыловых коммуникациях. Наступило время агонии «тысячелетнего» фашистского рейха, и ожидать можно было любых авантюр.

Наблюдение в перископ за водной поверхностью часами, сутками — утомительно. Судов проходило немало и опознать их особенно в темное время суток, в тумане было непросто. Экипаж под командованием Н. Смирнова неоднократно выполнял такую задачу. При этом умелый расчет командира, его грамотность играли не последнюю роль. За успешные действия офицер Н. Смирнов был награжден орденом Отечественной войны II степени.

После победы над фашистскими захватчиками Николай Иванович щедро передавал свой опыт подчиненным на всех постах, которые он занимал. Это определяло успех в боевой и политической учебе. Хорошая подготовленность подводников была лучшей рекомендацией для Смирнова, когда он был командиром соединения, командующим подводными силами на Черном море и Балтике. С 1960 года контр-адмирал Н. Смирнов возглавил штаб Черноморского флота, а в 1964 году ему присвоили звание вице-адмирала.

Привычка Николая Ивановича продумывать действия от начала до конца, во всех аспектах, позволяла флагману правильно расположить силы, определить группировки, которые следует усилить. Естественно, возникали вопросы, за счет кого и чего. На любой из них начальник штаба всегда был готов ответить. У него, как у гроссмейстера, предусматривались различные возможные ходы противоборствующей стороны. Имелись резервы для нейтрализации ее выпадов. Такой подход обеспечивал успех в учебных боях. Да и действовать по планам, подписанным Смирновым, подчиненным было надежно, легко. Недаром товарищи величали его за глаза академиком.

Когда в Военно-морском флоте начали совершенствовать тактику использования сил, современных кораблей, то возглавить это дело правомерно поручили вице-адмиралу Смирнову. Не теряя времени, он взялся за работу со всей энергией. В первую очередь сплотил коллектив. Нацелил его на работу. Сам сил не жалел. Бывало, спал по три-четыре часа в сутки. Тогда он, пожалуй, сделал самый важный свой вклад в развитие теории и практики нашего океанского ракетно-ядерного флота.

Моряки частенько шутят: кто внес предложение, тот пусть и осуществит. Наверное, это справедливо. Вряд ли кто другой лучше видит пути решения проблемы. Так или иначе, но труд Николая Ивановича Смирнова был высоко оценен, и в 1969 году он назначается командующим Тихоокеанским флотом. Здесь особенно ярко проявился его талант флотоводца. Смирнов приложил немало сил для повышения качественного уровня подготовки личного состава, укрепления обороноспособности дальневосточных границ. Партия и советское правительство отметили выдающиеся заслуги Н. Смирнова присвоением ему высокого воинского звания «адмирал флота».

Но люди ценят Николая Ивановича не только как адмирала флота, а и как человека с большой буквы. Он скромный, доступный, обаятельный, располагающий к себе. От этого у собеседника пропадает скованность. Получается душевный разговор. Для адмирала флота Смирнова моряки, говоря нахимовскими словами, главный двигатель. Он общается с подчиненными, видит свое предназначение через призму заботы о них. Создает условия для самостоятельности, доверяет, не сковывает инициативу, поддерживает полезные начинания, по-сильно способствует новому. Командующий взыскивал больше за непринятие мер, чем за решительные действия, оправданный риск.

При просьбах адмирал не искал оснований для отказа, а прилагал все усилия к их возможному удовлетворению. Одновременно изучал причины обращения. Решал вопросы основательно. Ответы были четкими, понятными и не вызвали сомнений. Таким подходом командующий завоевал большой авторитет у моряков и трудящихся края. Единодушно они избирают адмирала флота Н.И. Смирнова своим депутатом в Верховный Совет СССР 8-го созыва. Краевая партийная организация направила его делегатом на XXIV съезд КПСС. В 1971–1976 годах Николай Иванович избирался кандидатом в члены Центрального комитета нашей партии.

В последующие годы Н. Смирнов на посту первого заместителя главнокомандующего ВМФ продолжает активно участвовать в строительстве Вооруженных сил СССР, в организации и совершенствовании боевой подготовки. Одной из забот Николая Ивановича остаются вопросы воспитания и обучения командиров кораблей и соединений, незаурядных по нынешним меркам людей. Он, как председатель центральной квалификационной комиссии, продолжает давать им путевки в ходо-

вые и центральные посты современных океанских ракетно-ядерных кораблей, на командные пункты частей. А дело это во все времена было сложным. В своей статье в «Морском сборнике»¹ адмирал флота Смирнов пишет:

«Еще известный флотоводец С.О. Макаров писал: «Из всех обязанностей начальника самая несимпатичная есть та, в которой приходится применять меры для устранения из линии людей, не обещающих быть хорошими командирами. Начальник, поступающий так, без сомнения, становится врагом лиц, которым он не дает ходу, но если поступать иначе, то он становится врагом того флота, которому служит»².

Прежде чем решиться на такой шаг, необходимо тщательно все проверить, взвесить. Как-то мне пришлось разбираться с одним молодым командиром подводной лодки, который неожиданно попал в экстремальные условия, не сумел грамотно проанализировать обстановку и принял неверное решение — прекратить выполнение «учебной задачи». Нужно было понять, почему он так поступил: из-за слабой подготовки, личной недисциплинированности или по какой-либо другой причине.

В ходе продолжительной беседы офицер рассказал, что, столкнувшись с непривычными действиями, маневром «противника», он просто растерялся. Честность командира, строгая оценка своего поведения подкупали, давали гарантию, что в дальнейшем он никогда не допустит ничего подобного.

¹ «Профессиональная компетентность командира», Морской сборник, № 12, 1983 стр. 33-38.

² Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. — Военмориздат, 1942, с. 261.

— Знаете, наверное, и сам бы в данной ситуации поступил бы не лучше — заметил я, будучи уверен, что собеседник все правильно поймет.

В настоящее время офицер в полной мере освоил корабль и успешно им командует».

За делами и семейными хлопотами Смирнов не забывает отчий дом. Для кого-то Робцово просто затерянный в костромских лесах, в стороне от проезжих дорог пункт. Не на каждой карте найдешь. Для Николая Ивановича — родная деревня. Время от времени он приезжает сюда. Ходит по тропам детства, встречается с одногодками и молодежью. И тогда идет простой откровенный разговор. Люди охотно делятся со знаменитым земляком и радостями, и горестями.

Вспоминает Николай Иванович, что еще в 1920-х в школу бегали босиком шесть верст, а о носках и понятия не имели... Молодежь ухмыляется. Не верят. Представить не могут. Последний раз выбрался из столицы в Робцово всей семьей — жена, сын, невестка. Осенние дороги так развезло, что от станции до деревни пришлось добираться на попутном тракторе.

Николай Иванович встретился с секретарем райкома Г. Борзовым и председателем райисполкома Л. Бодровым. Поговорили о проблемах, как сейчас принято говорить, неперспективных деревень. Договорились, что надо проложить в глубинку несколько десятков километров дорог. Смотришь, и молодые не будут уходить с насиженных мест.

Как-то при очередной встрече с адмиралом флота стал невольным свидетелем выполнения им наказа земляков. По телефону шел разговор о щебне, который так нужен для прокладки дороги. Еще раз убедился в высокой ответственности этого человека перед людьми, коллективом,

обществом. Положив трубку, Николай Иванович, как бы объясняя перерыв в разговоре, сказал:

— Я счастлив, что могу хоть чем-нибудь быть полезным родным местам.

Живет адмирал полноценной жизнью, щедро отдавая себя родине. Видит новое, порой намного опережающее сегодняшние понятия, стремится преодолеть мглу косности и неверия, а иногда и лени. Любит мужество. И не только то, что проявлялось под бомбами. Но и то, что необходимо для принципиальной партийной критики и при докладах начальникам. Не по душе ему делячество, ловкачество, бумажное кипение.

Можно вполне утверждать, что судьбы советской державы и ее ровесника тесно переплелись. Он всегда по большому счету сверял свое сердцебиение с ритмом Отчизны, и это по праву отразилось в блеске звезды Героя Советского Союза, которой в 1984 году удостоен адмирал флота Николай Иванович Смирнов.

Быть ли России великой морской державой¹

Николай Иванович Смирнов,
Герой Советского Союза, адмирал флота

В период сложной политической обстановки и острого экономического кризиса приобретает особое значение взвешенный, вдумчивый подход к насущным проблемам армии и флота. Наше государство имеет трехвековую историю великой морской державы, а Военно-морской флот является одной из важнейших основ ее могущества.

Решения, которые принимаются сегодня, являются как никогда судьбоносными для флота, для будущего России на морях и океанах. Как бы ни было трудно сегодня, необходимо позаботиться о дне завтрашнем — пока живо дело, пока есть кому дорожить традициями

¹ № 2(5) газеты «Щит» от 14 марта 1992 года, номер «Армия и флот».

флота. Этому обязывает особое военно-географическое положение государства, огромная протяженность морских границ, сложившиеся океанские коммуникации. С этим непосредственно связаны жизненно важные интересы страны по использованию богатств Мирового океана — запасов сырья, энергии, продовольствия, что во многом определяет наше будущее место в мировой экономике. О необходимости принятия неотложных мер с подробным обоснованием было написано в открытом письме президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, озаглавленном «Спасите флот и честь России» и подписанном группой адмиралов и генералов Военно-морского флота («Советская Россия» от 28 декабря 1991 года)¹.

К сожалению, находятся политические деятели, журналисты, которые ради сиюминутной выгоды или кажущегося облегчения экономической ситуации готовы жертвовать тем, что создавалось русским народом веками или во всяком случае многими десятилетиями, — кровью и потом. Типичным примером такой позиции может служить статья Ю. Сорокина («Комсомольская правда» от 17 января 1992 года), где он пишет: «России надо решить, что ей дороже: статус великой морской державы или нормальная и как минимум сытая жизнь ее граждан». Хочется ответить автору словами великого Петра

¹ Подписали это письмо ветераны военно-морского флота: Герой Советского Союза адмирал флота Егоров Г.М., Герой Советского Союза адмирал флота Смирнов Н.И., адмирал флота Сергеев Н.Д., Герой Советского Союза адмирал Коробов, Герой Социалистического Труда адмирал Котов П.Г., Герой Советского Союза адмирал Михайловский А.П., адмирал Михайлин В.В., адмирал Сидоров В.В., Герой Советского Союза вице-адмирал Матушкин Л.А., Генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза Кузнецов Г.А., Генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза Мироненко А.А., вице-адмирал Устьянцев А.М.

ет понимать, разумеется, не только как военную, а как целый комплекс различных компонентов, относящихся к экономике, политике и обороноспособности в тесной взаимосвязи.

Поучительно в этой связи привести высказывание бывшего министра ВМС США П. Игнатуса: «Если все аспекты морской мощи привести в связь с собственными интересами США... то следует отметить, что для обеспечения поддержки военных операций с целью сохранения гибкости самостоятельных действий необходимо иметь крупный и современный торговый флот, плавающий под американским флагом. Без сильного флота ряд самостоятельных вариантов военных решений может быть упущен. Имея преимущество в технических достижениях по использованию океанов, США должны открывать новые области для расширения американского влияния в международном масштабе. Эта ведущая роль в исследовании океанов может оказаться очень важной для будущего развития морской мощи США, тесно связанной с их национальной экономикой. Аналогичным образом, превосходство в вопросах океанографии поможет США сохранить свою роль лидера в научном мире, а также пожинать плоды практических выгод от сопутствующих результатов, которые очень часто не могут быть предсказаны заранее. Престиж в международном мире является важным не только для зарубежных покупателей американской продукции, но и для международных отношений США, опирающихся на свою морскую мощь».

Очень показательным и обнадеживающим событием в жизни флота явилось перезахоронение в Севастополе останков прославленных русских адмиралов Михаила Петровича Лазарева, Павла Степановича Нахимова, Владимира Алексеевича Корнилова, Владимира Ивановича Исто-

мина. Отдавая дань памяти героям, нашедшим вновь свой покой под сводами Владимирского собора, «почетной и священной могиле для черноморских моряков», по словам адмирала Нахимова, мы восстанавливаем один из ярких символов славы, достоинства и чести российского флота.

Главная задача сегодняшнего дня — сохранить на переходный период единую систему безопасности, единое военно-стратегическое пространство, единое управление Вооруженными силами СНГ и объявить мораторий на раздел Военно-морского флота, по крайней мере на два-три года. Отсутствие единого Военно-морского флота может привести к возможной гонке военно-морских вооружений и к возникновению противостояния на море. Только на базе объединенных Вооруженных сил и единого Военно-морского флота можно выработать приемлемую для суверенных государств оборонительную доктрину, которая надежно могла бы предотвратить любую угрозу с морских и океанских направлений.

Вместо послесловия

Когда книга была уже готова к верстке, произошло знаменательное событие: 20 июля 2017 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал Указ «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года».

Как бы отвечая на вопрос, поставленный четверть века назад в последней статье адмирала флота Смирнова Н.И., в документе говорится: «Российская Федерация по-прежнему сохраняет статус великой морской державы». Мощный океанский Военно-морской флот сегодня является стратегически важной составляющей вооруженных сил страны — отмечается, что «только наличие сильного Военно-морского флота обеспечит России лидирующие позиции в многополярном мире в XXI веке, позволит ей эффективно реализовывать и защищать свои национальные интересы».

Оглавление

Часть 1. Рассказ о необыкновенном человеке из народа	3
Александра Красногородская, журналист, заместитель главного редактора «Известий»	3
Часть 2. Воспоминания товарищей, сослуживцев и родных адмирала флота Смирнова	59
«Главная черта — забота о людях» Константин Михайлович Харчев. Будучи первым секретарем Владивостокского горкома КПСС и секретарем по идеологии Приморского крайкома, плотно работал с Н.И. Смирновым, в 1969–1974 годах занимавшим пост командующего Тихоокеанским флотом. Впоследствии был послом, а в годы перестройки — председателем совета по делам религий при правительстве СССР	60
«Перед лицом опасности был спокоен» Виктор Кузьмич Кузубов, капитан I ранга в отставке. В 1970–1974 годах служил старшим адъютантом под началом Н.И. Смирнова на Тихоокеанском флоте	70
«В нем чувствовался державный масштаб» Евгений Яковлевич Литвиненко, вице-адмирал, в прошлом командующий Приморской флотилией. В начале 1970-х командир корабля на Тихоокеанском флоте	79

- «Обладал незаурядным умом, живо интересовался новейшими достижениями науки и техники»**
Тенгиз Николаевич Борисов,
вице-адмирал, доктор технических наук, инженер-кораблестроитель. Занимался обеспечением живучести подлодок, изучением гидродинамики, развитием теории корабля. Его знания и опыт были высоко отмечены Н.И. Смирновым 82
- «С головой бросался в любое дело, если понимал, что оно принесет пользу флоту»**
Татьяна Афанасьевна Зинченко,
доктор медицинских наук, разработчик уникальной методики определения критериев общего состояния здоровья человека. Познакомилась с Н.И. Смирновым в 1982 году в Москве 91
- «Благодаря ему остался жив»**
Александр Матвеевич Калачев
служил под началом Н.И. Смирнова на Черноморском флоте с 1955 по 1964 год, водителем и начальником автослужбы подводников — в Балаклаве, а после 1964-го — на Тихоокеанском флоте 100
- «Был уникальным командующим, никого не боялся и мыслил широко»**
Михаил Петрович Храмцов,
капитан I ранга в отставке. В 1970–1974 годах командир 173-й бригады противолодочных кораблей на Камчатке 105
- «Обращался к низшим чинам с какой-то подкупающей теплотой...»**
Виктор Васильевич Образцов,
контр-адмирал, инспектор Восточного военного округа. Начинал морскую службу на Камчатке командиром машинно-котельной группы в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда командующим Тихоокеанским флотом был Н.И. Смирнов 108

- «Командовал флотом в режиме холодной войны» . . . 111**
 Константин Семенович Сиденко,
 адмирал, командующий войсками Восточного
 военного округа (2010–2013), командующий
 Тихоокеанским флотом (2007–2010), командующий
 Балтийским флотом (2006–2007). Начиная службу
 на Камчатке в середине 1970-х годов 111
- «Всем процессом создания музея С-56
 руководил непосредственно»**
 Борис Алексеевич Никитин,
 подполковник, военно-морской летчик, фронтовик.
 После победы служил на различных должностях
 в ВМФ, в 1970–1977 годах работал старшим
 научным сотрудником Военно-исторического
 музея Тихоокеанского флота 114
- «Даже в смутное время, в лихие 1990-е,
 в нем сохранялось лучезарное добро»**
 Евгений Викторович Симаков,
 контр-адмирал, в прошлом начальник
 гидрографической службы Тихоокеанского флота.
 Сын Валентины Симаковой, с семьей которой
 молодой подводник Н.И. Смирнов подружился
 в 1939 году в первые дни службы на Тихом океане,
 а Римма, Валина подруга и одноклассница,
 впоследствии стала женой будущего
 адмирала флота 118
- «В последние годы жизни переживал трагедию
 общегосударственного масштаба как личную»**
 Юрий Сергеевич Мухин,
 племянник Николая Ивановича по матери,
 полковник МВД в отставке 123
- «Папа отличался невероятной харизмой
 и светлой аурой»**
 Наталья Николаевна Аракелова,
 дочь адмирала флота 127

«Старые фотографии не обманут — чувствуется сила людская»	134
Вера Александровна Воробьева, племянница, дочь Любови Ивановны, родной сестры Н.И. Смирнова	134
Часть 3. Материалы, касающиеся адмирала флота Н.И. Смирнова	141
На службе и дома	
Сергей Николаевич Смирнов, сын адмирала флота	142
Ровесник Октября	
Виктор Васильевич Синегубов, капитан I ранга	202
Быть ли России великой морской державой	
Николай Иванович Смирнов, Герой Советского Союза, адмирал флота	214
Вместо послесловия	219

УДК 929
ББК 63.3
А 31

*Под редакцией Красногородской А. А. и Смирнова С. Н.
Оформление переплета М. Левыкина*

А 31 Адмирал флота Смирнов — человек и флотоводец / под ред. Красногородской А. А. и Смирнова С. Н. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2017. — 224 с.

ISBN 978-5-9908266-8-7

Эта книга была подготовлена к 100-летию выдающегося адмирала, внесшего существенный вклад в развитие отечественного флота. Его неординарная личность, авторитет на флоте и разнообразная деятельность освещены с разных точек зрения в представленных материалах и воспоминаниях. Воссоздается картина тех лет, чтобы составить впечатление об этом человеке, которого с полным основанием можно назвать героем своей эпохи.

**УДК 929
ББК 63.3**

**© Смирнов С. Н., 2017
© Издательство «Пятый Рим»™, 2017
© ООО «Бестселлер», 2017**

ISBN 978-5-9908266-8-7

АДМИРАЛ ФЛОТА СМИРНОВ ЧЕЛОВЕК И ФЛОТОВОДЕЦ

В авторской редакции
Художественный редактор *М. Левыкин*. Верстка *А. Григорьев*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 13, стр. 1, оф. 811
Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

Подписано в печать: 10.08.2017.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «PT Serif Expert». Печать офсетная.
Бум. мел. Усл. печ. л. 11,76. Тираж 1 000 экз.
Зак. №

Отпечатано в:
ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
Комплекс 3А
www.pareto-print.ru

14+ | Издание не рекомендуется детям младше 14 лет

Рекомендую эту книгу всем, кому не безразличен российский военно-морской флот, его история и будущее. Ее будет в особенности интересно прочесть тем, чья судьба связана со флотом, от ветеранов до молодого поколения моряков. Яркий образ блестящего, интеллектуального офицера и прекрасного человека, которым адмирал предстает в воспоминаниях современников, наверняка запомнится читателю. А для флотской молодежи жизнь адмирала флота Смирнова, целиком отданная служению Отечеству – пример, достойный подражания.

Адмирал флота
Куроедов Владимир Иванович,
Главнокомандующий Военно-морским флотом
Российской Федерации
в 1997–2005 годах

ISBN 978-5-9908266-8-7

9 785990 826687